

Редакционный совет серии «История, филология»

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный педагогический университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

**Редакционная коллегия
выпуска «Археология и этнография»**

Ответственный редактор

А. И. Кривошапкин д-р ист. наук, проф. РАН (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Ответственный секретарь

Л. А. Бобров д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редколлегии

Н. Н. Крадин чл.-кор. РАН, д-р ист. наук, проф. (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальневосточный федеральный университет, Россия)

Р. М. Краузе д-р истории, проф. (Университет Франкфурта-на-Майне им. И. В. Гёте, Германия)

Б. Е. Кумеков акад. Национальной академии наук Республики Казахстан, д-р ист. наук, проф. (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан)

Л. В. Лбова д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

А. Наглер д-р истории (Германский археологический институт, Германия)

З. Самашев д-р ист. наук, проф. (Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан)

К. Ш. Табалдиев канд. ист. наук, проф. (Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Кыргызстан)

Е. Ф. Фурсова д-р ист. наук (Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

С. Хансен д-р истории, проф. (Германский археологический институт, Германия)

Я. Хохоровский д-р истории, проф. (Институт археологии Ягеллонского университета, Польша)

Ю. С. Худяков д-р ист. наук, проф. (Институт археологии и этнографии СО РАН, Россия)

Сукбэ Чжун д-р истории, проф. (Университет культурного наследия Республики Корея, Пуё, Республика Корея)

Advisory Board of Academic Journal «Vestnik NSU. Series: History, Philology»

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Historical Sciences, Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor in History, Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishek Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor in Philology, Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Historical Sciences, Professor (Novosibirsk State Pedagogical University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

N. L. Zhukovskaya Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)

O. D. Zhuravel Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor in Philology, Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Philological Sciences, Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor in History, Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor in History, Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor in History, Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor in History, Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor in Archaeology and Anthropology, Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor in History, Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantiev Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor in History, Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Philological Sciences, Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue «Archaeology and Ethnography»

Executive Editor

A. I. Krivoshepin Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Executive Secretary

L. A. Bobrov Doctor of Historical Sciences, Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

N. N. Kradin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of History, Archaeology and Ethnography of Far Eastern nations of Far East Branch of the Russian Academy of Science, Far East Federal University, Vladivostok, Russian Federation)

R. M. Krause Doctor in History, Professor (Goethe University of Frankfurt, Germany)

B. E. Kumekov Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Historical Sciences, Professor (L. N. Gumilev Eurasian National University, Astana, Kazakhstan)

L. V. Lbova Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

A. Nagler Doctor in History (German Archaeological Institute, Berlin, Germany)

Z. S. Samashev Doctor of Historical Sciences, Professor (A. Kh. Margulan Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences, Republic of Kazakhstan)

K. Sh. Tabaldiev Candidate of Historical Sciences, Professor (Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyzstan)

E. F. Fursova Doctor of Historical Sciences (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

T. Higham Doctor in History, Professor (University of Oxford, United Kingdom)

S. Hansen Doctor in History, Professor (German Archaeological Institute, Germany)

J. Chochorowski Doctor in History, Professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Yu. S. Khudyakov Doctor of Historical Sciences, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Suk-Bae Jung Doctor in History, Professor (Korean National University of Cultural Heritage, Buyeo, Korea)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2020. Том 19, № 3: Археология и этнография

СОДЕРЖАНИЕ

Преподавание археологии в вузах

- Нестеркина А. Л., Кан Ин Ук.* Летний курс археологии Сибири для иностранных студентов (2018 год, студенты из Республики Корея) 9

История науки

- Деревянко Е. И., Молодин В. И., Ненахова Ю. Н.* К 75-летию Великой Победы: вклад ученых в победу над фашизмом. Академик А. П. Окладников 16

Археология Евразии

- Матвеева Н. П., Зеленков А. С., Третьяков Е. А., Овчинников И. Ю.* Хронологические комплексы раннего железного века и Средневековья в Зауралье (по материалам Папского городища) 31
- Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Солтобаев О. А.* Коллекция железных наконечников стрел из собрания музея «Раритет» в Бишкеке 49
- Горохов С. В.* Ленточные свайно-столбчатые фундаменты башен в городах и острогах Сибири 58
- Адамов А. А., Балюнов И. В.* Ручное огнестрельное оружие русских воинов в Сибири конца XVI – XVII века (по археологическим материалам города Тобольска) 70

Этнография народов Евразии

- Бобров Л. А., Новоселов В. Р.* Сабля казахского Вали-хана из собрания Музеев Московского Кремля 87
- Досмурзинов Р. К.* Этнография казахского народа в работах Григория Николаевича Потанина 105
- Бадмаев А. А.* Энтомологические образы в мировоззрении бурят 110
- Прищепа Е. В.* Номинации жилищ и некоторые вопросы их генезиса в традиционной культуре хакасов 119
- Базырчап А.-Х. О., Конгу А. А.* Представления о злых духах у тувинцев 134
- Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З.* Глазные недуги в традиционных представлениях тюрко-монгольских народов Внутренней Азии в XIX – начале XX века: природа заболеваний, профилактика и лечение 147

Научная информация

<i>Бычков Д. А., Павленок К. К., Выборнов А. В.</i> Методический семинар «Сохранение объектов археологического наследия Российской Азии: результаты и тенденции» (Новосибирск, 4–5 марта 2019 года)	160
Список сокращений	165
Информация для авторов	167

VESTNIK NSU

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography

CONTENTS

Teaching of Archaeology in High Schools

- Nesterkina A. L., Kang In Uk.* A Summer Course on Siberian Archaeology for Foreign Students (2018, Students from the Republic of Korea) 9

History of a Science

- Derevyanko E. I., Molodin V. I., Nenakhova Yu. N.* 75th Anniversary of Great Victory: Scientists' Contribution to the Victory over Fascism. Academician A. P. Okladnikov 16

Archaeology of Eurasia

- Matveeva N. P., Zelenkov A. S., Tretyakov E. A., Ovchinnikov I. Yu.* Chronological Complexes of the Iron and Middle Ages in the Trans-Urals (Based on the Materials of the Papskoe Settlement) 31
- Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Soltobaev O. A.* A Collection of Iron Arrowheads from the Museum "Rarity" in Bishkek 49
- Gorokhov S. V.* Continuous Pile and Column Foundations of Towers in Siberian Towns and Ostrogs 58
- Adamov A. A., Balyunov I. V.* Hand-Held Firearms of Russian Warriors in Siberia at the End of the 16th – 17th Centuries (According to Tobolsk Archaeological Materials) 70

Ethnography of the Peoples of Eurasia

- Bobrov L. A., Novoselov V. R.* A Saber of the Kazakh Vali Khan from the Collection of the Moscow Kremlin Museums 87
- Dosmurzinov R. K.* Ethnography of the Kazakh People in Grigorii Potanin's Studies 105
- Badmaev A. A.* Entomological Images in the Worldview of the Buryats 110
- Prishchepa E. V.* Names for Houses and some Issues on their Genesis in the Traditional Khakass Culture 119
- Bazyrchap A.-Kh. O., Kongu A. A.* Evil Spirits as Viewed by the Tuvans 134
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z.* Eye Diseases in Traditional Views of the Turk-Mongolian Peoples of Siberia: Their Nature, Prevention and Treatment of the Diseases 147

Scientific Information

<i>Bychkov D. A., Pavlenok K. K., Vybornov A. V. A Methodological Seminar “Preservation of the Objects of Archaeological Heritage of Russian Asia: Results and Trends” (Novosibirsk, March, 4–5, 2019)</i>	160
List of Abbreviations	165
Instructions to Contributors	167

УДК 902.03

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-9-15

Летний курс археологии Сибири для иностранных студентов (2018 год, студенты из Республики Корея)

А. Л. Нестеркина¹, Кан Ин Ук²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Университет Кёнхи
Сеул, Республика Корея*

Аннотация

Преподавание археологии Сибири иностранным студентам имеет свои особенности и требует специального подхода. Не все термины и явления находят эквиваленты в языке и археологическом опыте учащихся. Преподавателю трудно заинтересовать их простым чтением лекций, поскольку не всегда можно достичь полного контакта с аудиторией. Все эти проблемы помогает решать применение наглядных материалов при чтении курсов. В археологии таким наглядным материалом является сам памятник или артефакт. Особую популярность как способ преподавания археологии иностранцам приобретает метод «погружения» в среду изучаемого предмета, под которым мы понимаем экскурсию на памятники археологии и проведение лекций непосредственно на месте. Такая методика была реализована сотрудниками ИАЭТ СО РАН и профессором Кан Ин Уком в 2018 г. в ходе проведения летнего курса археологии Сибири для студентов-историков из Университета Кёнхи. Студенты посетили курганные комплексы и объекты наскального искусства на территории Горного Алтая, грунтовые могильники эпохи неолита и бронзы в Барабинской лесостепи. В программу курса входило также чтение лекций на каждом объекте. Как показывает наш опыт, наибольший интерес у учащихся вызывали сюжеты, которые находят аналогии в древних культурах Корейского полуострова: курганные сооружения, изображения женщин-шаманок, предметы андроновского облика. Данные сюжеты актуальны не только в качестве дипломных работ, но и как темы отдельных научных проектов.

Ключевые слова

Сибирь, археология, преподавание, иностранные студенты, экскурсия, лекция

Для цитирования

Нестеркина А. Л., Кан Ин Ук. Летний курс археологии Сибири для иностранных студентов (2018 год, студенты из Республики Корея) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 9–15. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-9-15

A Summer Course on Siberian Archaeology for Foreign Students (2018, Students from the Republic of Korea)

A. L. Nesterkina¹, Kang In Uk²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Kyung Hee University
Seoul, Republic of Korea*

Abstract

Purpose. Teaching Siberian archaeology to foreign students has its own characteristics and requires a special approach. Not all terms and phenomena are equivalent to the language and archaeological experience of the students.

© А. Л. Нестеркина, Кан Ин Ук, 2020

Therefore, the teacher is unlikely to be able to make foreign students interested in their subject matter by simply giving lectures, since it is not always possible to achieve a full contact with the audience. The use of visual materials while conducting courses helps solve a lot of problems of teaching Siberian archaeology to foreign students. In archaeology, such a visual material is an archaeological site or an artifact. Thus, the method of "immersion" into the environment of the subject studied, which we implement as an excursion to archaeological sites while giving lectures directly at the place where the studied phenomenon can be found, is particularly popular as a way of teaching archaeology to foreigners.

Results. Such a technique was implemented in 2018 by researchers of the Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS and Professor Kang In Uk during the summer course of teaching Siberian archaeology to history students from Kyung Hee University (Seoul, the Republic of Korea). As a part of this course, students visited mound complexes and rock art objects in the Altai Mountains and ground burial sites of the Neolithic and Bronze Age in the Baraba forest-steppe region. The course included not only a detailed examination of the sites, but also lecturing at each of them. As our experience shows, the students were most interested in the topics resembling the ancient culture of the peoples of the Korean Peninsula, such as burial mounds, rock images of female shamans, Andronovo-type objects, etc. These subjects are relevant not only for research theses, but also as topics for individual research projects. This indicates that the goal of hosting a summer course on archaeology of Siberia for Korean students was achieved: the topic aroused deep interest among the audience.

Conclusion. There is no doubt that the methodology of teaching Siberian archaeology to foreign students described in the present article is not only effective, but also has great prospects in the form of various master classes and workshops, as well as in the form of direct participation of foreign students in archaeological excavations in Siberia.

Keywords

Siberia, archaeology, teaching, foreign students, excursion, lecture

For citation

Nesterkina A. L., Kang In Uk. A Summer Course on Siberian Archaeology for Foreign Students (2018, Students from the Republic of Korea). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 9–15. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-9-15

Введение

В последнее время все большей популярностью среди студентов разных вузов пользуются учебные курсы, в основу которых положен метод «погружения» в среду изучаемой дисциплины. Ранее такой подход ассоциировался главным образом с обучением иностранным языкам. Для студентов организовывалась стажировка в страну изучаемого языка, где учащиеся погружались в языковую и культурную среду. Практика подобных стажировок хорошо себя зарекомендовала: студенты не только эффективно и быстро обучались языку, но также получали возможность познакомиться с традициями, обычаями и культурой изучаемой страны, что, в свою очередь, способствовало успешному освоению иностранного языка.

Подобный метод применяется не только в практическом обучении иностранным языкам, но и в преподавании других гуманитарных дисциплин, в том числе археологии. Этим обстоятельством и определяется актуальность настоящей работы.

Цель данной статьи – продемонстрировать опыт проведения летнего курса по археологии Сибири для студентов-историков из Университета Кёнхи Республики Корея и оценить возможности и перспективы применения метода «погружения» для преподавания археологии иностранным студентам.

Особенности летнего курса по археологии Сибири для корейских студентов-историков

Весной 2018 г. в ИАЭТ СО РАН поступило предложение от профессора Университета Кёнхи (Сеул, Республика Корея) Кан Ин Ука организовать и провести для студентов-историков этого вуза летний курс по археологии Сибири. Главными организаторами программы курса стали НГУ и ИАЭТ СО РАН (университет взял на себя обязанности по проведению общих аудиторных курсов «Основы русского языка» и «Основы истории Сибири»), а всю археологическую составляющую программы обеспечивали сотрудники института.

Курсы по археологии Сибири проходили в двух форматах: аудиторном и выездном. На последнем хотелось бы остановиться подробнее.

Практика показывает, что информация об археологических культурах, памятниках и предметах гораздо лучше воспринимается не в вербальном, а в визуально-вербальном формате. Конечно, визуальный ряд в данном случае может быть представлен в виде иллюстраций в статье, учебнике или монографии [Кан Ин Ук, 2015. С. 56]. Но наиболее эффективным способом представления археологической информации является экскурсия на памятники археологии и проведение лекций непосредственно на месте расположения изучаемого феномена. Данная практика особенно актуальна для преподавания археологии иностранным студентам. Часто приходится сталкиваться с тем, что многие несложные для восприятия русскоязычными студентами термины и явления не находят эквивалентов в языке и археологическом опыте иностранных учащихся (например, «керексур», «оленный камень»), требуя специального объяснения, которое очень хорошо может дополнить наглядный материал.

Летом 2018 г. были осуществлены две экскурсионные поездки на памятники археологии.

Первый маршрут проходил по объектам, расположенным вдоль Чуйского тракта в Горном Алтае. Наиболее показательными и доступными объектами здесь являются курганы пазырыкской культуры, например Башадарские в Онгудайском районе Республики Алтай находятся в 1,5 км к северо-западу от с. Кулада, на левом берегу р. Кулады. Памятник открыт и исследован С. И. Руденко, который зафиксировал здесь 57 объектов, образующих несколько обособленных курганных групп. Выявленные сооружения различны по величине (от 87 до 58 м, высотой до 2,7 м). Все они сложены из камня, в разной степени задернованы и заросли кустарником. Многие имеют в центре воронки – следы ограбления. Преобладают сооружения пазырыкской культуры (эпоха раннего железа, VI–III вв. до н. э.). Два из таких больших курганов (№ 1 и 2) были раскопаны С. И. Руденко. В обоих найдены седла, предметы домашней утвари, обувь, украшения, а также мумифицированные останки людей разной степени сохранности [Руденко, 1960. С. 22–41]. На объекте д-ром ист. наук А. И. Соловьевым была прочитана лекция, в которой рассказывалось об особенностях самого памятника и окружающего его ландшафта (рис. 1). Грандиозные сооружения пазырыкской культуры вызвали у корейских студентов большой интерес. На территории Корейского полуострова также существовала традиция захоронений в курганах, но она более поздняя и имеет свои особенности: сооружения, преимущественно, земляные, а антропологические останки в них сохраняются плохо. Однако известны и аналогичные сооружения – курганы с деревянной погребальной камерой и каменно-земляной насыпью, принадлежащие к культуре царства Силла. Сопоставление особенностей конструкции и погребального обряда пазырыкских и силласких курганов может стать перспективной темой дипломной работы для корейских студентов.

Другим объектом посещения стали наскальные рисунки в урочище Калбак-Таш. Наиболее известным здесь считается комплекс Калбак-Таш I, расположенный на правом берегу р. Чуи, приблизительно в 12 км выше ее слияния с Катунью и в 18 км от с. Иня (Онгудайский район, Республика Алтай). Скальное возвышение с рисунками расположено на высоте 770 м над уровнем моря. На местонахождении выявлено более 3 500 различных наскальных рисунков: изображения людей, животных, фантастических существ [Кубарев, 2010. С. 44, 47]. На объекте студенты прослушали лекцию канд. ист. наук Д. В. Черемисина, посвященную местонахождению Калбак-Таш I и его месту среди памятников наскального искусства Горного Алтая (рис. 2). Наибольший интерес у студентов из Южной Кореи вызвали сюжеты, которые исследователи интерпретируют как изображения женщин-шаманок [Там же. С. 56]. Подобные изображения не имеют абсолютных аналогий в наскальном искусстве Корейского полуострова. Однако антропоморфные изображения, которые корейскими исследователями связываются с шаманами, широко известны по материалам исследований писаницы эпохи бронзы Пангудэ в районе г. Ульсан [Им Сегвон, 2014. С. 28–30]. Сопоставление таких изображений, а также изучение истоков и особенностей корейского шаманизма также является перспективной темой для написания квалификационной работы студентами как в Корее, так и в России.

Рис. 1. Лекция д-ра ист. наук А. И. Соловьева о курганных комплексах пазырыкской культуры (фото проф. Кан Ин Ука)

Fig. 1. A lecture by Doctor of History A. I. Solovyev on the mounds of the Pazyryk culture (photo by prof. Kang In Uk)

Рис. 2. На памятнике Калбак-Таш I после лекции канд. ист. наук Д. В. Черемисина (фото проф. Кан Ин Ука)

Fig. 2. At the site Kalbak-Tash I after a lecture by PhD. D. V. Cheremisin (photo by prof. Kang In Uk)

Рис. 3. На памятнике Тартас-1 (фото проф. Кан Ин Ука)
Fig. 3. At the Tartas-1 site (photo by prof. Kang In Uk)

Второй маршрут экскурсий прошел по Барабинской лесостепи (Венгеровский район, Новосибирская область). Его задачей стало знакомство слушателей с памятниками эпох неолита и бронзы. На данной территории получили распространение совершенно иные типы археологических объектов – грунтовые могильники. Наиболее изученным и репрезентативным памятником здесь является могильник Тартас-1. Он расположен на высокой террасе правого берега р. Тартас, в 2,15 км к северо-востоку от автомобильного моста через р. Омь и в 2,5 км к северу от с. Старый Тартас. Исследования археологического объекта ведутся уже более 15 лет.

Работы на могильнике показали, что наиболее массовой и насыщенной материалом частью памятника являются погребальные комплексы андроновской (федоровской) культуры, которых к настоящему времени насчитывается более 500. Исследователями неоднократно отмечалось, что выявленный на Тартасе-1 андроновский (федоровский) могильник отражает сложные социально-экономические изменения, произошедшие в среде носителей этой культуры в период миграции популяций на территорию Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2018. С. 290–291]. Вопрос о происхождении андроновского компонента находится в настоящее время в процессе активной разработки, поскольку аналогичные культуры и отдельные их элементы встречаются в памятниках XVII–IX вв. до н. э. на обширной территории Евразии – от Южного Урала до Северо-Западного Китая [Молодин и др., 2019. С. 73–74].

Цель посещения данного памятника состояла не только в знакомстве с ним как с объектом археологии, но также в демонстрации иностранным студентам процесса и методики археологических раскопок подобных объектов. Студенты не только посмотрели сам памятник и рас-

копы, но и подержали в руках и детально рассмотрели найденные здесь артефакты (рис. 3). Кроме того, академиком В. И. Молодиным была прочитана очень интересная и познавательная лекция об эпохе бронзы Северной Евразии. Тематика, связанная с андроновской культурной общностью, несомненно, чрезвычайно перспективна для исследования как в России, так и в Корее, в том числе и в рамках дипломных работ по темам, связанным с началом бронзового века на территории Корейского полуострова.

Заключение

О научно-образовательной эффективности описанного в статье формата проведения летнего курса археологии для иностранных учащихся может свидетельствовать явное развитие у них интереса к изучению археологии Сибири. Подтверждением этому может служить участие в раскопках грунтовых захоронений в Барабинской лесостепи в 2019 г. группы из трех южнокорейских аспирантов. Кроме того, как утверждает профессор Кан Ин Ук, с каждым годом все больше выпускников бакалавриата исторического факультета Университета Кёнхи выражают желание продолжить обучение в магистратуре под его руководством по тематике археологии Сибири.

Не вызывает сомнений, что данная методика, получившая с легкой руки новосибирских журналистов название «путешествие во времени», обладает большими перспективами. В качестве таковых можно предложить проведение в ее рамках выездных мастер-классов или ворк-шопов по теме технико-технологических аспектов изготовления отдельных предметов и объектов культуры. Другим направлением может стать участие студентов в археологических раскопках на территории Сибири и в последующей камеральной обработке полученных в ходе полевых работ материалов. Последний момент чрезвычайно важен, поскольку участие иностранных студентов в археологических раскопках в Сибири дает им возможность ознакомиться не только с самими изучаемыми памятниками, но и с методикой проведения раскопок в Сибири, а также пообщаться с ведущими специалистами соответствующих научных направлений.

Список литературы

- Им Сегвон.** Хангуг-ый амгакхва (Петроглифы Кореи). Сеул: Тэвонса, 2014. 149 с. (на кор. яз.)
- Кан Ин Ук.** Юрасиа ёкса кихэн (По страницам истории Евразии). Сеул: Минымса, 2015. 332 с. (на кор. яз.)
- Кубарев В. Д.** История изучения святилища Калбак-Таш (Республика Алтай) // Древности Сибири и Центральной Азии. 2010. № 3 (15). С. 44–59.
- Молодин В. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С.** Планиграфия погребальных комплексов андроновской (федоровской) культуры на могильнике Тартас-1: к постановке проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. 24. С. 290–292. DOI 10.17746/2658-6193.2018.24.290-292
- Молодин В. И., Комиссаров С. А., Нестеркина А. Л.** Материалы из окрестностей озера Лобнор в фондах Центрального национального музея Республики Корея и их осмысление в контексте современных археологических исследований в Синьцзяне // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 5: Археология и этнография. С. 69–86. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-5-69-86
- Руденко С. И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: АН СССР, 1960. 360 с.

References

- Kang In Uk.** Yurasia yeoksa gihaeng [A Historical Trip around Eurasia]. Seoul, Mineumsa, 2015, 332 p. (in Kor.)

- Kubarev V. D.** Istoriya izucheniya svyatilishcha Kalbak-Tash (Respublika Altai) [The history of Studying the Ritual Place Kalbak-Tash (Altai Republic)]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia], 2010, no. 3 (15), p. 44–59 (in Russ.)
- Molodin V. I., Durakov I. A., Kobeleva L. S.** Planigrafiya pogrebal'nykh kompleksov andronovskoi (fedorovskoi) kul'tury na mogil'nike Tartas-1: k postanovke problemy [Layouts of Funeral Complexes of the Andronovo (Fedorovo) Culture from Tartas-1: Articulation of the Issue]. In: Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Issues of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2018, vol. 24, p. 290–292 (in Russ.) DOI 10.17746/2658-6193.2018.24.290-292
- Molodin V. I., Komissarov S. A., Nesterkina A. L.** Materialy iz okrestnostei ozera Lobnor v fondakh Tsentral'nogo natsional'nogo muzeya Respubliki Koreya i ikh osmyslenie v kontekste sovremennykh arkheologicheskikh issledovaniy v Sin'tszyane [Materials from the Vicinity of Lake Lop Nor in the Funds of the Central National Museum of Korea and their Understanding in the Context of Contemporary Archaeological Studies in Xinjiang]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 69–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-5-69-86
- Rudenko S. I.** Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya [Culture of the Population of Central Altai during the Scythian Period]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1960, 360 p. (in Russ.)
- Yim Segwon.** Khangug-yi amgakkhva [Rock Art of Korea]. Seoul, Daewonsa, 2014, 149 p. (in Kor.)

Материал поступил в редколлегию
Received
20.01.2020

Сведения об авторах

Нестеркина Анастасия Леонидовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
a.l.subbotina@yandex.ru
ORCID 0000-0002-3703-1527

Кан Ин Ук, PhD, профессор факультета истории гуманитарного колледжа Университета Кёнхи (Кёнхидэ-ро, 26, Тондэун-гу, Сеул, 02447, Республика Корея)
kanginuk@khu.ac.kr

Information about the Authors

Anastasiya L. Nesterkina, PhD in History, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17, Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
a.l.subbotina@yandex.ru
ORCID 0000-0002-3703-1527

Kang In Uk, PhD, Professor of the Department of History, College of Humanities, Kyung Hee University (26, Kyungheedaero, Dongdaemun-gu, Seoul, 02447, Republic of Korea)
kanginuk@khu.ac.kr

УДК 902/904; 908; 93/94
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-16-30

К 75-летию Великой Победы: вклад ученых в победу над фашизмом. Академик А. П. Окладников

Е. И. Деревянко, В. И. Молодин, Ю. Н. Ненахова

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Начало систематического и последовательного изучения древней истории Якутии было положено работами А. П. Окладникова. Его исследования пришлись на тяжелейшее для нашей Родины время – Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. В 1939 г. молодой, но уже известный ученый (кандидат наук, автор ряда открытий в Сибири и Средней Азии) получил приглашение от Института культуры при СНК ЯАССР для осуществления археологических исследований в долине р. Лены. Последующие шесть лет, т. е. в годы войны, его жизнь была неразрывно связана с открытием древнего прошлого Якутии. Поставленная перед ученым грандиозная задача по написанию истории этого региона была полностью решена. Эти и последующие масштабные исследования древнего прошлого Северной и Центральной Азии А. П. Окладникова по достоинству оценены как государством, так и научным сообществом. Он был удостоен медали «За доблестный труд» в Великой Отечественной войне, получил два ордена «Знак почета». Ученый стал автором большого числа важных научных публикаций, а позднее академиком, членом ряда отечественных и зарубежных научных сообществ. К разработанным им научным концепциям продолжают обращаться ученики, коллеги и современное поколение исследователей.

Ключевые слова

академик А. П. Окладников, В. Д. Запорожская, Великая Отечественная война, 1941–1945 гг., Якутия, Ленская историко-археологическая экспедиция

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР XII.186.2 (№ 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях»)

Для цитирования

Деревянко Е. И., Молодин В. И., Ненахова Ю. Н. К 75-летию Великой Победы: вклад ученых в победу над фашизмом. Академик А. П. Окладников // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 16–30. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-16-30

75th Anniversary of Great Victory: Scientists' Contribution to the Victory over Fascism. Academician A. P. Okladnikov

E. I. Derevyanko, V. I. Molodin, Yu. N. Nenakhova

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The 75th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War is celebrated in Russia in 2020. This article focuses on the research activities of Academician A. P. Okladnikov, whose mission during the Great Patriotic War of 1941–1945 was to study Yakutia's ancient history.

© Е. И. Деревянко, В. И. Молодин, Ю. Н. Ненахова, 2020

Results. Yakutia is located in the north-eastern part of Siberia. It is the largest administrative and territorial subject of Russia (3,083,523 square kilometers or 1,190,555 square mile) with a great natural economic and resource potential. The Soviet period in the history of the region is associated with its large-scale development. A. P. Okladnikov's research initiated the systematic study of Yakutia's ancient history. His research was conducted during the hardest time for Russia, the Great Patriotic War of 1941–1945. Back in 1939, a well-known young scientist, who had earned a PhD and was the author of several discoveries in Siberia and Central Asia, received an invitation from the Institute of Culture under the Council of People's Commissars of the Yakut ASSR to do archaeological research in the Lena River valley. During the following six years his life was devoted to ancient Yakutia.

Conclusion. The monumental task of writing the history of this region was fully implemented. The studies of A. P. Okladnikov are appreciated locally by the State and internationally by the scientific community. The scientist was awarded the medal "For Valiant Labour during the Great Patriotic War of 1941–1945" and two "Badge of Honor" orders. His scientific ideas are so fundamental that are still highly regarded by students, colleagues and modern researchers.

Keywords

academician A. P. Okladnikov, V. D. Zaporozhskaya, Great Patriotic War, 1941–1945, Yakutia, Lena historical and archaeological expedition

Acknowledgements

The work was performed as part of the Research program XII.186.2 (project no. 0329-2019-0003 "Historical and cultural processes in Siberia and in adjacent territories")

For citation

Derevyanko E. I., Molodin V. I., Nenakhova Yu. N. 75th Anniversary of Great Victory: Scientists' Contribution to the Victory over Fascism. Academician A. P. Okladnikov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 16–30. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-16-30

Введение

2020 год для России ознаменован празднованием 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Память о военных годах, о людях их переживших, завоевавших для человечества Великую Победу, хранят потомки. Неопенима роль советского фронтовика, отдавшего для Победы самое дорогое – жизнь. Именно советскому воину обязан мир победой над коричневой чумой, избавлением от фашизма. Безмерен вклад в Победу и тружеников тыла. Огромная роль здесь принадлежит советским ученым, без самоотверженного труда которых было немыслимо создание средств обороны, и, что не менее важно, воспитание советского человека, формирование патриотизма и любви к Родине. Эту важную задачу с энтузиазмом и вдохновением решали ученые-гуманитарии. К числу таких личностей, совершивших в годы Великой Отечественной войны гражданский подвиг, несомненно, относится академик Алексей Павлович Окладников – выдающийся советский археолог, историк и этнограф, организатор и первый директор основанного в 1966 г. Института истории, филологии и философии СО АН СССР (сегодня Институт археологии и этнографии СО РАН).

По своим масштабам и значимости для страны трудно переоценить важность проекта по изучению древней истории Якутии, реализация которого пришлась на военные годы. Эта гигантская по своему охвату задача была возложена на А. П. Окладникова, который к началу войны был еще молодым человеком (рис. 1), но уже состоявшимся ученым – кандидатом наук (1938 г.), автором блестящих открытий в Сибири и Средней Азии

В 1940 г. А. П. Окладников был командирован в Якутск (рис. 2) и до 1945 г. руководил Ленской историко-археологической экспедицией (ЛИАЭ). Перед ним была поставлена конкретная задача – написание древней истории Якутии, представлявшей собой в то время «сплошное белое пятно» [Васильевский, 1981. С. 10–21; 2003]. Сам А. П. Окладников и ряд ученых, обращавшихся к изучению его биографии, отмечали, что приглашение из Якутска от НИИ языка и культуры (НИИЯК) при Совете народных комиссаров (СНК) Якутской АССР поступило ученому еще в 1939 г. [Ларичев, 1958. С. 17–18; Окладников, Запорожская, 1959. С. 3–7; Деревянко, 1978. С. 39–63]. Другими исследователями начало изучения ученым

Рис. 1. А. П. Окладников, Ленинград, 1938 г. (фото из личного архива Е. А. Окладниковой)
 Fig. 1. A. P. Okladnikov, Leningrad, 1938 (photo from the personal archive of E. A. Okladnikova)

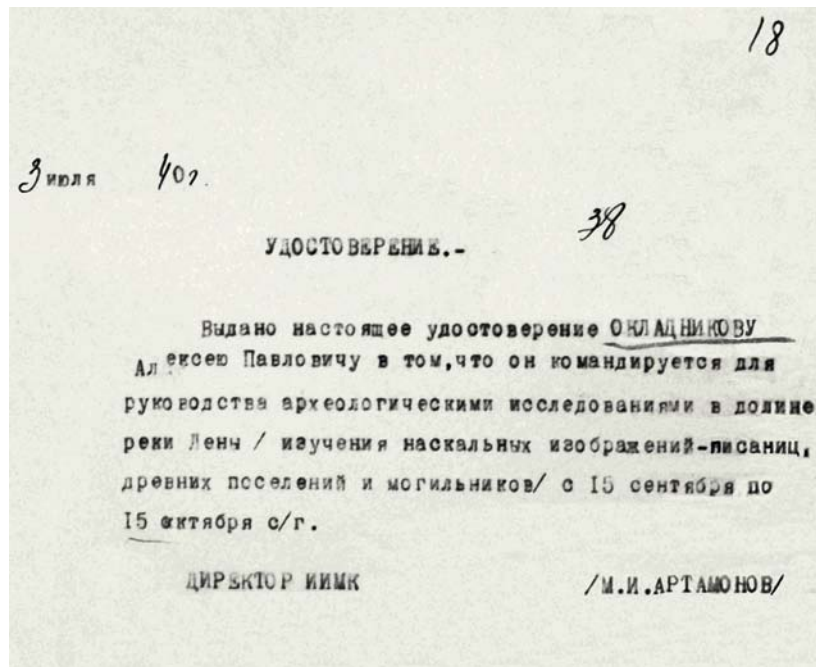

Рис. 2. Удостоверение о командировании А. П. Окладникова в Якутск, ИИМК, Ленинград, 1940 г. (фото из архива ИИМК РАН. Фонд 35. Опись 5. Ед. хр. 221)
 Fig. 2. A. P. Okladnikov's business travel authorisation form, IIMK, Leningrad, 1940 (photo from the archive of IIMK RAS. Fund 35. Inventory 5. St. un. 221)

Якутии относится к 1940 г. [Борисковский, 1982. С. 292 и др.]. Как бы то ни было, грандиозная по своим масштабам задача была поставлена перед ученым еще в довоенные годы, однако решать ее пришлось в труднейший для страны период, когда все силы и ресурсы отдавались фронту. И самое поразительное то, что поставленная задача была блестяще выполнена. Поэтому важно рассмотреть деятельность А. П. Окладникова в те годы и на современном уровне знаний оценить итоги его титанической работы.

Ленская историко-археологическая экспедиция

Археологические исследования в долине Лены (от истоков реки в Прибайкалье и вплоть до берегов Северного Ледовитого океана) стали результатом взаимодействия коллективов Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра (ИИМК) АН СССР, НИИЯиК при СНК ЯАССР, Якутского и Иркутского краеведческих музеев. НИИЯиК в октябре 1941 г. был закрыт, но финансирование Ленской экспедиции в 1942 г. продолжилось из средств бюджета Наркомата просвещения Якутской АССР. Работы экспедиции поддерживало и руководство республики – председатель СНК ЯАССР В. М. Муратов, его заместитель И. Е. Винокуров и нарком просвещения В. Н. Чемезов [Шелехова, Оконешников, 2008. С. 85; Окладникова, Федосеева, 2009. С. 38–44]. Н. Д. Архипов указал на то, что ЛИАЭ была единственной археологической экспедицией, продолжавшей здесь работы в годы войны. Ее участники – заместитель начальника лингвист И. И. Барашков (финхозчасть), этнограф-фольклорист С. И. Боло, лекпом Н. К. Антонов, завхоз П. Т. Степанов и, конечно, В. Д. Запорожская [Архипов, 2000. С. 42–44]. Общей организацией экспедиции занимались хранитель фондов НИИЯиК Г. П. Башарин, директор Якутского республиканского музея М. В. Местникова, а также директор Якутского рыбтреста Т. И. Кутырев, который предоставил в распоряжение экспедиции лодку – кунгас [Шелехова, Оконешников, 2008. С. 85].

А. П. Окладников вместе с верным спутником, женой и другом Верой Дмитриевной Запорожской (рис. 3) прибыл в Якутск по направлению ИИМК АН СССР. Согласно приказу № 39 от 16 августа 1940 г., подписанному временно исполняющим обязанности директора НИИЯиК В. Н. Чемезовым, исследователи были приняты на работу в институт. В приказе предписывалось с 10.08.1940 и на время командировки назначить профессора А. П. Окладникова старшим научным сотрудником, а также руководителем археологической экспедиции НИИЯиК. Художника-археолога В. Д. Запорожскую с 10.08.1940 назначили научным сотрудником. В ноябре 1943 г. деятельность НИИЯиК была возобновлена, и А. П. Окладников с 7 декабря принят на работу заведующим сектором истории с сохранением преподавания в Якутском пединституте [Там же. С. 84, 86]. Много позже (1 октября 1946 г.) по личному заявлению А. П. Окладников был освобожден от занимаемой должности старшего научного сотрудника НИИЯиК и остался внештатным сотрудником по отделу истории и этнографии [Там же. С. 87].

В «Общем отчете о работе ЛИАЭ ИИМК АН СССР и НИИЯиК при СНК ЯАССР в 1940–1941 гг.» на 208 листах описана история изучения археологических памятников на Лене – палеолита, неолитических культур, бронзового и железного веков, писаниц. В отчете за 1942 г. (Якутск – бухта Тикси) А. П. Окладников отметил, что закончено составление основы для археологической карты Ленской долины. В отчете 1943 г. речь шла о продолжении работ по Нижней Лене (за три месяца пройдено 1 200 км по воде, 250 км по тайге, найдены памятники эпох неолита, бронзы и железа). Отчеты за 1944 и 1946 гг. не сохранились. Отчет за 1945 г. прислан исследователем из Красноярск. В нем говорилось, что отменена экспедиция на Колыму, но продолжены исследования на Лене по маршруту: г. Якутск – Племхоз – Атласовская падь – р. Шестаковка – дер. Владимировка – р. Хоро – с. Табага – р. Куллаты – местность Хохсыт – Токтор.

Рис. 3. В. Д. Запорожская, А. П. Окладников, 1940 г.
(фото из личного архива Е. А. Окладниковой)

Fig. 3. V. D. Zaporozhskaya, A. P. Okladnikov, 1940
(photo from the personal archive of E. A. Okladnikova)

Результаты работ А. П. Окладникова

Основные результаты деятельности А. П. Окладникова в Якутии подробно освещены в научной литературе (см. [Ларичев, 1968. С. 3–9; 1970. С. 17–18; Борисковский, 1982; Архипов, 2000. С. 42–57; Дэвлет, 2008. С. 144; Окладникова, Федосеева, 2009. С. 38–39; Молодин, 2015. С. 283–299] и др.). «Якутскую одиссею» в жизни ученого блестяще охарактеризовал ученик А. П. Окладникова академик А. П. Деревянко [1978. С. 39–63].

Относительно недавно увидели свет работы, включившие материалы из личного архива А. П. Окладникова. Так, О. В. Яншина посвятила свою статью обзору архивных источников и их значимости, отметив, что «именно в страшные 1940-е гг. ученый трудился напряженнее всего» [2006]. Е. И. Деревянко, А. Б. Закстельский в очерках об А. П. Окладникове ввели в научный оборот эксклюзивные документы, в том числе относящиеся к периоду работы исследователя в Якутии [Деревянко, Закстельский, 2008. С. 67–123]. Следует отметить монографию «Мой А. П.», посвященную 110-летию со дня рождения ученого, в основе которой лежат воспоминания его ученика В. П. Мыльникова [2018]. В книге содержится подборка фотографий исследователя. Сегодня это уникальнейшие источники, позволяющие представить, в каких невероятно сложных условиях проходили экспедиции А. П. Окладникова. Значимы монографии А. К. Конопацкого [2001; 2009], который в полной мере осветил многочисленные эпизоды жизни и научного пути А. П. Окладникова. В его книге 2001 г. имеется раздел «Годы Войны», где указано, что известие о начале войны застало А. П. Окладникова у с. Шишкино, когда небольшой археологический отряд направлялся в Якутию, и приводятся воспоминания В. Ф. Шаманского – участника экспедиции. А. П. Окладников из ближайшего

райцентра Жигалово связался с руководством ИИМК. Но из Академии наук указали на необходимость продолжить экспедицию [Конопацкий, 2001. С. 146–148].

До настоящего времени выходят в свет статьи, анализирующие различные аспекты, поднятые А. П. Окладниковым в трудах о древнейшей истории Якутии. Исследователи отмечают, что им открыты и изучены десятки разновременных памятников в регионе, в том числе самые северные тогда в Азии и европейской части нашей страны стоянки древнекаменного века. Создана схема развития верхнего палеолита на Лене, охарактеризованы период неолита, культуры эпохи металла, решены проблемы истории появления тюркских племен на Средней Лене в процессе формирования якутской народности, доказана концепция южного направления этногенетических связей и др. (рис. 4). Коллекции Якутского краеведческого музея, архивные документы и фольклорные записи послужили источниковой базой для разработки ученым гипотезы о генетической преемственности культурных традиций коренного населения Евразии от архаических времен до этнографической современности и т. д. (см. [Окладников, 1949б; Ларичев, 1970. С. 17–18; Алексеев, Гемуев, 1998; Зубков, 1998. С. 210–211; Решетов, Окладникова, 1998; Архипов, 2000; Маркин, 2008; Кашин, Калинина, 2008; Шелехова, Оконешников, 2008. С. 85] и др.). Е. А. Окладникова и С. А. Федосеева оценили значение работ Ленской экспедиции как факт становления региональной археологии, выявления научного потенциала археологических исследований в регионе. Именно на материалах экспедиции была дана первая оценка возраста палеолита Якутии (ок. 20 тыс. л. н.), на основе схемы прибайкальского неолита, разработанной А. П. Окладниковым, определен возраст ленского неолита (III – начало II тыс. до н. э.), бронзового (II – середина I тыс. до н. э.) и раннего железного веков (I тыс. до н. э. – VI–VIII вв. н. э.); в научный оборот введены материалы по памятникам наскального искусства и др. [Окладникова, Федосеева, 2009. С. 39].

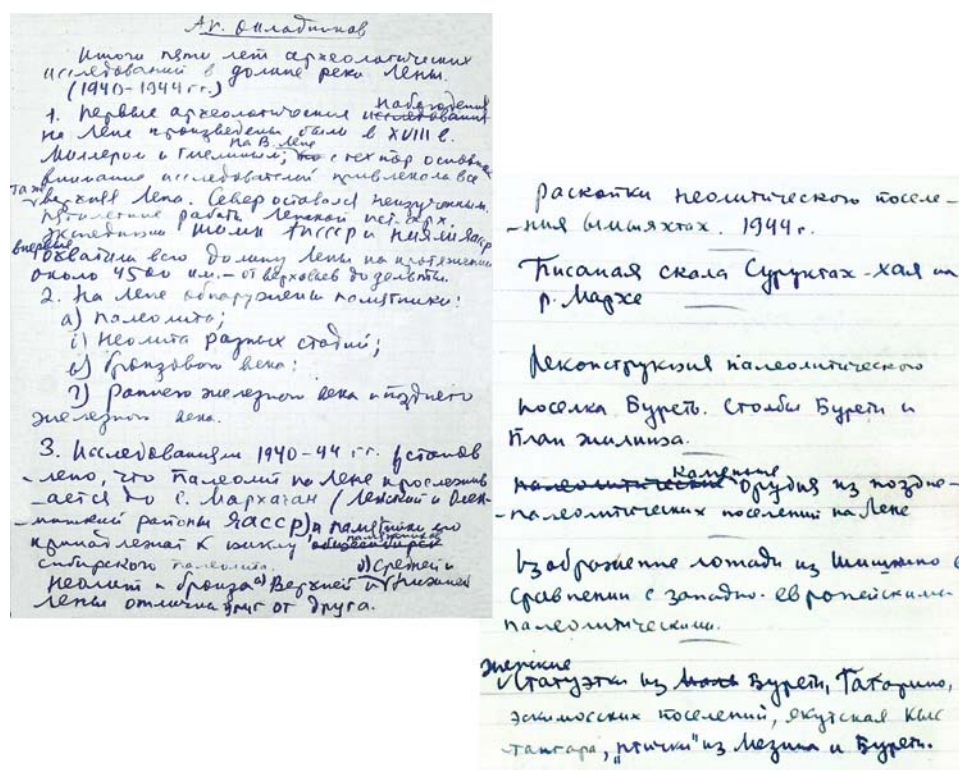

Рис. 4 (фото). Рабочие материалы А. П. Окладникова, середина 1940-х гг. (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

Fig. 4 (photo). Working materials by A. P. Okladnikov, mid-1940s (SPb. Branch of the RAS Archive)

В последнем случае следует особо отметить, что в эти годы шло целенаправленное систематическое накопление материалов, связанных с памятниками наскальной изобразительной деятельности древнего человека. Изучены десятки таких местонахождений. В последующем они послужили основой для продолжения научных изысканий ученого в этой области в ряде регионов СССР, а в итоге и для создания целой серии специальных монографий. А. П. Окладников разработал культурно-хронологическую схему для наскальных изображений Ленских скал, впервые указал на наличие в Азии (на Шишкинских писаницах) древнейших палеолитических рисунков, охарактеризовал пласт неолитических наскальных изображений, петроглифы эпохи бронзы, железа, курыканского времени и периода миграции тюрок из Прибайкалья и, возможно, с Енисея на Среднюю Лену. В дальнейшем на основании полученных петроглифических материалов им выделялись «провинции» наскального искусства, рассматривались контакты древнего населения, отмеченные впервые для неолитического времени, и др. [Окладников, 1959; Окладников, Запорожская, 1959]. Исследователь так описал уникальную палеолитическую находку, первую в регионе: «...изображение лошади было в 1941 году единственным в своем роде среди рисунков, сделанных краской, не только на Лене, но и вообще в Сибири... Рисунки же лошадей, тем более такого размера и стиля, среди них до сих пор еще ни разу не встречались... В нем нет той особенной графической четкости, того зрелого реалистического совершенства и художественной законченности, которые сразу же выделяют произведения неолитических мастеров... У него (*мастера*) было ровно столько же решительности, как и неопытности. В его работе много непосредственного и детски-наивного, младенческого. Можно сказать, что от нее веет дыханием подлинной архаики, настоящим детством искусства...» [Окладников, 1959. С. 25]. Надо сказать, что детальное изучение Шишкинских скал было поддержано в 1947 г. Институтом языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Якутского филиала АН СССР.

В 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета ЯАССР заслуги А. П. Окладникова по изучению древней истории Якутии были отмечены присвоением ему почетного звания «Заслуженный деятель науки ЯАССР» [Шелехова, Оконешников, 2008. С. 87].

Понятно, что не все концепции, введенные в научный оборот ученым, должны были оказаться незыблемыми. С накоплением новых источников некоторые из них уточняются, дополняются новыми материалами и даже пересматриваются. Но все это ни в коей мере не умаляет научного подвига, совершенного А. П. Окладниковым в труднейший для страны период. Известный хакасский ученый, бывший фронтовик-танкист Л. Р. Кызласов сказал о нем: «Жизнь коротка, он очень спешил, но и успел сделать невероятно много – оставил после себя огромную библиотеку книг и статей, наполненных мыслями и доказанными фактами, догадками и загадками, смелыми предсказаниями и точными указаниями о дальнейших путях развития своей науки. Но и ошибками в каких-то частностях тоже...» [1998].

На протяжении многих лет, не исключая и период работ в Якутии, рядом с исследователем находился дорогой и близкий человек – супруга. Е. А. Окладникова в статье, посвященной верной спутнице Алексея Павловича – Вере Дмитриевне Запорожской, – пишет о ее работе: «С 1941–1943 гг. трудится в Якутске в Краеведческом музее, а затем в 1943–1945 гг. там же в Якутске в Научно-исследовательском институте языка и истории. В своей автобиографии датированной 1945-м г. она написала, что была участницей 11 археологических экспедиций. Приказом № 46 от 8 марта 1945 г. по Научно-исследовательскому институту языка и литературы и истории ей как художнику-археологу Ленской археологической экспедиции была объявлена благодарность “за хорошую производственную работу”. В сороковые годы полевые исследования В. Д. Запорожской и А. П. Окладникова проходили в Арктике. В экспедициях на р. Лена она провела шесть лет. Эта хрупкая женщина “с классической фигурой и длинной косой” прошла на веслах тысячи километров от с. Качуг на Верхней Лене до острова Тийт-Ары на Нижней Лене. Она научилась управлять парусом, чувствовать течение великой сибирской реки, противостоять непогоде и “низовке” – коварному ветру, который тащит лодку не вниз, а, наоборот, вверх по реке. Она вложила много духовных и интеллекту-

альных сил в капитальный труд своего мужа "История Якутии": чертила, рисовала, фотографировала, делала планы раскопов, вела полевые дневники. Вдвоем с мужем они изучали зимовку первых русских мореходов на мысе Баранова (Таймыр, 1948), где она, как обычно, вела расчистку на раскопе, занималась фотофиксацией находок, бесстрашно осуществляла под постоянным наблюдением голодных белых медведей полевую обработку находок. Она занималась археологическими исследованиями на Колыме и в Таджикистане (1948 г.), снова возвращалась на Ангару и Лену (1951 г.), работала в Забайкалье (1947–1951 гг.)» [Окладникова, 2018. С. 272] (рис. 5). Можно ли было сделать больше?!

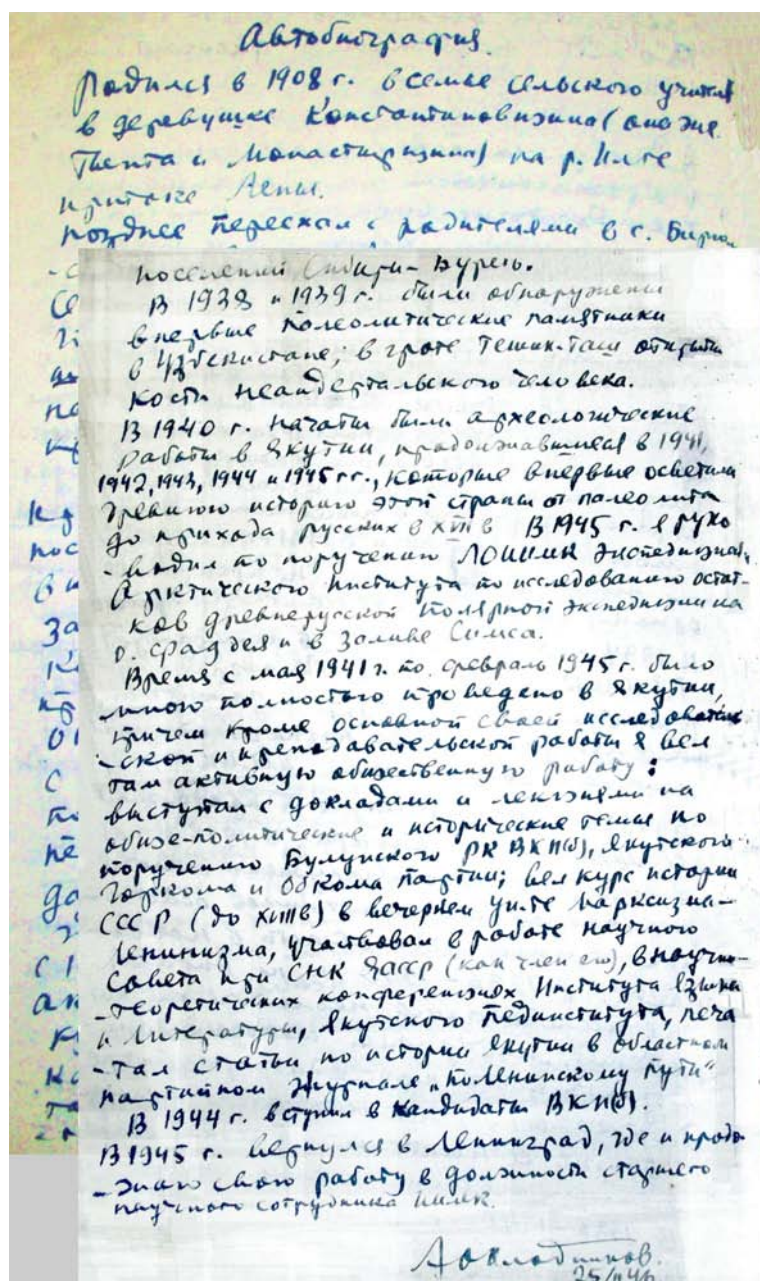

Рис. 5 (фото). Автобиография, написанная А. П. Окладниковым в 1946 г. (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН)

Fig. 5 (photo). Autobiography written by A. P. Okladnikov in 1946 (SPb. Branch of the RAS Archive)

Со слов матери, Елена Алексеевна Окладникова, дочь исследователей, рассказывает о начале войны так: «В 1941 г. в июне началась война, а экспедиция в Якутск началась в мае. В разведке их было трое: Вера Дмитриевна и матрос шли на лодке вдоль берега Лены; Алексей Павлович – по берегу в поисках древних памятников. Подошли к очередной деревне. Там были все встревожены, в сельсовете очередь из мужчин. Вера Дмитриевна сторожила лодку, мужчины пришли с тяжелой новостью: “Вера, война...”. Решили, что Вера Дмитриевна отправится в Якутск, а мужчины идут в сельсовет на мобилизацию. Вскоре они вернулись. Военком, выяснив, что приписаны они в Ленинграде, а здесь в экспедиции с предписанием об оказании поддержки, посоветовал отметить и отправляться по заданному маршруту, а по выполнении задачи прибыть в Ленинград и там уже разбираться. Никто и предположить не мог, что война затянется на четыре года. Экспедиция продолжила свой путь в сторону Ледовитого океана. Осенью вернулись в Якутск, там их и оставили – Ленинград уже был блокадным»¹. А. К. Конопацкий пишет о попытках А. П. Окладникова связаться с Ленинградом и о поступившем оттуда приказе не сворачивать экспедицию, продолжать работы [Конопацкий, 2001. С. 146–148].

Попытка уйти на фронт не увенчалась успехом, и экспедиция, подчинившись, продолжила работу. Поздней осенью 1941 г. они вернулись в Якутск и узнали о глубоком прорыве врага на территорию СССР, о блокаде Ленинграда. Им останется только одно: делать то, что умеешь лучше всего – не зная усталости, изучать «тропы далеких тысячелетий» Якутии, заполняя пробелы на карте истории нашей страны. В. Е. Ларичев справедливо отмечал, что «древняя история Якутии писалась не столько чернилами, сколько потом и кровью» [1958. С. 17–18].

Сам Алексей Павлович в автобиографии (1946 г.) напишет о работе в Якутии скромно, без эмоций: «Время с мая 1941 г. по февраль 1945 г. было мною полностью проведено в Якутии, причем кроме основной своей исследовательской и преподавательской работы я вел там активную общественную работу: выступал с докладами и лекциями на общеполитические и исторические темы по поручению Булунского РК ВКП(б), Якутского Горкома и Обкома партии; вел курс истории СССР (до XVIII в.) в вечернем университете Марксизма-Ленинизма, участвовал в работе научного Совета при СНК ЯАССР (как член его), в научно-теоретических конференциях Института языка и литературы, Якутского пединститута, печатал статьи по истории Якутии в областном партийном журнале “По Ленинскому пути”» (см. рис. 5).

Заключение

В течение 1941–1945 гг. А. П. Окладниковым было опубликовано более 20 работ по древней истории Сибири, в том числе по истории изучения Советской Арктики [Финашина, Ворошилова, 1981. С. 61–63]. Уже в 1945 г. вышла обобщающая работа «Далекое прошлое Якутии» [Окладников, 1945а], увидел свет первый том «Ленских древностей» [Окладников, 1945б]. В 1946 г. вышел второй том «Ленских древностей» [Окладников, 1946б], а в 1949 г. монография «Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству» [Окладников, 1949а]. Результатом работы в эти годы стала и докторская диссертация А. П. Окладникова «Очерки по истории Якутии – от палеолита до присоединения к Русскому государству», защищенная в 1947 г. [Окладников, 1949б. С. 116–118; Васильевский, 1981. С. 12; Деревянко, Закстельский, 2008. С. 139]. Анализ библиографии ученого позволяет говорить о том, что материалы, полученные в 1939–1945 гг., в научный оборот вводились, как в годы войны, так и после, на протяжении десятков лет (см. [Финашина, Ворошилова, 1981. С. 60–130; Окладников, 1941; 1946а; 1949б; 1959; Окладников, Запорожская, 1959] и др.).

¹ Выражаем благодарность за личную встречу и беседу профессору, д-ру ист. наук Е. А. Окладниковой (ее рассказ передан не дословно, но фактически верно), а также сотрудникам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и лично члену-корреспонденту РАН, д-ру ист. наук И. В. Тункиной и канд. ист. наук О. В. Яншиной.

Исследования в Якутии в военные годы положили начало полевым археологическим работам А. П. Окладникова на крайнем Северо-Востоке СССР (в Заполярье и на Колыме) в 1946 г. Они, как отмечается, стали основой всех последующих работ в регионе в 1950-х, 1970-х, 1990-х гг. (см. [Деревянко, 1978. С. 11–81; Васильевский, 1981. С. 10–21; Молодин, 2003; Дэвлет, 2008. С. 144; Лебединцев, 2008] и др.).

В 1958 г. Ученый совет Института языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР выдвинул д-ра ист. наук, проф. А. П. Окладникова в члены-корреспонденты АН СССР. Эта инициатива была поддержана, в том числе и Институтом истории АН Киргизской ССР.

И чем бы мы сегодня не руководствовались, обращаясь к жизни и деятельности академика А. П. Окладникова, когда встает вопрос об истории изучения Якутии (да и других регионов СССР) значительную часть занимает описание его открытий. Только в период с 1940 по 1943 г. Ленской историко-археологической экспедицией открыто около 200 археологических и этнографических памятников [Архипов, 2000. С. 43–44]. Выдающуюся роль Алексея Павловича в изучении огромных территорий Якутии и Восточной Сибири признают и те, кто порой критиковал его (см. [Формозов, 2004; Клейн, 2014. С. 306–321] и др.).

Уместно привести высказывание об А. П. Окладникове крупного советского ученого П. И. Борисковского: «Его имя навсегда вписано золотыми буквами в историю отечественной науки» [1982. С. 296]. Крайне емкое и справедливое замечание.

Труд ученого в военные годы по праву высоко оценен Родиной: «В 1945 г. Алексей Павлович был награжден своим первым орденом “Знак Почета”, в 1946 г., был удостоен медали “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”, а в 1947 г. он получил второй орден “Знак Почета” за развитие науки в Якутии... Немного в нашей стране найдется археологов, чей мирный труд в условиях военного времени был отмечен столь высоко» [Молодин, 2009].

Список литературы

- Алексеев Н. А., Гемуев И. Н.** А. П. Окладников и этнография Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума): В 2 т. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 7–11.
- Архипов Н. Д.** Археология Якутии (история, итоги и задачи: XVIII–XX вв.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 420 с.
- Борисковский П. И.** Алексей Павлович Окладников // СА. 1982. № 3. С. 291–296.
- Васильевский Р. С.** Краткий очерк научной, педагогической и научно-организационной деятельности А. П. Окладникова // Алексей Павлович Окладников: Материалы к библиографии ученых СССР. М.: Наука, 1981. С. 9–34.
- Васильевский Р. С.** Краткий очерк научной, педагогической и научно-организационной деятельности А. П. Окладникова // Археология Северной, Центральной и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 2003. С. 6–22.
- Деревянко А. П.** В поисках оленя золотые рога. Благовещенск: Хабаровск. кн. изд-во, 1978. 256 с.
- Деревянко Е. И., Закстельский А. Б.** Тропой далеких тысячелетий. Страницы из жизни археолога и путешественника. Новосибирск: Инфолио, 2008. 200 с.
- Дэвлет М. А.** К столетию Алексея Павловича Окладникова. Первые встречи // РА. 2008. № 4. С. 144–149.
- Зубков В. С.** Исследователь неолита и бронзового века Верхней Лены // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы международного симпозиума): В 2 т. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 2. С. 208–214.
- Кашин В. А., Калинина В. В.** Северная специфика позднего неолита Якутии // Окно в неведомый мир. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 144–149.
- Клейн Л. С.** История российской археологии: учения, школы и личности. Археологи советской эпохи. СПб.: Евразия, 2014. Т. 2. 640 с.

- Конопацкий А. К.** Прошлого великий следопыт: Академик А. П. Окладников. Страницы биографии. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 492 с.
- Конопацкий А. К.** Прошлого великий следопыт. Академик А. П. Окладников: страницы биографии. М.: АИРО-XXI, Новый хронограф, 2009. 549 с.
- Кызласов Л. Р.** Алексей Павлович Окладников: к портрету ученого и человека // ЭО. 1998. № 4. С. 172–173.
- Ларичев В. Е.** А. П. Окладников – исследователь древних культур Азии (к 50-летию со дня рождения). Иркутск: [б. и.], 1958. 68 с.
- Ларичев В. Е.** Библиография научных трудов по археологии и истории чл.-корр. АН СССР А. П. Окладникова. Новосибирск: ИИФиФ, 1968. 53 с.
- Ларичев В. Е.** Сорок лет среди сибирских древностей (материалы к библиографии академика А. П. Окладникова). Аннотированная библиография. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1970. 239 с.
- Лебединцев А. И.** Колымская экспедиция А. П. Окладникова и основные результаты археологических исследований в Северном Приохотье и Приколмые // Окно в неведомый мир. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 52–56.
- Маркин С. В.** А. П. Окладников и становление палеолитоведения Северной и Центральной Азии // Окно в неведомый мир. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 57–62.
- Молодин В. И.** Освоение русскими Сибири в трудах академика Окладникова // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. С. 338–341.
- Молодин В. И.** Академик Алексей Павлович Окладников (к 100-летию со дня рождения) // Вестник истории, литературы, искусства. 2009. Т. 6. С. 548–560.
- Молодин В. И.** Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 311 с.
- Мыльников В. П.** Мой А. П.: мгновения жизни великого археолога: научные мемуары. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. 391 с.
- Окладников А. П.** Археология и основные вопросы древней истории Якутии (в связи с итогами работ Ленской археологической экспедиции Института языка и культуры при СНК ЯАССР и ИИМК АН СССР в 1940 г.) // КСИИМК. 1941. Вып. 9. С. 63–79.
- Окладников А. П.** Далекое прошлое Якутии. Якутск: Якутгосиздат, 1945а. 144 с.
- Окладников А. П.** Ленские древности. Якутск: Якут. гос. тип., 1945б. Т. 1. 100 с.; 1946б. Т. 2. 185 с.
- Окладников А. П.** Археологические исследования 1940–1943 гг. в дол. р. Лены и древняя история северных племен // КСИИМК. 1946а. Вып. 13. С. 99–107.
- Окладников А. П.** Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск: Якутгосиздат, 1949а. 439 с.
- Окладников А. П.** Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к Русскому государству (Тезисы докторской диссертации, защищенной в Ученом совете исторического факультета Ленинград. гос. ун-та в мае 1947 г.) // КСИИМК. 1949б. Вып. 29. С. 116–118.
- Окладников А. П.** Шишкинские писаницы: памятник древней культуры Прибайкалья. Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1959. 210 с.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д.** Ленские писаницы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 145 с.
- Окладникова Е. А. В. Д.** Запорожская и А. П. Окладников: совместная творческая судьба в контексте личной истории // Изв. Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14, № 4. С. 265–276.
- Окладникова Е. А., Федосеева С. А.** Глубины и пространства исторической карты северо-востока Азии // «Номо Eurasicus» у врат искусства: Сб. науч. тр. СПб.: Астерион, 2009. С. 34–44.

- Решетов А. М., Окладникова Е. А.** Этнография в кругу научных интересов А. П. Окладникова // ЭО. 1998. № 4. С. 152–165.
- Шелехова Р. В., Оконешников Е. Е.** Академик А. П. Окладников в Якутии (К 100-летию со дня рождения академика А. П. Окладникова) // Якутский архив. 2008. № 4 (31). С. 83–87.
- Финашина Г. Н., Ворошилова Н. Г.** Алексей Павлович Окладников // Материалы к библиографии ученых СССР. М.: Наука, 1981. С. 58–130.
- Формозов А. А.** Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М.: Знак, 2004. 320 с.
- Яншина О. В.** Хранить вечно. Первая публикация из личного архива академика А. П. Окладникова // Наука из первых рук. 2006. № 5 (11). С. 42–47.

References

- Alekseev N. A., Gemuev I. N.** A. P. Okladnikov i etnografiya Sibiri [A. P. Okladnikov and Ethnography of Siberia]. In: Sibir' v panorame tysyacheletii (Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma) [Siberia in the Panorama of the Millennia (Materials of the International Symposium)]. In 2 vols. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1998, vol. 2, p. 7–11. (in Russ.)
- Arhipov N. D.** Arkheologiya Yakutii (istoriya, itogi i zadachi: XVIII–XX vv.) [Archaeology of Yakutia (history, results and objectives: 18th – 20th centuries)]. Doctor hist. sci. diss. Moscow, 2000, 420 p. (in Russ.)
- Boriskovskiy P. I.** Aleksey Pavlovich Okladnikov [Alexey Pavlovich Okladnikov]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1982, no. 3, p. 291–296. (in Russ.)
- Derevyanko A. P.** V poiskakh olenya zolotye roga [Searching for a Golden Horns Deer]. Blagoveshchensk, Khabarovsk book Publ., 1978, 256 p. (in Russ.)
- Derevyanko E. I., Zakstelskiy A. B.** Tropoi dalekikh tysyacheletii. Stranitsy iz zhizni arkheologa i puteshestvennika [The Path of Distant Millennia. Pages from the Life of an Archaeologist-Traveller]. Novosibirsk, Infolio Publ., 2008, 200 p. (in Russ.)
- Devlet M. A.** K stoletiyu Alekseya Pavlovicha Okladnikova. Pervye vstrechi [To the Centenary of Alexey Pavlovich Okladnikov. First Meetings]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2008, no. 4, p. 144–149. (in Russ.)
- Finashina G. N., Voroshilova N. G.** Aleksei Pavlovich Okladnikov [Alexey Pavlovich Okladnikov]. In: Materialy k bibliografii uchenykh SSSR [Materials for the Bibliography of USSR Scientists]. Moscow, Nauka Publ., 1981, p. 58–130. (in Russ.)
- Formozov A. A.** Russkie arkheologi v period totalitarizma: Istoriograficheskie ocherki [Russian Archaeologists during Totalitarianism: Historiographical Essays]. Moscow, Znak Publ., 2004, 320 p. (in Russ.)
- Kashin V. A., Kalinina V. V.** Severnaya spetsifika pozdnego neolita Yakutii [Northern Specifics of the Late Neolithic of Yakutia]. In: Okno v nevedomyi mir [A Window to an Unknown World]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2008, p. 144–149. (in Russ.)
- Klein L. S.** Istoriya rossiiskoi arkheologii: ucheniya, shkoly i lichnosti. Arkheologi sovetskoi epokhi [History of Russian Archaeology: Theories, Schools and Personalities. Archaeologists of the Soviet Era]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2014, vol. 2, 640 p. (in Russ.)
- Konopatskiy A. K.** Proshlogo velikii sledopyt: Akademik A. P. Okladnikov. Stranitsy biografii [A Great Tracker of the Past: Academician A. P. Okladnikov. Pages of Biography]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2001, 492 p. (in Russ.)
- Konopatskiy A. K.** Proshlogo velikii sledopyt. Akademik A. P. Okladnikov: stranitsy biografii [A Great Tracker of the Past: Academician A. P. Okladnikov. Pages of Biography]. Moscow, AIRO-XXI, Novyi khronograf Publ., 2009, 549 p. (in Russ.)
- Kyzlasov L. R.** Aleksey Pavlovich Okladnikov: k portretu uchenogo i cheloveka [Alexey Pavlovich Okladnikov: to the Portrait of a Scientist and a Person]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1998, no. 4, p. 172–173. (in Russ.)

- Larichev V. E.** A. P. Okladnikov – issledovatel' drevnikh kul'tur Azii (k 50-letiyu so dnya rozhdeniya) [A. P. Okladnikov – a Researcher of Ancient Cultures of Asia (on the occasion of his 50th birthday)]. Irkutsk, 1958, 68 p. (in Russ.)
- Larichev V. E.** Bibliografiya nauchnykh trudov po arkheologii i istorii chl.-korr. AN SSSR A. P. Okladnikova [Bibliography of Scientific Works on Archaeology and History of the USSR Corresponding Academician A. P. Okladnikov]. Novosibirsk, IIFIF Publ, 1968, 53 p. (in Russ.)
- Larichev V. E.** Sorok let sredi sibirskikh drevnostei (materialy k bibliografii akademika A. P. Okladnikova). Annotirovannaya bibliografiya [Forty Years among Siberian Antiquities (materials for the bibliography of academician A. P. Okladnikov). Annotated bibliography]. Novosibirsk, West Siberian book Publ., 1970, 239 p. (in Russ.)
- Lebedintsev A. I.** Kolym'skaya ekspeditsiya A. P. Okladnikova i osnovnye rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy v Severnom Priokhot'e i Prikolym'e [The Kolyma Expedition of A. P. Okladnikov and the Main Results of Archaeological Research in the Northern Okhotsk Region and Kolyma Region]. In: Okno v nevedomyi mir [A Window to an Unknown World]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2008, p. 52–56. (in Russ.)
- Markin S. V.** A. P. Okladnikov i stanovlenie paleolitovedeniya Severnoi i Tsentral'noi Azii [A. P. Okladnikov's Role in the Formation of Paleolithic Studies in North and Central Asia]. In: Okno v nevedomyi mir [A Window to an Unknown World]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2008, p. 57–62. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Akademik Aleksei Pavlovich Okladnikov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) [Academician Aleksey Pavlovich Okladnikov (to the 100th anniversary of his birth)]. *Vestnik istorii, literatury, iskusstva* [Bulletin of the History, Literature, Art], 2009, vol. 6, p. 548–560. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Ocherki istorii sibirskoi arkheologii [Essays on the History of Siberian Archaeology]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2015, 311 p. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Osvoenie russkimi Sibiri v trudakh akademika Okladnikova [Russian Development of Siberia in the Works of Academician Okladnikov]. In: Problemy arkheologii i paleoekologii Severnoi, Vostochnoi i Tsentral'noi Azii [Issues of Archaeology and Paleoecology of North Eastern and Central Asia]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2003, p. 338–341. (in Russ.)
- Mylnikov V. P.** Moi A. P.: mgnoveniya zhizni velikogo arkheologa: nauchnye memuary [My A. P.: Moments of the Life of a Great Archaeologist: Scientific Memoirs]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2018, 391 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Arkheologiya i osnovnye voprosy drevnei istorii Yakutii (v svyazi s itogami rabot Lenskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta yazyka i kul'tury pri SNK YaASSR i IIMK AN SSSR v 1940 g.) [Archaeology and the Main Issues of Yakutia's Ancient History (in connection with the results of the Lena archaeological expedition of the Institute of Language and Culture under the auspices of the Council of People's Commissars of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic and the Institute for the History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences in 1940)]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture], 1941, no. 9, p. 63–79. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Dalekoe proshloe Yakutii [Yakutia's Distant Past]. Yakutsk, Yakutgosizdat Publ., 1945, 144 p.
- Okladnikov A. P.** Lenskie drevnosti [The Lena River Antiquities]. Yakutsk, Yakutsk State Typography Publ., 1945, vol. 1, 100 p.; 1946, vol. 2, 185 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Arkheologicheskie issledovaniya 1940–1943 gg. v dol. r. Leny i drevnyaya istoriya severnykh plemen [Archaeological Research during 1940–1943 in the Lena River Valley and the Ancient History of Northern Tribes]. *Kratkie soobshcheniya instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture], 1946a, no. 13, p. 99–107. (in Russ.)

- Okladnikov A. P.** Ocherki po istorii Yakutii ot paleolita do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu (Tezisy doktorskoj dissertatsii, zashchishchennoi v Uchenom sovete istoricheskogo fakul'teta Leningrad. gos. un-ta v mae 1947g.) [Essays on the History of Yakutia from the Paleolithic to the Times of Accession to the Russian State (Abstracts of a doctoral dissertation, defended at the Academic Council of the Faculty of History of Leningrad State University in May 1947)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noi kul'tury* [Brief Reports of the Institute of the History of Material Culture], 1949, no. 29, p. 116–118. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Proshloe Yakutii do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu [The Past of Yakutia before Joining the Russian State]. Yakutsk, Yakutgosizdat Publ., 1949, 439 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P.** Shishkinskie pisanitsy: pamyatnik drevnei kul'tury Pribaikal'ya [Shishkino Writings: A Monument of Ancient Culture in the Baikal Region]. Irkutsk, Irkutsk book Publ., 1959, 210 p. (in Russ.)
- Okladnikov A. P., Zaporozhskaya V. D.** Lenskie pisanitsy [The Rock Art of the Lena River]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1959, 145 p. (in Russ.)
- Okladnikova E. A. V. D. Zaporozhskaya i A. P. Okladnikov:** sovmestnaya tvorcheskaya sud'ba v kontekste lichnoi istorii [V. D. Zaporozhskaya and A. P. Okladnikov: Joint Creative Work in the Context of Personal History]. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologii* [News of the Laboratory of Ancient Technologies], 2018, vol. 14, no. 4, p. 265–276. (in Russ.)
- Okladnikova E. A., Fedoseeva S. A.** Glubiny i prostranstva istoricheskoi karty severo-vostoka Azii [Depths and Spaces on the Historical Map of North-Eastern Asia]. In: "Homo Eurasicus" u vrat iskusstva ["Homo Eurasicus" at the Gates of Art]. Collection of Scientific Papers. St. Petersburg, Asterion Publ., 2009, p. 34–44. (in Russ.)
- Reshetov A. M., Okladnikova E. A.** Etnografiya v krugu nauchnykh interesov A. P. Okladnikova [Ethnography in the circle of scientific interests of A. P. Okladnikov]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1998, no. 4, p. 152–165. (in Russ.)
- Shelekhova R. V., Okoneshnikov E. E.** Akademik A. P. Okladnikov v Yakutii (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Akademika A. P. Okladnikova) [Academician A. P. Okladnikov in Yakutia (to the 100th birthday of Academician A. P. Okladnikov)]. *Yakutskii Arkhiv* [Yakutia Archive], 2008, no. 4 (31), p. 83–87. (in Russ.)
- Vasilievskiy R. S.** Kratkii ocherk nauchnoi, pedagogicheskoi i nauchno-organizatsionnoi deyatelnosti A. P. Okladnikova [A brief essay on the scientific, pedagogical, and scientific-organizational activity of A. P. Okladnikov]. In: Aleksey Pavlovich Okladnikov: Materialy k biobibliografii uchenykh SSSR [Alexey Pavlovich Okladnikov: Materials for the Biobibliography of USSR Scientists]. Moscow, Nauka Publ., 1981, p. 9–34. (in Russ.)
- Vasilievskiy R. S.** Kratkii ocherk nauchnoi, pedagogicheskoi i nauchno-organizatsionnoi deyatelnosti A. P. Okladnikova [A brief essay on the scientific, pedagogical, and scientific-organizational activity of A. P. Okladnikov]. In: Arkheologiya Severnoi, Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [Archaeology of Northern, Central and Eastern Asia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003, p. 6–22. (in Russ.)
- Yanshina O. V.** Khranit' vечно. Pervaya publikatsiya iz lichnogo arkhiva akademika A. P. Okladnikova [Keep Timelessly. First Publication from Academician A. P. Okladnikov's Personal Archive]. *Nauka iz pervykh ruk* [Science First Hand], 2006, no. 5 (11), p. 42–47. (in Russ.)
- Zubkov V. S.** Issledovatel' neolita i bronzovogo veka Verhnei Leny [Researcher of the Neolithic and Bronze Age of the Upper Lena]. In: Sibir' v panorame tysyacheletii (Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma) [Siberia in the Panorama of the Millennia (Materials of the International Symposium)]. In 2 vols. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 1998, vol. 2, p. 208–214. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию

Received
16.01.2020

Сведения об авторах

Деревянко Евгения Ивановна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)

Молодин Вячеслав Иванович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, заведующий отделом археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
molodin@archaeology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-3151-8457

Ненахова Юлия Николаевна, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
nenaxoffsurgut@mail.ru
ORCID 0000-0003-3209-8180

Information about the Authors

Evgeniya I. Derevyanko, Doctor of History, leading researcher at the of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

Vyacheslav I. Molodin, Doctor of History, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Paleometal Archaeology Department at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
molodin@archaeology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-3151-8457

Yuliya N. Nenakhova, Junior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
nenaxoffsurgut@mail.ru
ORCID 0000-0003-3209-8180

УДК 902.01

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-31-48

Хронологические комплексы раннего железного века и Средневековья в Зауралье (по материалам Папского городища)

Н. П. Матвеева¹, А. С. Зеленков¹, Е. А. Третьяков¹, И. Ю. Овчинников²

¹ Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия

² Институт геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия

Аннотация

По результатам раскопок многослойного Папского городища на правом берегу р. Исеть выделено шесть эпизодов обитания здесь в раннем железном веке и Средние века. Они установлены по разновременным напластованиям вала, сооружениям разных форм и конфигураций – наземным и каркасно-столбовым жилищам, а также погребениям, вероятно, чиялыкского типа. Помимо построек вычленены отдельные комплексы керамики кушнаренковского и петрогромского облика. Площадка городища занималась людьми неоднократно в период с VII в. до н. э. до XV в. н. э. Анализ информации о типологических особенностях керамики, их связях с инвентарем и результатами радиоуглеродного датирования позволили обосновать более узкие интервалы освоения территории различными этнокультурными группами населения. Датируем баитовский комплекс VII–V вв. до н. э.; саргатский – IV–II вв. до н. э.; кашинский – II–I в. до н. э.; раннебакальский – IV–V в. н. э.; бакальский – V–VII вв. н. э.; юдинский – IX–XIII вв. н. э.; чиялыкский – XIV–XV в. н. э.

Ключевые слова

Западная Сибирь, ранний железный век, средневековье, типы керамики, хронологические комплексы

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-59-23006

Для цитирования

Матвеева Н. П., Зеленков А. С., Третьяков Е. А., Овчинников И. Ю. Хронологические комплексы раннего железного века и Средневековья в Зауралье (по материалам Папского городища) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 31–48. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-31-48

Chronological Complexes of the Iron and Middle Ages in the Trans-Urals (Based on the Materials of the Papskoe Settlement)

N. P. Matveeva¹, A. S. Zelenkov¹, E. A. Tretyakov¹, I. Yu. Ovchinnikov²

¹ Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation

² V. S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Purpose. In the article, we present materials from the new investigation of the multi-layered Papskoe settlement (hillfort) near the Iset River (Kurgan region). According to the results of the excavation, we identified six episodes of habitat in the Early Iron Age and in the Middle Ages.

© Н. П. Матвеева, А. С. Зеленков, Е. А. Третьяков, И. Ю. Овчинников, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography

Results. Stratigraphic layers of the shaft, traces from ground and frame-pillar structures, and burials, probably of the Chiyalik type, make it possible to establish types of local sequence. We identified individual ceramic complexes of Kushnarenkovo and Petrogromskoe types in addition to buildings with artifacts belonging to Medieval and Iron Age types. The results of our analysis of the typological features of ceramics in the chronological context of things and soil layers, as well as data of radiocarbon columns allow us to identify short scales of the activity of various groups in the valley of the Iset River.

Conclusion. In our opinion, the ancient population had used the site of the settlement repeatedly during the period from the 7th century BC to the 15th century AD in this sequence: the Baitovo – 7th–5th BC; the Sargatka – 4th–2nd BC; the Kashino – 2nd–1st BC; the Early Bakal – 4th–5th AD; the Late Bakal – 5th–7th AD; the Yudino – 9th–13th AD; the Chijalik – 14th–15th AD.

Keywords

Western Siberia, the Early Iron Age, the Middle Ages, types of ceramics, chronological complexes

Acknowledgments

The reported study was funded by RFDR, project number 19-59-23006

For citation

Matveeva N. P., Zelenkov A. S., Tretyakov E. A., Ovchinnikov I. Yu. Chronological Complexes of the Iron and Middle Ages in the Trans-Urals (Based on the Materials of the Papskoe Settlement). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 31–48. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-31-48

Введение

В конце XX в. известный специалист в области средневековой археологии Евразии В. А. Могильников предлагал связать этапы истории Средневековья (VI–XIV вв.) Западной Сибири с периодами формирования «ранних государств тюркоязычных народов – I, II Тюркских, Уйгурского и Кыргызского каганатов, активная внешняя политика которых привела к переселениям, частичной смене ареалов угорских и самодийских этнических образований» [Могильников, 1990. С. 1]. Главной целью его гипотезы была привязка к известным этносам эволюционной линии развития средневековых археологических культур. Это привело к выделению равных по историко-культурному значению образований, но значительно различающихся по репрезентативности и степени изученности комплексов (вещей и сооружений). Возникающая в связи с этим условность схемы историко-культурного развития западносибирского населения проявилась в проблеме обоснования верхних дат существования археологических культур в их прямолинейных этнических интерпретациях – например, бакальская культура объяснялась как прототатарская; юдинская – как протомансийская, кушнаренковская – как протомадьярская и т. д. [Могильников, 1987]. Однако зафиксированные многочисленные факты залегания разных наборов бакальской, карымской, кушнаренковско-караякуповской, молчановской, макушинской (чияликской), усть-ишимской, потчевашской и юдинской керамики в рамках как отдельных погребений [Матвеева, 2016. С. 217–223], так и поселенческих комплексов, образовавшихся от краткосрочного пребывания [Боталов и др., 2008], позволяют усомниться в актуальности существующего сегодня варианта периодизации.

Верификация историко-культурной схемы Западной Сибири должна опираться на методики микрохронологии при анализе культурных слоев памятников, выявление особенностей материальной культуры в переломные моменты исторического и культурного процессов в периоды Великого переселения народов, Тюркских и Кимако-Кыпчакских каганатов. Цель таких исследований – пополнение корпуса источников результатами анализа многослойных поселений, что позволит скорректировать и детализировать локальные картины культурогенеза. Для этого нами публикуются выводы по хронологическим комплексам исследованного в 2018 г. Папского городища (Курганская область), которые сформированы сравнением совокупности планиграфических наблюдений за последовательностью строительства на поселении, типологической характеристикой артефактов и сооружений, данных о датировке находок и результатах радиоуглеродного датирования материалов из построек.

Анализ сооружений

Папское городище (иначе Малое Мехонское, Папий Городок) обследовалось К. В. Сальниковым и Е. А. Третьяковым и было отнесено к Средневековью. Оно двухплощадочное, общей площадью 5 000 кв. м. Расположено на узком наклонном мысу коренной террасы правого берега р. Исеть восточнее д. Мурзина (рис. 1). Первая линия обороны была относительно мощной – шириной 14 м; она состояла из рва 1,6 м глубиной и вала 1,5 м высотой. Вторая представлена рвом (глубина 0,3 м, ширина 2 м) и валом (ширина 3 м, высота 0,6 м). Возможно, эти объекты фортификации разновременные, что ранее было определено Е. А. Третьяковым в ходе разведки.

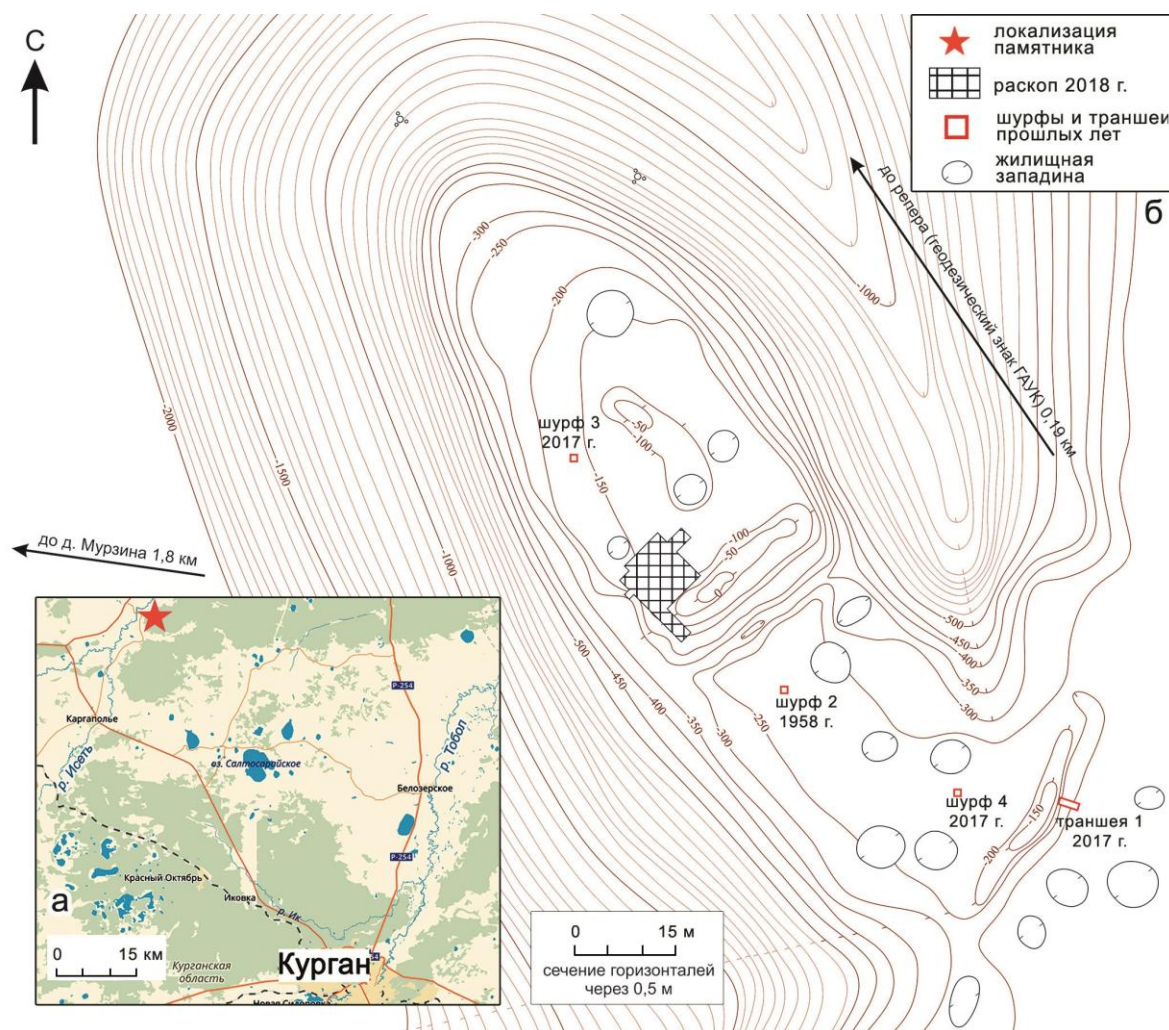

Рис. 1. Местоположение (а) и план Папского городища (б)
Fig. 1. Localization (a) and topographic plan (b) of the Papskoe settlement (hillfort)

На городище вскрыто 96 кв. м, раскоп включал остатки оборонительной линии и напластования жилой площадки. На ней уже под дерном обнаружили пятна от прокалов, обширная яма № 31 с железным ромбическим наконечником стрелы, бронзовым ломом, кресальным кремнем, смятым бронзовым котелком, железным наконечником стрелы, абразивами, тиглем, обломком лезвия ножа, тремя развалами юдинских и чияликских сосудов (рис. 2, 1–

9, 13), железной пряжкой с язычком. В северном углу раскопа наметилося сооружение № 1 из светло-серой супеси размерами $1,9 \times 3$ м (рис. 3), которое датируется по фрагментам и развалу сосуда баитовской культуры (рис. 4, 9, 10). В эту постройку впущены три ямы (№ 9, 10 и 11) с одинаковым черным заполнением, содержавшие бронзовый лом и железные черешковые наконечники стрелы (рис. 5). В развале позднего вала, читавшегося как длинная полоса грязно-желтых мешаных выбросов различных конфигураций, обнаружен бронзовый лом, точильный камень, череп лошади, юдинская керамика (см. рис. 2, 6).

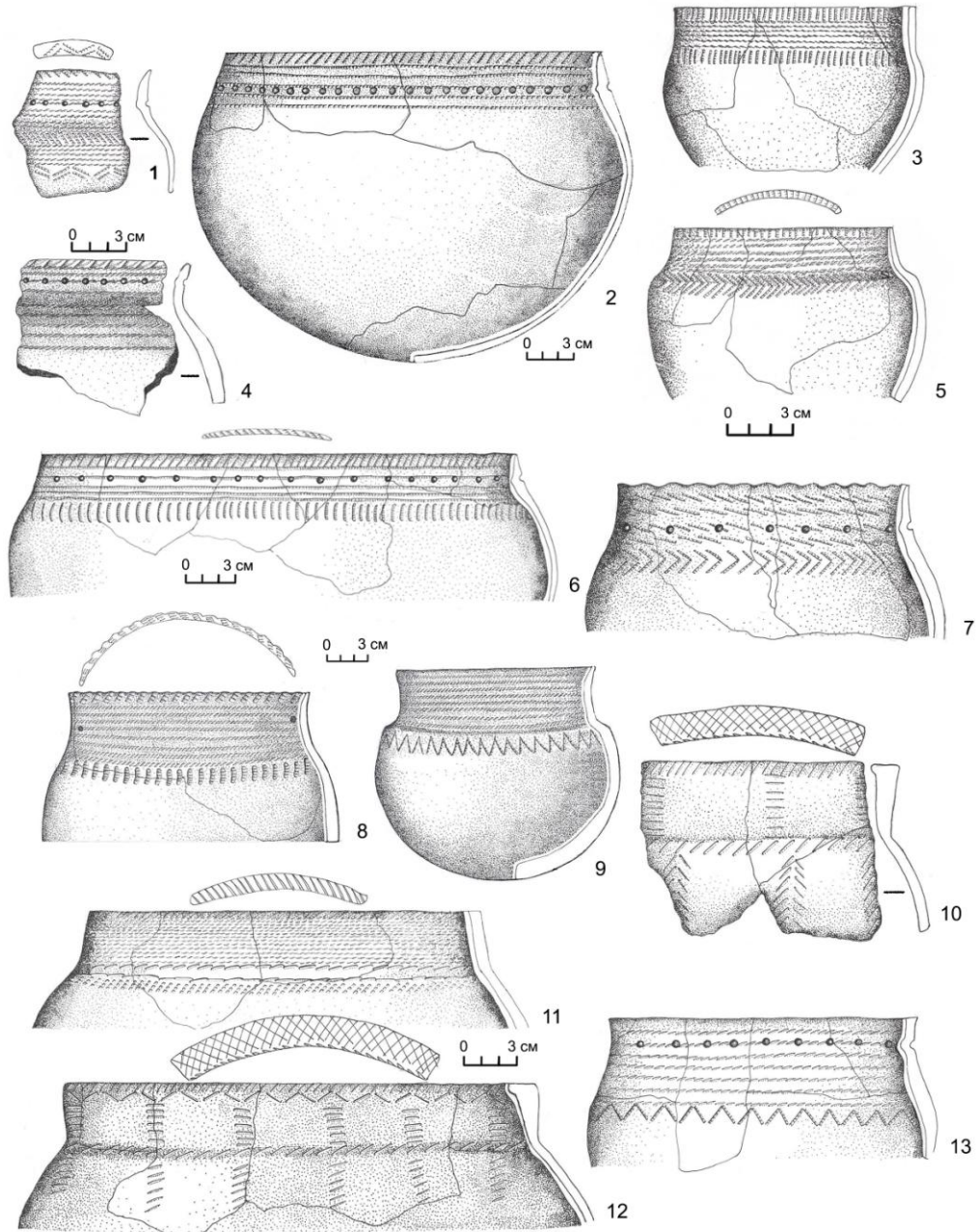

Рис. 2. Юдинский (1–7), чияликский (8–9, 13) и петрогромский (10–12) типы керамики
Fig. 2. Yudino (1–7), Chiyalik (8–9, 13) and Petrogrom (10–12) types of ceramics

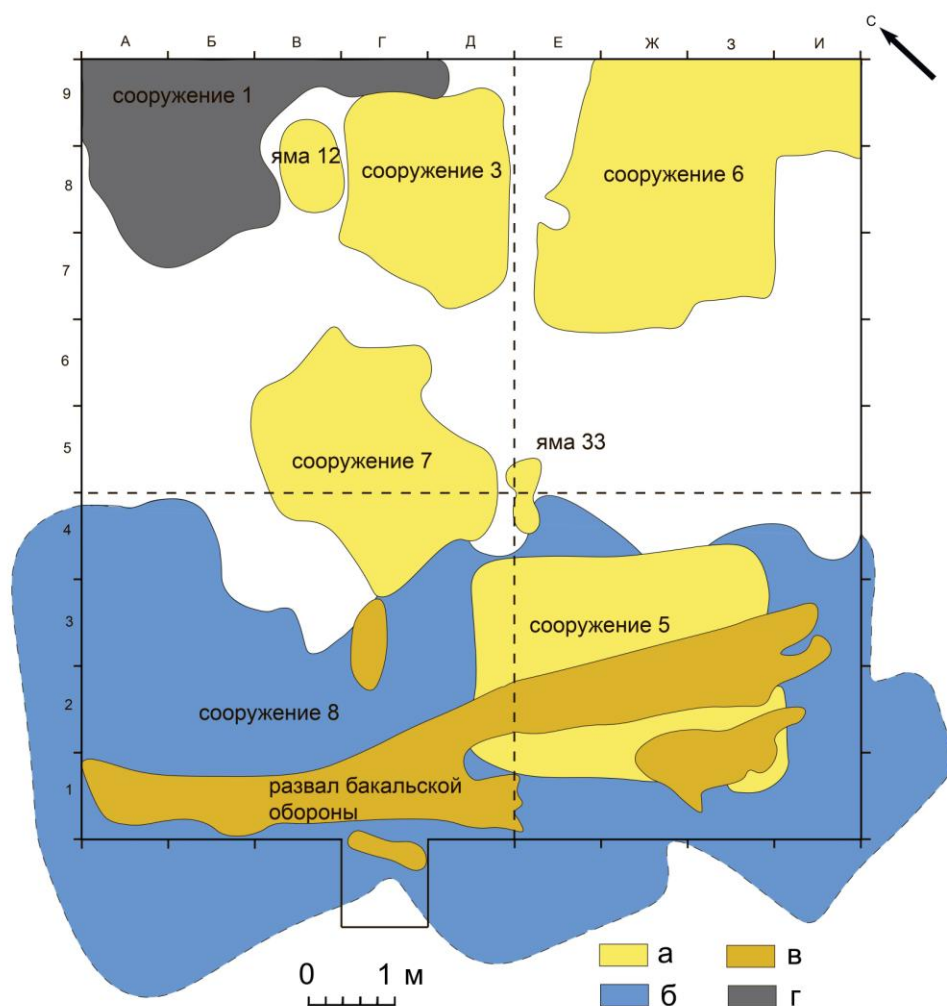

Рис. 3. План остатков сооружений раннего бакальского (а), саргатского и кашинского (б), баитовского (в) периодов, фортификации раннего бакальского времени (г)
 Fig. 3. Traces of the early Bakal (a), Sargatka and Kashino (b), Baitovo (c) periods, fortification trace of the Bakal (d) period

Начиная с глубины 90–100 см очертился северный контур сооружения 3 прямоугольной формы с темно-серым заполнением; к нему примыкала яма № 12 с фрагментами юдинской керамики во вторичном заполнении (см. рис. 5). Из линзы темно-серого слоя, сформировавшегося предположительно за счет задреновывания развала оборонительной линии, собраны уголь (табл. 1, проба 9744), керамика юдинской культуры, единичные зоологические остатки. За границу раскопа уходила линза черного углистого состава, а рядом фиксировался прокаленный грунт от пожара на валу. Ниже, на уровне 110 см, слой разрушения последнего по времени строительства вала представлен вытянутой полосой светло-серой мешаной с золой и суглинком супеси с бронзовым ломом, юдинской керамикой (см. рис. 2, 1–4), костями животных, костяным наконечником стрелы, железными плоским ромбическим и бронебойным наконечниками стрел, обломком стенки железного котла, льячкой. Изнутри развала линии обороны обнаружены разрозненные кости скелетов женщины 16–20 лет (индивид 1), мужчины около 25 лет (индивид 2). К северо-западу от этого скопления на глубине 115 см найдены останки человека старше 25 лет (индивид 4).

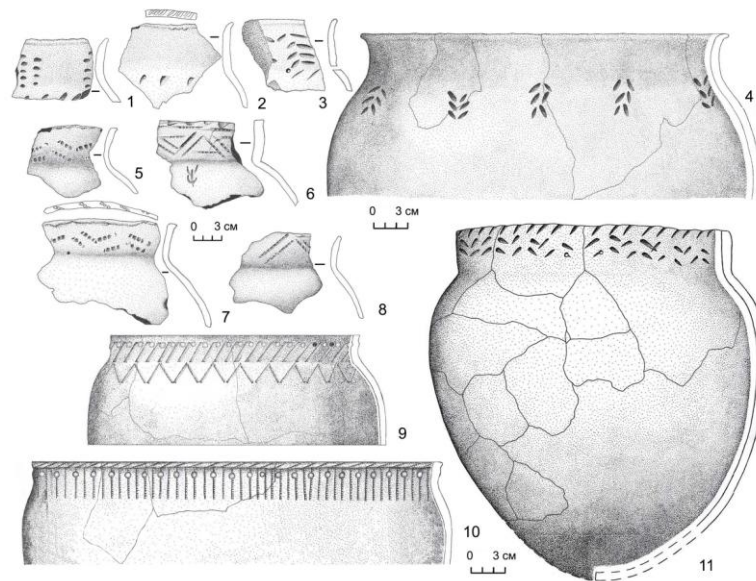

Рис. 4. Керамика саргатского (1, 2, 4, 11), кашинского (3, 5–8) и байтовского (9, 10) типов раннего железного века

Fig. 4. Samples of Sargatka (1, 2, 4, 11), Kashino (3, 5–8) and Baitovo (9, 10) ceramics

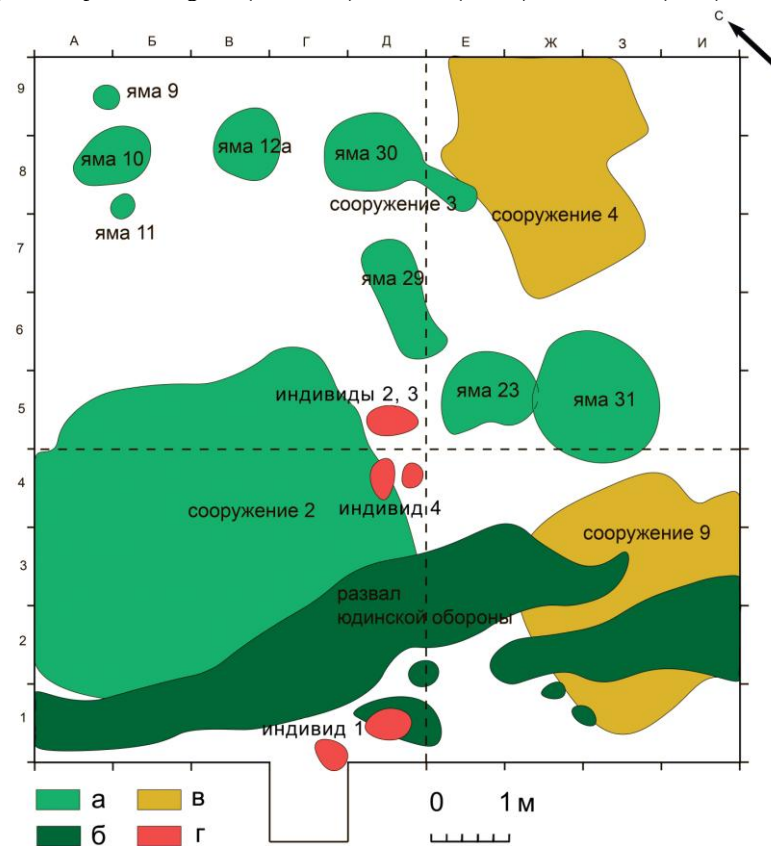

Рис. 5. План остатков сооружений юдинского (а) и позднего бакальского (б) периодов, фортификаций юдинского (в) и захоронений чияликского (г) периодов

Fig. 5. Traces of the Yudino (а), late Bakal periods (б), fortifications of Yudino (в) and burials of Chiyalik periods (г)

Таблица 1

Описание образцов дерева и угля с Папского городища

Table 1

Description of samples of wood and coal from the Papskoe gorodishche

Номер пробы	Место взятия	Сооружение или объект	Глубина, см	Дата (вероятность)
9723	столб из ямы № 52	ранний вал, К1	165	cal BC 938: cal BC 415 (0,990641)
9724	горизонтальное бревно	поздний вал М2	100	cal AD 128: cal AD 479 (0,933119)
9725	горизонтальное бревно	поздний вал Л2	105	cal AD 1301: cal AD 1367 (0,482772) cal AD 1382: cal AD 1439 (0,517228)
9726	бревно из тела вала горизонтальное	поздний вал М2	109	cal BC 44: cal AD 333 (0,954)
9743	древесный уголь	вал поздний И1	88–90	cal BC 199: cal AD 179 (0,982941)
9744	древесный уголь	поздний вал 32	98	cal BC 2: cal AD 342 (0,99152)
9745	древесный уголь	поздний вал М2	85	cal BC 435: cal BC 86 (0,966533)

На глубине 111–125 см сооружение № 2, начинавшееся фиксироваться выше, приобрело прямоугольные очертания. Его размеры составили 3,4 × 4,3 м (см. рис. 5). Заполнение включало фрагменты юдинских (см. рис. 2, 5, 6) и чияликских (см. рис. 2, 13) сосудов. На этом месте фиксировались зоологические остатки, семь наконечников стрел (три плоских ромбических, срезень и бронебойный из железа, два костяных). Обнаружены также втульчатый железный топор с бородкой, шпенок от бронзовой заклепки, закраина, ушко котла и другой лом, бронзовый диск со сквозными отверстиями, серебряная бляшка, три абразива, скребок из стенки сосуда. В первичном заполнении ямы № 12, прорезанной сооружением № 3, выявлена керамика бакальской культуры. На периферии сооружения 2 обнаружены останки людей (см. рис. 5). Это кости мозгового отдела черепа, зубы мужчины до 30 лет (индивид 2), кости черепа мужчины зрелого или старческого возраста, лучевая, локтевая, тазовая кости (индивид 3), зафиксированные в виде скопления без следов от могильной ямы.

В восточной части раскопа исследованы остатки сооружений № 4 и 3 (см. рис. 5). Сооружение № 4 имело трапециевидную форму и размеры 2,2 × 2,4 м с темно-серым мешаным заполнением, в котором преобладала керамическая посуда бакальского типа (рис. 6, 9). Обломки от сосудов кушнаренковского облика были представлены в меньшей степени (рис. 6, 2). Прямоугольный котлован сооружения № 3 имел размеры 1,8 × 2 м и содержал фрагменты исключительно бакальских сосудов.

Вдоль края мыса продолжалась прерывистая полоса серого мешаного грунта шириной 1,25 м, длиной 8 м; вероятно, это предыдущая подсыпка вала. В ней обнаружен разновременный керамический материал с преобладанием экземпляров бакальского типа (см. рис. 5, 5, 9, 10), в том числе собраны кости животных, черешок и два железных наконечника стрел. Западнее ямы № 31 расположена яма № 23, выброс которой шириной около 30 см полукольцом лежал на западном ее краю. Она, в свою очередь, прорезала серо-коричневые, светло-серые, темно-серые линзы из развала.

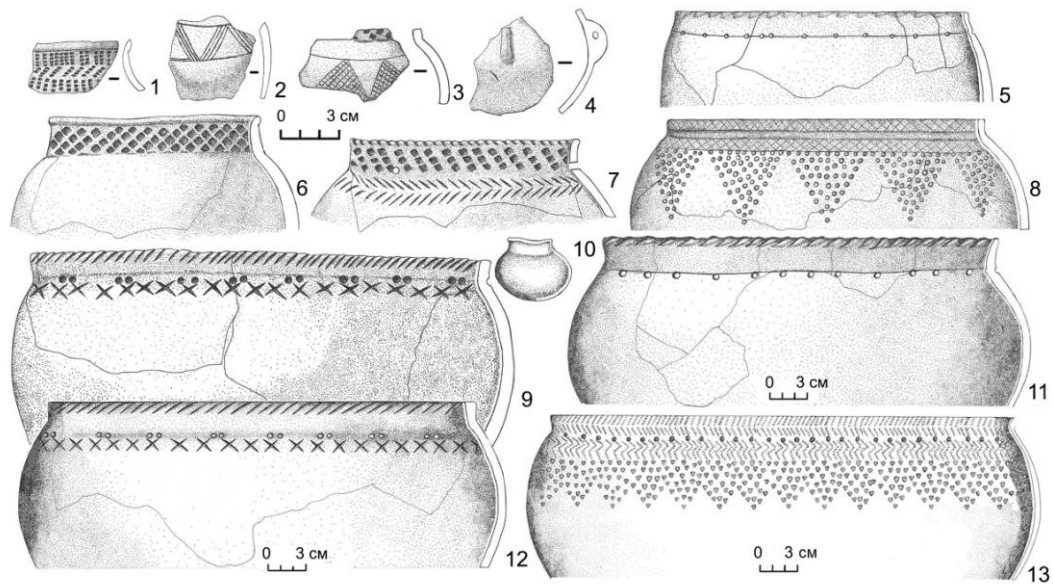

Рис. 6. Керамика бакальского (5, 8–13) и кушнаренковского (1–4, 6, 7) типов
 Fig. 6. Samples of Bakal (5, 8–13) and Kushnarenkovo (1–4, 6, 7) types of ceramics

На глубине 126–140 см сооружения 2 и 3 оказались отделены друг от друга материковым клином длиной 1,5 м. Находки из первичного заполнения сооружения № 2 – скопления юдинских сосудов (см. рис. 2, 5), кости животных. От сооружения № 2 отделилось сооружение № 7 прямоугольной формы, ориентированное по линии С-Ю, с размерами углубленной части 2,6 × 2,1 м. В южном углу раскопа прослежено подквадратное пятно светло-серого грунта размерами 3 × 2,5 м (сооружение № 9), ориентированное под углом 45° к сторонам света. Вероятно, это основание срубной башни, где преобладала керамика бакальской культуры (см. рис. 6, 5, 9, 12), кости животных, единичные обломки кушнаренковской посуды (например, от кувшинчиков с резным декором с ручкой, маленького горшочка с гребенчатым штампом) (см. рис. 6, 3, 4, 7).

На горизонте 145–175 см (на материке) обнаружено новое сооружение с бакальской керамикой – № 6, имевшее вид отдельной постройки прямоугольной формы размерами 2,6 × 3 м (см. рис. 3). Объект предшествовал строительству вала. Он прорезан канавкой ямы № 30, прокалами № 3 и 6, фиксировавшимися с предшествующих горизонтов. Яма № 29 – прямоугольная, размерами 1,6 × 0,7 м, с линзой угля по периметру, в середине включала мощный оранжевый прокал; рядом найдены кусок глиняной обмазки с отпечатками прутьев и керамика юдинской культуры. Исходя из формы и заполнения ям, можно предположить, что они являются остатками печей или горнов.

У склона мыса с глубины 150 см и ниже прослеживались фрагменты сгоревших конструкций в виде узких длинных полос с углем, вероятно, от кровли сооружения № 8. В его заполнении выявлена керамика кашинской, саргатской (см. рис. 4, 4–8) и бакальской (см. рис. 6, 8) культур, в том числе целый горшок кашинского типа (см. рис. 4, 11). Восточнее следов пожара отмечена цепочка суглинистых выбросов из линз разных размеров вдоль всего борта раскопа; видимо, это остатки начальных операций при сооружении вала на фоне вторичного заполнения ниже зафиксированного сооружения 5.

С глубины 176–189 см доследовались остатки котлованов сооружений № 5 и 8. Первое стояло на склоне в лог и обрушилось в него. Зафиксировано углубление прямоугольной формы размером 3,25 × 2,7 м, ориентированное под углом 45° к северу. Оно имело вид тем-

ного пятна на фоне основного мешаного слоя. Примерно пятая часть постройки оказалась перекрыта суглинистым выбросом, оставшимся после сооружения ямы № 31, предположительно, бакальского времени. Ниже, на глубине 190–210 см, при выборке первичного заполнения сооружения № 5 удалось установить его размеры (3,3 × 1,85 м) и коридор, идущий к краю лога. На их одновременность указывает то, что котлован от строения № 8 заполнен светло-серым грунтом с отдельными линзами угля и прокала, саргатской керамикой (см. рис. 4, 1, 2), а соседняя постройка 5 – более однородным серым с находками бакальской керамики; обе они по-разному ориентированы.

Разрез тела вала показал следование за дерном нескольких прослоек и линз, являющихся следами подсыпок и обновлений (рис. 7). Ниже следует серая супесь с многочисленными линзами темно-серого и серого (мешанного) цветов. С уровня 145 см прослеживались узкая прерывистая прослойка темно-серого цвета с включениями угля и погребенная почва, образовавшаяся еще до момента строительства оборонительных сооружений. В нее внедрились ямы № 54 и 55, под ней – относительно однородный серо-коричневый слой. На уровне материка зафиксированы яма № 56 и канавка трапециевидного сечения с темно-серым заполнением, являющаяся самым первым рвом.

По планиграфическим наблюдениям, верхние наслоения вала состояли из серой супеси с включениями угля, за ними следовали линзы светло-серого цвета и пятна с темно-серым заполнением, пятно суглинистого выброса, связанное с подсыпкой вала (см. рис. 7, б). В нем обнаружены горизонтально лежащие фрагменты древесины, рядом располагались ямы от столбов № 49 и 50 с остатками вертикально стоящих в них бревен от стены, предположительно, раннебакальского времени (см. табл. 1, пробы 9743, 9745). Далее площадь светло-серых пятен увеличилась, продолжилась линза суглинистого выброса, прорезанная поздним строительством (яма № 48). На глубине 100–105 см в каркасе стены вала горизонтально лежали бревна (см. табл. 1, пробы 9724, 9725). На уровне 109–110 см расчищены остатки деревянных конструкций в виде обугленных бревен размерами 1,17 × 0,2 и 0,9 × 0,2 м, располагавшихся параллельно друг другу (см. табл. 1, проба 9726). Здесь же встречена керамика бакальской культуры (см. рис. 7, в).

С уровня 125–135 см преобладала светло-серая супесь, были видны две линзы суглинистого выброса, перекрытые темно-серым слоем погребенной почвы у основания вала, который, в свою очередь, пересекала поздняя яма № 53. Затем проявилось светло-коричневое пятно и фрагмент серо-коричневого слоя, связанного с самым ранним периодом жизни на Папском поселении. Зафиксированы остатки двух обугленных параллельно лежащих бревен и ямы № 51 и 52 с углем, режущие темно-серый слой, происходящий, вероятно, от столбовых конструкций тела вала. Находки представлены фрагментами посуды кашинского типа раннего железного века (см. рис. 4, 7). Еще ниже шел относительно однородный слой начальной насыпи вала серо-коричневого цвета, а включения в него переотложенного рыжего грунта, вероятно, были связаны со строительством сооружения № 5. Кроме того, ранний горизонт вала нарушают ямы № 54 и 55. Здесь обнаружены остатки обгоревшей древесины от столба, взятые на анализ как проба 9723 (рис. 7, г). На фоне материка (–190–200 см) в понижении сохранился слой серо-коричневой супеси и такой же мешаный слой, при этом основу вала прорезала канава-ров шириной 1,2 м (на дне – 0,55 м, на 0,3 м – в материке).

Последовательность строительства оборонительных сооружений выглядит следующим образом. От самого раннего этапа (раннего железного века) строительства сохранились яма № 56 и остатки рва. Со строительством основного тела вала связаны пятна суглинистых выбросов, образовавшихся вследствие обновления рва, а также остатки деревянного каркаса стены. Структура укрепления вала в целом характерна для IV–IX вв. н. э. [Рафикова и др., 2013. С. 50]. В Средневековье, вероятно, были оставлены какие-то деревянные конструкции (деревянные стены?), от которых на уровне –70–110 см сохранились фрагменты древесины и ямы № 49 и 50 (см. рис. 7). Видимо, в это время происходило обновление оборонительной линии.

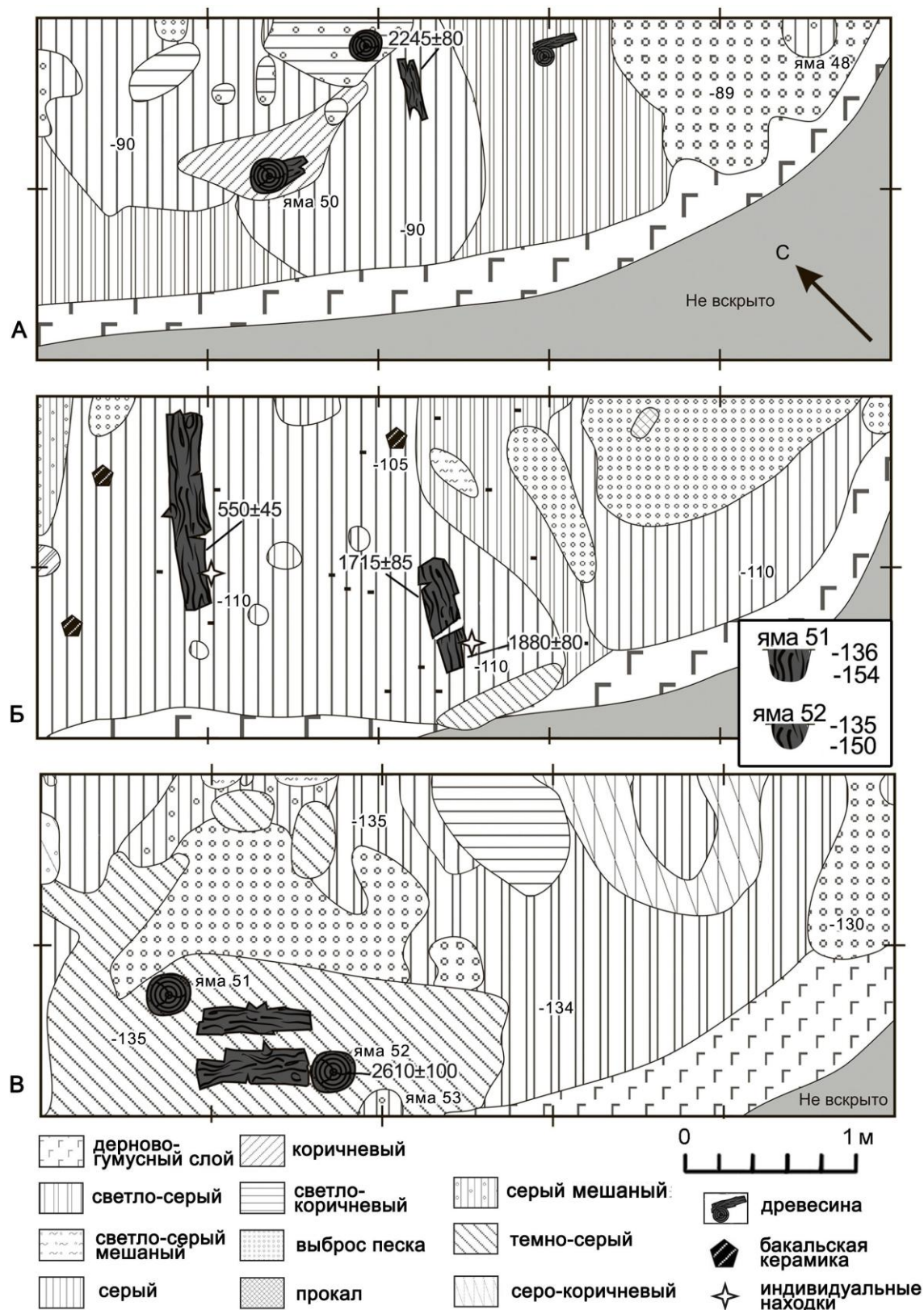

Рис. 7. Планы вала городища на глубине 90 см (а), 110 см (б), 135 см (в)
 Fig. 7. Fortification layers at the depth of 90 cm (a), 110 cm (b) and 135 cm (v)

Таким образом, в ходе работ было выявлено несколько жилых и оборонительных сооружений, располагавшихся на разных глубинах, выделявшихся по заполнению и керамике. Из них остатки строений раннего железного века указывают на каркасно-столбовую технику строительства нескольких соединенных друг с другом помещений [Берлина и др., 2018], а позднего – на малые срубные постройки с глубокими ямами-подпольями [Рафикова, Берлина, 2011].

Анализ артефактов

Баитовская посуда (см. рис. 4, 9, 10) представлена скоплениями 15 круглодонных горшков с плоским бортиком, низкой прямой шейкой, запесоченным тестом. Скудный орнамент выполнен жемчужинами, округлыми и квадратными ямками, оттисками гребенчатого и уголкового штампов. Эта керамика имеет относительную дату в пределах VII–IV вв. до н. э. [Цембалюк, Илюшина, 2011].

Саргатская посуда (см. рис. 4, 1, 2, 4) малочисленна. Обнаружено 12 горшков с вогнутой короткой шейкой, залегающих на площади сооружения № 8 совместно с кашинской керамикой. Декорирована размашистой резной «елочкой», ногтевыми вдавлениями. Хронологический диапазон ее бытования помещается в интервал V в. до н. э. – начало IV в. н. э. [Кобелева, 2009].

Кашинскую группу (см. рис. 4, 3, 5–8) составляют скопления фрагментов семи сосудов и два развала яйцевидных емкостей с отогнутой прямой шейкой, раздутым неорнаментированным туловом и круглым днищем. Декор нанесен только по шейке наклонными оттисками крупного гребенчатого штампа или нарезками в виде вертикальной «елочки», а также горизонтальными линиями, обрамляющими бордюр. Эта керамика найдена в сооружении № 8, что позволяет дать ему относительную датировку в рамках IV в. до н. э. – IV в. н. э. [Шарпова, 2000].

Кушнаренокская керамика (см. рис. 6, 1–4, 6, 7) представлена фрагментами 7 сосудов столового назначения (тонкостенная, малых размеров); орнаментирована фигурными штампами подтреугольной и ромбической форм, горизонтальными прочерчиваниями. Залегала в развале бакальского вала. Как и на других памятниках Зауралья, бакальская и кушнаренокская типологические группы встречены совместно [Боталов, 2016. С. 485–487].

Бакальская группа посуды (см. рис. 6, 5, 8–13) состоит из 60 горшков. Бортик – круглый или уплощенный, грубо насечен, шейка короткая. Орнамент образован резной решеткой, пояском ямок. Развалы найдены в сооружениях № 5–7, они также маркируют строительство вала и содержатся в ямах № 12, 31. Данная керамика встречается совместно с кушнаренокской и петрогромской, что позволяет выдвинуть предположение о датировке ранних сооружений с мелким боем периодом IV–VII вв. н. э., а поздних, с развалами, – приблизительно, VII–IX вв.

Петрогромская группа (см. рис. 2, 10–12) насчитывает 8 сосудов из серого теста, имеющего обильную примесь талька. Бортик прямой утолщенный, с карнизиком, шейка прямая короткая. Декор состоит из вертикальных рядов гребенки по шейке и наклонных насечек в месте перехода от шейки к плечу. Практически вся керамика обнаружена в межжилищном пространстве раскопа, ее связь с сооружениями не ясна, примерная датировка – VII–IX вв. н. э. [Могильников, 1987].

Юдинский комплекс (см. рис. 2, 1–7) включает 53 круглодонных и тонкостенных горшка, изготовленных выбивкой. Они украшены ямками, горизонтальными рядами гребенки, имитирующими шнур, чередующимися с наклонными оттисками штампа, два из которых образуют узор в виде вертикальной елочки, а также «бахромой» из вертикальных оттисков. Развалы обнаружены во вторичном заполнении сооружения № 1, в первичном – в сооружении № 2, крупные обломки – в ямах с черным и темно-серым заполнением, в поздней подсыпке вала вдоль края мыса. Предположительно, юдинская керамика датируется в интервале IX–XIII вв. н. э. [Чикунцова, Якимов, 2012; Турова, 2018].

Чияликская группа (см. рис. 2, 8, 9, 13) малочисленна (5 ед.), бортик сосуда прямой с карнизом вовнутрь, шейка вертикальная короткая; диаметр устья 10–18 см. Выделяется оригинальным узором, состоящим из 7 рядов шнура и зигзага из гребенки. Данный тип керамики обычно датируется XII–XIV вв. н. э. [Казаков, 2007. С. 59–65; Гарустович, 2015].

Из инвентаря для датировки интересны наконечники стрел, орудия труда, украшения одежды и упряжи; суммарные интервалы их бытования сведены в табл. 2.

Датирующих предметов раннего железного века не оказалось, вещи средневекового периода относятся к IX–XIII вв.

Радиоуглеродный анализ проб древесины и угля из культурного слоя (см. табл. 1) был выполнен в Институте геологии и геофизики СО РАН. Перевод результатов исследования в календарные значения производился при помощи программы Calib rev 7.0.4 с использованием калибровочной кривой Intcal13.14C (табл. 3). К сожалению, интервалы дат довольно велики, а часть древесины при строительстве переотложена. Это следует учитывать при уточнении периодов обитания на поселении.

Результаты исследований и обсуждение

В начале раннего железного века поселение было окружено неглубоким рвом и, вероятно, забором – к этому периоду относится сооружение № 1. По нахождению баитовской керамики и дате (СОАН-9723) оно укладывается в интервал VII–V вв. до н. э., что коррелирует с диапазоном существования баитовской культуры по материалам других памятников [Цембалюк, 2016. С. 15]. Затем, в саргатский период, на мысу возникло поселение, составленное из многокамерных жилищ и оборонительной линии. К этому периоду относятся остатки сооружения № 8, на площади которого была обнаружена керамика саргатского и кашинского типов. Согласно ^{14}C датам (СОАН-9743–45 и СОАН-9726) остатков деревянной конструкции вала, этап датируется от IV–II вв. до н. э. до середины I – начала IV в. н. э.

В раннем Средневековье площадь поселения заняли носители бакальской культуры. Оценивая планиграфическую и стратиграфическую позицию построек этого времени, можно предполагать, что они являются разновременными и отражают два эпизода обитания. Первый (IV–V вв.) характеризуют сооружения № 3, 5–7, керамика кушнаренковского и бакальского типов. Второй связан с постройкой сооружений № 4 и 9, в это же время воздвигаются стены вдоль склона в лог (сооружение № 9). С учетом пробы 9724 и аналогий из материалов Коловского и Красногорского городищ [Матвеева и др., 2008. С. 159–164] этот эпизод обитания укладывается в рамки V–VII вв.

К VII–IX вв. н. э. относятся находки керамики петрогромского типа, располагавшиеся в небольшом объеме в межжилищном пространстве поселения. Минимальное количество артефактов этого времени не позволило нам соотнести их с конкретным сооружением.

Период IX–XI вв. выделен по сооружению № 2, остаткам печей (горнов?) № 29 и 30, а также хозяйственным ямам № 9–12, 23, 31, которые сопровождалась находками керамики юдинского типа, наконечниками стрел, бронзовым котлом и отдельными украшениями. В это время вновь обновлялись укрепления вдоль склона мыса, зафиксированные по мешаным подсыпкам.

Среди средневековой керамики присутствует посуда чияликского (макушинского) типа, которая датируется в диапазоне XII–XIV вв., хотя ^{14}C дата (СОАН-9725) несколько позднее – XIV–XV вв. (см. табл. 3). Вероятно, это последний период функционирования поселка, но сооружений, связанных с ним, не выявлено. Возможно лишь, что к нему относятся фрагменты разрушенных погребений, причем ямы ни в одном случае не фиксировались, а все останки залегали под дерном или в слое заполнения юдинских построек. Глубина залегания в 20–30 см от поверхности позволяет считать их преднамеренными захоронениями умерших. Принадлежность останков не менее чем четырем индивидам указывает на погребения, сосредоточенные с примерно равными интервалами за гребнем вала, поперек мыса. Не исключено, что часть наиболее позднего инвентаря может относиться к ним. Топографическая позиция позволяет предположить связь погребений с чияликским комплексом керамики.

Таблица 2
Датировка наконечников стрел, бытовых вещей и украшений
Table 2
Dating of arrowheads, household things and ornaments

Категория	Тип	Количество	Время существования (век)							Объект
			VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	
Наконечники стрел										
Железные черешковые	Плоские удлиненно-ромбические	1								Сооружение № 2
	Плоские асимметрично-ромбические	7								Яма № 10, 23, сооружение № 2
	Плоские пятиугольные	1								Сооружение № 2
	Четырехгранные асимметрично-ромбические	1								Сооружение № 2
	Четырехгранные удлиненно-четыреугольные	2								Развал юдинского вала, сооружение № 2
Бытовые вещи										
Котел бронзовый	Клепанный из пластин	1								Под дерном кв. Е1
Топор железный втульчатый	С бородкой	1								Сооружение № 2
Нож железный черешковый	С уступом	1								Сооружение № 2
Льячки керамические со втулкой	Ковшевидные с носиком для слива	3								Развал бакальского вала; склон мыса кв. Г'1; сооружение 7

Категория	Тип	Количество	Время существования (век)							Объект	
			VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV		
Украшения											
Пряжки округлой формы	Четырехгранный в разрезе дрот, плоский язычок	1									Сооружение № 2
	Овальный в разрезе дрот, плоский язычок	1									Развал юдинского вала
Бляшки	Серебряная круглая, декорированная зернью	1									Сооружение № 2
Подвески	Бронзовые плоские, дисквидные	1									Сооружение № 2
	Бронзовые плоские, дисквидные с петлей	1									Сооружение № 2

Таблица 3

Радиоуглеродный, калиброванный и календарный возраст образцов угля из Папского городища

Table 3

Radiocarbon, calibrated and calendar ages of coal samples from the Papskoe gorodishche

№ СОАН	¹⁴ C возраст, лет	Калиброванный возраст, лет		Календарный возраст, год	
		cal BP по 1σ	cal BP по 2σ	cal AD/BC по 1σ	cal AD/BC по 2σ
9723	2610 ± 100	2769 ± 78	2625 ± 261	820 ± 78 BC	676 ± 261 BC
9724	1715 ± 85	1627 ± 97	1646 ± 175	322 ± 97 AD	303 ± 175 AD
9725	550 ± 45	577 ± 53	580 ± 69	1373 ± 53 AD	1370 ± 69 AD
9726	1880 ± 80	1806 ± 92	1805 ± 188	144 ± 92 AD	188 ± 144 AD
9743	1995 ± 80	1961 ± 96	1960 ± 189	11 ± 96 BC	10 ± 189 BC
9744	1860 ± 75	1795 ± 85	1780 ± 172	155 ± 85 AD	170 ± 172 AD
9745	2245 ± 80	2214 ± 61	2210 ± 175	265 ± 61 BC	261 ± 175 BC

Заключение

Подводя итоги исследования, следует отметить, что на основе проведенного нами анализа планиграфических данных памятника выделено девять разновременных построек и несколько периодов строительства оборонительных сооружений. По типологическим особенностям керамики, инвентарю и результатам радиоуглеродного анализа органики существование комплексов определяется узкими интервалами: байтовский – по сооружению № 1 (VII–V вв. до н. э.); саргатский – по многокамерному сооружению № 8 (IV–II вв. до н. э.). Судя по тому, что посуда кашинского типа и часть древесины с вала датированы более поздним временем, в рамках II–I в. до н. э. имел место кашинский эпизод обитания. Раннебакальский период обитания с четырьмя постройками и деревянной стеной на валу отнесен нами к IV–V вв. н. э. Имеется измельченный керамический материал с примесью кушнаренковской посуды, что характерно для начального этапа бакальской культуры. Другой бакальский эпизод представлен постройками в линию поперек мыса и подсыпкой вала – имеется керамика в крупных развалах; предположительно датируется V–VII вв. н. э. Юдинский период обитания определен в диапазоне IX–XI вв. н. э. Последний этап связан либо с обитанием чияликских поселенцев в XIV–XV в. н. э., либо со взятием этой группой крепости и захоронением погибших в слабо углубленных грунтовых могилах. Решение этого вопроса на столь разрушенном материале не представляется возможным.

В целом результаты археологического изучения материалов Папского городища демонстрируют сложные историко-культурные процессы в регионе, показывая динамичные картины смен археологических культур и типов каждые три-четыре столетия в течение более чем полутора тысячелетий. Планируемые в дальнейшем сравнения полученных материалов с данными, происходящими из других памятников, позволят более детально выявить особенности историко-культурных процессов в ходе заселения и освоения территории Западной Сибири различными группами людей.

Список литературы

- Боталов С. Г.** Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и Средневековья лесостепного Зауралья // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2016. С. 468–542.
- Боталов С. Г., Тидельман Е. В., Лукиных А. А., Вохминцев М. П.** Новые материалы исследований Большого бакальского городища // Проблемы бакальской культуры: Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск: Рифей, 2008. С. 6–41.
- Берлина С. В., Цембалюк С. И., Новиков И. К.** Городище Дикая Яма на Среднем Тоболе // Теория и практика археологических исследований. 2018. Т. 22, вып. 2. С. 7–20.
- Гарустович Г. Н.** Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.
- Казаков Е. П.** Волжские болгары, угры и финны: проблемы взаимодействия. Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2007. 208 с.
- Кобелева Л. С.** Технология изготовления керамики саргатской культуры (восточный ареал): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 26 с.
- Матвеева Н. П., Берлина С. В., Рафикова Т. Н.** Коловское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
- Матвеева Н. П.** Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников). Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2016. 264 с.
- Могильников В. А.** Лесостепное Зауралье (бакальская культура) // Археология СССР: Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1987. С. 179–183.

- Могильников В. А.** Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1990. 45 с.
- Рафикова Т. Н., Берлина С. В.** Жилище бакальской культуры Усть-Терсюкского-1 городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 95–101.
- Рафикова Т. Н., Берлина С. В., Кайдалов А. И., Сечко Е. А.** Фортификации раннего и развитого Средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. Т. 23, вып. 4. С. 42–51.
- Турова Н. П.** Средневековый керамический комплекс грунтового могильника Вак-Кур (по материалам раскопок 2005 г.) // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Т. 4, № 1. С. 148–163.
- Цембалюк С. И.** Баитовская культура начала раннего железного века в лесостепном и подтаежном Притоболье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2016. 20 с.
- Цембалюк С. И., Илюшина В. В.** Керамика баитовской культуры городища Боровушка-2 // IX Зырянские чтения: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. С. 28–30.
- Чикунова И. Ю., Якимов А. С.** Городище Черепаниха-2: к вопросу об определении статуса // Уральский исторический вестник. 2012. Вып. 4. С. 31–41.
- Шарапова С. В.** Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (опыт статистического анализа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2000. 21 с.

References

- Berlina S. V., Tsembalyuk S. I., Novikov I. K.** Gorodishche Dikaya Yama na Srednem Tobole [The Dikaya Yama Settlement on the Middle Tobol]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Archaeological Investigations], 2018, vol. 22, iss. 2, p. 7–20. (in Russ.)
- Botalov S. G.** Istoriko-kul'turnye gorizonty v epokhu rannego zheleznogo veka i srednevekov'ya lesostepnogo Zaural'ya [Historical-Cultural Horizons of the Steppe-Forest Trans-Urals in the Iron and Middle Ages]. In: *Arkheologiya Yuzhnogo Urala. Les, lesostep' (problemy kul'turogeneza)* [Archaeology of the South Ural. Forest, Steppe-Forest (issues of cultural genesis)]. Chelyabinsk, Rifei Publ., 2016, p. 468–542. (in Russ.)
- Botalov S. G., Tidelman E. V., Lukinykh A. A., Vokhmintsev M. P.** Novye materialy issledovaniy Bol'shogo bakal'skogo gorodishcha [New Materials of the Bol'shoe Bakal'skoe Settlement]. In: *Problemy bakal'skoi kul'tury* [Issues of the Bakal culture]. Chelyabinsk, Rifei Publ., 2008, p. 6–41. (in Russ.)
- Chikunova I. Yu., Yakimov A. S.** Gorodishche Cherepanikha-2: k voprosu ob opredelenii statusa [The Cherepanikha-2 Settlement: on the Status of the Settlement]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Uralian Historical Bulletin], 2012, iss. 4, p. 31–41. (in Russ.)
- Garustovich G. N.** Chiyalikskaya arkheologicheskaya kul'tura epokhi srednevekov'ya na Yuzhnom Urale [The Chiyalik Archaeological Culture in the Middle Ages on the South Urals]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], 2015, iss. 15, p. 181–198. (in Russ.)
- Kazakov E. P.** Volzhskie bolgary, ugry i finny: problemy vzaimodeistviya [Volga Bulgarians, Ugrians and Finns: Aspects of Interaction]. Kazan, Institute of History AS RT Publ., 2007, 208 p. (in Russ.)
- Kobeleva L. S.** Tekhnologiya izgotovleniya keramiki sargatskoi kul'tury (vostochnyi areal) [Pottery Technology of the Sargatka Culture (Eastern Areal)]. Cand. hist. sci. syn. diss. Novosibirsk, 2009, 26 p. (in Russ.)
- Matveeva N. P.** Zapadnaya Sibir' v epokhu Velikogo pereseleniya narodov (problemy kul'turogeneza po dannym pogrebal'nykh pamyatnikov) [West Siberia in the Migration Period (issues of cultural genesis based on burial complexes data)]. Tyumen, Tyumen State Uni. Publ., 2016, 264 p. (in Russ.)

- Matveeva N. P., Berlina S. V., Rafikova T. N.** Kolovskoe gorodishche [The Kolovskoe Settlement]. Novosibirsk, Nauka, 2008, 240 p. (in Russ.)
- Mogilnikov V. A.** Etnokul'turnaya istoriya Zapadnoi Sibiri v Srednie veka [Ethnocultural History of the West Siberia in the Middle Ages]. Doctor hist. sci. syn. diss. Moscow, 1990, 45 p. (in Russ.)
- Mogilnikov V. A.** Lesostepnoe Zaural'e (bakal'skaya kul'tura) [The Steppe-Forest Trans-Urals]. In: Arkheologiya SSSR: Finno-ugry i balty v epokhu srednevekov'ya [Archaeology of USSR: Finno-Ugrians and Balts in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1987, p. 179–183. (in Russ.)
- Rafikova T. N., Berlina S. V.** Zhilishche bakal'skoi kul'ury Ust'-Tersyukskogo-1 gorodishcha [A Dwelling of the Bakal Culture from the Ust'-Tersyukskoye-1 Settlement]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography, Anthropology of Eurasia], 2011, no. 2 (46), p. 95–101. (in Russ.)
- Rafikova T. N., Berlina S. V., Kaidalov A. I., Sechko E. A.** Fortifikatsii rannego i razvitogo srednevekov'ya lesostepnogo i podtaezhnogo Zaural'ya [Fortifications of the Medieval Trans-Urals]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2013, vol. 23, iss. 4, p. 42–51. (in Russ.)
- Sharapova S. V.** Keramika rannego zheleznogo veka lesostepnogo Zaural'ya (opyt statisticheskogo analiza) [Pottery of the Early Iron Age of the Forest-Steppe of the Trans-Urals (experience of statistical analysis)]. Cand. hist. sci. syn. diss. Izhevsk, 2000, 21 p. (in Russ.)
- Tsembalyuk S. I.** Baitovskaya kul'tura nachala rannego zheleznogo veka v lesostepnom i podtaezhnom Pritobol'e [Bait Culture of the Early Iron Age]. Cand. hist. sci. syn. diss. Tyumen, 2016, 20 p. (in Russ.)
- Tsembalyuk S. I., Ilyushina V. V.** Keramika baitovskoi kul'tury gorodishcha Borovushka 2 [Ceramics of the Bait Culture of the Borovushka 2 Settlement]. In: IX Zyryanovskie chteniya [9th Zyryanovsk Readings]. Materials of the All-Russian Scientific-Practical Conference. Kurgan, KurSU Publ., 2011, p. 28–30. (in Russ.)
- Turova N. P.** Srednevekovyi keramicheskii kompleks gruntovogo mogil'nika Vak-Kur (po materialam raskopok 2005 g.) [Medieval Ceramic's Complexes of the Vak-Kur Ground Cemetery (based on 2005 excavation materials)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Bulletin of University of Tyumen. Humanitarian Researches. Humanitates], 2018, vol. 4, no. 1, p. 148–163. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
20.05.2019

Сведения об авторах

Матвеева Наталья Петровна, доктор исторических наук, профессор заведующий лабораторией археологии и этнографии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия)
nataliamatveeva1703@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0240-0561

Зеленков Александр Сергеевич, младший научный сотрудник лаборатории археологии и этнографии, ассистент кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия)
a.s.zelenkov@utmn.ru
ORCID 0000-0001-6257-119X

Третьяков Евгений Алексеевич, инженер лаборатории археологии и этнографии, ассистент кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003, Россия)
e.a.tretyakov@utmn.ru
ORCID 0000-0002-6913-394X

Овчинников Иван Юрьевич, научный сотрудник Института геологии и минералогии им. В. С. Соболева СО РАН (пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия)
c14ovchinnikov@gmail.com
ORCID 0000-0003-4947-9043

Information about the Authors

Natalia P. Matveeva, Doctor of History, Professor at Tyumen State University, Head of Laboratory of Archaeology and Ethnography at the Institute of Social and Humanities Sciences, the University of Tyumen (6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation)
nataliamatveeva1703@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0240-0561

Alexander S. Zelenkov, Junior Researcher of Laboratory of Archaeology and Ethnography, Teaching Assistant at the University of Tyumen (6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation)
a.s.zelenkov@utmn.ru
ORCID 0000-0001-6257-119X

Evgenii A. Tretyakov, Engineer of Laboratory of Archaeology and Ethnography, Teaching Assistant at the University of Tyumen (6 Volodarsky Str., Tyumen, 625003, Russian Federation)
e.a.tretyakov@utmn.ru
ORCID 0000-0002-6913-394X

Ivan Yu. Ovchinnikov, Researcher at V. S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy of the Siberian Branch of the RAS (3 Academician Koptug Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
c14ovchinnikov@gmail.com
ORCID 0000-0003-4947-9043

УДК 903.2

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-49-57

Коллекция железных наконечников стрел из собрания музея «Раритет» в Бишкеке

Ю. С. Худяков^{1,2}, А. Ю. Борисенко², О. А. Солтобаев³

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

³ *Кыргызский национальный университет
им. Жусупа Баласагына
Бишкек, Республика Кыргызстан*

Аннотация

Анализируются разнообразные железные наконечники стрел, хранящиеся в собрании частного музея «Раритет» в г. Бишкеке (Кыргызстан). Прослежены основные события, относящиеся к истории изучения металлических наконечников стрел, в разное время обнаруженных на территории Тянь-Шаня и Семиречья. Привлеченные для анализа предметы вооружения дистанционного боя классифицированы. По характерным особенностям сечения и формы пера все железные наконечники стрел разделены на отдельные группы и типы. Высказаны предположения о возможном функциональном назначении некоторых из них – для поражения легковооруженных врагов и для стрельбы по тяжеловооруженному, защищенному металлическими панцирными или кольчужными доспехами противнику. Представлены также отдельные наконечники универсального назначения, которые могли применяться для обстрела врага как не защищенного металлическими доспехами, так и обладавшего ими. В дальнейшем проанализированные в составе данной коллекции наконечники стрел могут привлекаться для характеристики комплексов средств ведения дистанционного боя у древних и средневековых этносов, проживавших на территории Тянь-Шаня и Семиречья в гуннское время, а также в раннем и развитом Средневековье.

Ключевые слова

Кыргызстан, частный музей «Раритет», коллекция предметов вооружения, железные наконечники стрел

Благодарности

Исследование проведено в рамках Государственного задания в сфере научной деятельности

Для цитирования

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю., Солтобаев О. А. Коллекция железных наконечников стрел из собрания музея «Раритет» в Бишкеке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 49–57. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-49-57

A Collection of Iron Arrowheads from the Museum “Rarity” in Bishkek

Yu. S. Khudyakov^{1,2}, A. Yu. Borisenko², O. A. Soltobaev³

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

³ *Kyrgyz National University
Bishkek, Kyrgyzstan*

Abstract

Purpose. The authors considered and analyzed various types of iron arrowheads that are kept as a part of weapon collection in the private museum “Rarity” in Bishkek, in the Kyrgyz Republic. We traced primary events related to the

history of studying types of iron arrows that were detected at different times by scientists and modern collectors of antiquities on the territory of Tian Shan and Jetysu.

Results. The armament objects of long-range combat are classified according to their formal signs. All iron arrowheads from the collection studied were divided into particular groups and types by characteristic features of their section and form of feather. On the basis of our formal and typological analysis, we put forward several suggestions about possible functionality of the types of iron arrowheads that we singled out. Some arrowheads were intended for defeat of lightly-armed hostile warriors, whereas other types were created for archery against heavily-armed adversaries, who were defended by metal or chain armor. Still other arrowheads were universal and could be applied for shelling both warriors non-protected with metal armor and warriors who had those defensive means.

Conclusion. Our analysis of iron arrowheads from this collection can be used further for characterizing long-range combat weapon complexes of ancient and medieval warriors of several ethnic groups which resided on the territory of Tian Shan and Jetysu in the boundaries of the Kyrgyz Republic during the Hunnic times and following historical periods of the Early and High Middle Ages.

Keywords

Kyrgyzstan, private museum "Rarity", collection of armament objects, iron arrowheads

Acknowledgements

The work was supported on the State assignment in the field of scientific activity

For citation

Khudyakov Yu. S., Borisenko A. Yu., Soltobaev O. A. A Collection of Iron Arrowheads from the Museum "Rarity" in Bishkek. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 49–57. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-49-57

Введение

В числе наиболее распространенных находок предметов вооружения из состава ряда археологических памятников, которые можно отнести к культурам древних и средневековых этносов Тянь-Шаня и Семиречья, наиболее представительными являются железные наконечники стрел. Во время экспедиционных поездок в 2014–2016 гг. в Кыргызстан нам удалось ознакомиться с несколькими представительными коллекциями находок различных предметов вооружения, в том числе с железными наконечниками стрел, в Кыргызском национальном музее и нескольких городских и поселковых государственных и частных музеях, включая достаточно представительную коллекцию разнообразных железных предметов оружия дистанционного боя, хранящихся в собрании частного музея «Раритет» в Бишкеке.

Этот музей был создан и по настоящее время принадлежит известному кыргызстанскому бизнесмену, собирателю и любителю древностей В. В. Кадырову. С его согласия и при содействии кыргызских коллег нами были исследованы эти информативные археологические материалы. Их анализ может позволить уточнить хронологию и культурную принадлежность некоторых находок, определить типологический состав железных наконечников стрел, применявшихся на территории Притяньшанья в поздней древности, раннем и развитом Средневековье. К сожалению, места, откуда происходят эти находки, не были зафиксированы во время приобретения. Предположительно, большая их часть могла быть обнаружена в течение последних лет на территории Тянь-Шаня и Семиречья, в пределах Республики Кыргызстан.

Следует отметить, что история изучения оружия, происходящего с территории Кыргызстана, имеет давнюю традицию. Еще со второй половины XIX в. русские ученые и путешественники во время поездок на Тянь-Шань обращали внимание на вооружение кыргызов и изображения кыргызских воинов. Так, известный казахский ученый, служивший офицером в российских казачьих войсках, Ч. Ч. Валиханов в 1856 г. совершил путешествие на Тянь-Шань и оз. Иссык-Куль, где обратил внимание на погребальные комплексы кыргызских батыров, на которых иногда оставлялось их оружие [Валиханов, 1984. С. 330–331]. В следующем году экспедиционное путешествие на Иссык-Куль совершил известный российский ученый, географ П. П. Семенов, получивший в дальнейшем почетное наименование «Тянь-Шанский». Он описал изображение кыргызского батыра на одном из мазаров [Семенов, 1946. С. 182–183]. Принимавший участие в работе этой экспедиции художник П. М. Кошаров

зарисовал некоторые виды кыргызского оружия [Абрамзон, 1953. Табл. VII, 43; VIII, 45, 46]. По свидетельству еще одного из участников этой экспедиции И. Бардашева, в это время у кыргызов уже преобладало огнестрельное оружие [История Кыргызской ССР..., 1984. С. 611]. В 1860-х гг. несколько экспедиционных путешествий на Тянь-Шань совершил известный тюрколог В. В. Радлов, исследовавший особенности языка и культуры кыргызов. Он отметил их особый «воинственный характер» [Радлов, 1989. С. 348].

В дальнейшем, со второй четверти XX в., рядом ученых велось уже специализированное изучение железных предметов вооружения, в том числе наконечников стрел, происходивших из археологических раскопок памятников древнего и средневекового населения Тянь-Шаня и сопредельных районов. В частности, некоторые предметы обнаружил во время раскопок и описал А. Н. Бернштам [1952. Рис. 76, 2; 79, 5, 6; 135, 15]. Некоторые сведения об их использовании приведены в одном из обобщающих трудов по истории Кыргызстана [История Кыргызской ССР, 1968. С. 72, 76, 85–87, 163–164]; в дальнейшем они были уточнены в следующем издании этой книги [История Кыргызской ССР..., 1984. С. 161, 165, 169, 262]. В конце XX в. ряд исследователей из Кыргызстана и России собрали и проанализировали достаточно большие объемы разнообразных материалов по вооружению, включая и коллекции железных наконечников стрел средневекового населения тюркского и монгольского времени на Тянь-Шане и в Семиречье [Табалдиев, Солтобаев, 1995; Табалдиев, 1996. С. 43–46, 120–121; Акматов, 2015].

В результате таких исследований был накоплен богатый опыт и созданы качественные методики изучения данной категории артефактов, что позволяет достаточно уверенно проводить историко-культурные определения новых материалов. В полной мере это относится и к коллекции, хранящейся в музее «Раритет».

Типологический состав коллекции

По материалу, из которого они были изготовлены, весь набор наконечников стрел из состава анализируемой коллекции в количестве 13 экземпляров (см. рисунок) должен быть отнесен к одному классу – железных. По способу насада все они относятся к одному отделу – с черешковым способом насада. По сечению пера выделяется несколько групп. По форме пера в рамках каждой группы выделяется от одного до нескольких типов наконечников стрел.

Группа I – трехлопастные наконечники. Включает один тип.

Тип 1 – боеголовковые. Представлен единичной находкой. Длина пера 4,2 см, ширина пера 1,2 см, длина сохранившейся части черешка 1,1 см. Предмет со слегка затупленным, первоначально остроугольным, острием, выделенной удлиненно-ромбической, трехлопастной боевой головкой и цилиндрической, округлой в сечении шейкой с упором, а также с коротким, вероятно, обломанным черешком (см. рисунок, 1).

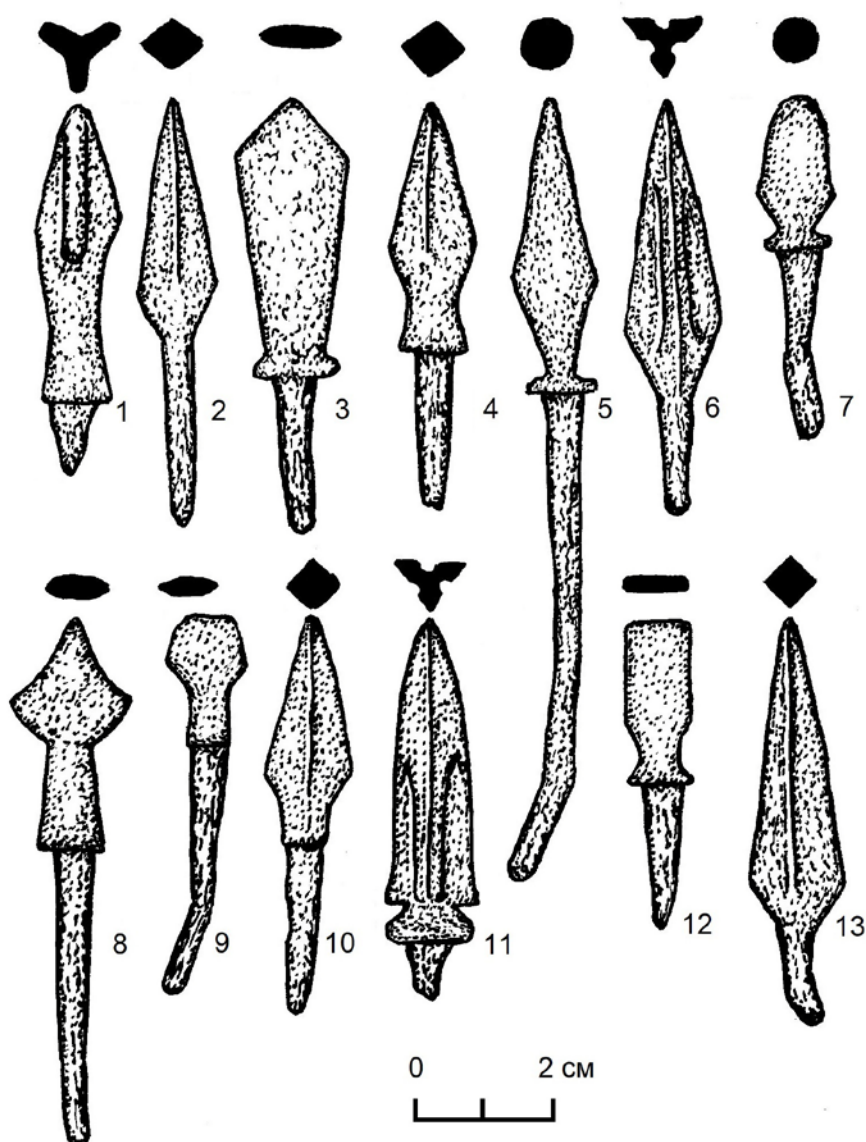
Группа II – плоские наконечники. Включает три типа.

Тип 1 – асимметрично-ромбические. Представлен единичной находкой. Длина пера 4 см, ширина пера 1,6 см, длина черешка 2,2 см. Предмет с тупоугольным острием, асимметрично-ромбическим пером, выделенным упором, коротким черешком (см. рисунок, 3).

Тип 2 – боеголовковые томары. Представлен единичной находкой. Длина пера 1,8 см, ширина пера 1,1 см, длина черешка 3,6 см. Предмет с тупым острием, уплощенной трапециевидной боевой головкой, выделенной короткой шейкой с упором, удлиненным черешком (см. рисунок, 9).

Тип 3 – томары. Представлен единичной находкой. Длина пера 2,4 см, ширина пера 1 см, длина черешка 2,1 см. Предмет с тупым острием, прямоугольным пером, укороченной зауженной шейкой с выделенным упором и коротким черешком (см. рисунок, 12).

Группа III – наконечники с линзовидным в сечении пером. Включает один тип.

Железные наконечники стрел из музея «Раритет»:

- 1 – с трехлопастным в сечении пером; 2, 4, 10, 13 – с четырехгранным в сечении пером;
 3, 9, 12 – с плоским в сечении пером; 5, 7 – с круглым в сечении пером;
 6, 11 – с трехгранно-трехлопастным в сечении пером;
 8 – с линзовидным в сечении пером

Iron arrowheads from the Museum "Rarity":

- 1 – with a three-bladed section; 2, 4, 10, 13 – with a four-bladed section; 3, 9, 12 – with a plain feather;
 5, 7 – with a round section; 6, 11 – with a triangular three-bladed section;
 8 – with a lens-shape section

Тип 1 – боеголовковые. Представлен единичной находкой. Длина пера 3,4 см, ширина пера 1,4 см, длина черешка 4,3 см. Предмет с остроугольным острием, выделенной остроугольно-крылатой боеголовкой, вытянутой округлой в сечении шейкой с упором, удлиненным черешком (см. рисунок, 8).

Группа IV – трехгранно-трехлопастные наконечники. Включает два типа.

Тип 1 – удлинённо-ромбические. Представлен единичной находкой. Длина пера 4,3 см, ширина пера 1,4 см, длина черешка 1,9 см. Предмет с остроугольным острием, удлинённо-ромбическим пером, покатыми плечиками, коротким черешком (см. рисунок, 6).

Тип 2 – удлинённо-треугольные. Представлен единичной находкой. Длина пера 4,8 см, ширина пера 1,4 см, длина сохранившейся части черешка 0,9 см. Предмет с остроугольным острием, вытянутым, удлинённо-треугольным пером, прямыми плечиками, выделенным упором, коротким, вероятно, обломанным черешком (см. рисунок, 11).

Группа V – четырехгранные наконечники. Включает два типа.

Тип 1 – удлинённо-ромбические. Представлен двумя экземплярами. Длина пера 4,1 см, ширина пера 1,1 см, длина черешка 2,1 см. Предметы с остроугольным острием, удлинённо-ромбическим пером, покатыми плечиками, коротким черешком (см. рисунок, 2, 13).

Тип 2 – боеголовковые. Представлен двумя экземплярами. Длина пера 3,5 см, ширина пера 1,2 см, длина черешка 2,4 см. Предметы с остроугольным острием, выделенной боевой головкой с покатыми плечиками, укороченной цилиндрической шейкой с упором, коротким черешком (см. рисунок, 4, 10).

Группа VI – с округлым в сечении пером. Включает два типа.

Тип 1 – удлинённо-ромбические. Представлен единичной находкой. Длина пера 4,2 см, ширина пера 1,2 см, длина черешка 7 см. Предмет с остроугольным острием, удлинённо-ромбическим пером, выделенным упором, удлинённым, слегка изогнутым черешком (см. рисунок, 5).

Тип 2 – полуовальные. Представлен единичной находкой. Длина пера 2,2 см, ширина пера 1,2 см, длина черешка 2,7 см. Предмет с полукруглым острием, полуовальным пером, выделенным упором, удлинённым черешком (см. рисунок, 7).

Таким образом, в составе данной коллекции было выделено 6 групп предметов, в каждой из которых по форме пера наконечника выделяется от одного до трех типов.

Хронология распространения и функциональное назначение наконечников стрел из состава исследуемой коллекции

Наблюдаемые различия в сечении и форме пера предметов из состава коллекции, вероятнее всего, обусловлены определенными периодами их распространения на территории При Тяньшаня, а также культурной принадлежностью и функциональным назначением разных типов стрел.

В предшествующие годы отдельные находки железных наконечников стрел, наряду с бронзовыми, были известны на Тянь-Шане в составе сопроводительного инвентаря археологических памятников сакской культуры раннего железного века [Ташбаева, 2011. С. 70, 160–161]. В дальнейшем, в течение ряда столетий, разнообразные железные наконечники стрел получили значительно более широкое, практически повсеместное, распространение в предметном комплексе археологических памятников кенкольской культуры гуннского времени на территории При Тяньшаня и сопредельных регионов Семиречья [Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 81–86]. Такие изделия различных форм, среди которых преобладали стрелы с трехлопастным сечением пера, были широко распространены на территории региона в древнетюркскую эпоху [Табалдиев, 1996. С. 43–46]. В археологических памятниках развитого и позднего Средневековья (в XI–XIV вв.) на Тянь-Шане преобладали железные наконечники стрел с плоским сечением пера [Табалдиев, Солтобаев, 1995; Табалдиев, 1996. С. 120–121; Акматов, 2015]. Они продолжали применяться кыргызскими воинами в позднем Средневековье и в Новое время.

В составе исследуемой коллекции выделяется наконечник с трехлопастным сечением пера боеголовковой формы (см. рисунок, 1). Точных аналогий ему в изученных ранее археологических материалах с территории Кыргызстана не выявлено. Однако трехлопастные боего-

ловковые наконечники с остроугольным острием, удлинненно-ромбическим трехлопастным пером, покатыми плечиками и короткой шейкой с упором представлены в составе комплекса стрел кенкольской культуры гуннского времени [Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 81]. Выскажем предположение, что данная находка также может относиться к комплексу предметов вооружения дистанционного боя кенкольской культуры.

К оружейному комплексу предметов кенкольской культуры в составе анализируемой коллекции можно, предположительно, отнести также железные стрелы с трехгранно-трехлопастным сечением пера (см. рисунок, 6, 11). Подобный наконечник с пером удлинненно-ромбической формы находит аналогии среди близких по форме стрел, обнаруженных в процессе раскопок памятников гуннского времени Акчий-Карасу, Торкен и Джал-Арык в Кыргызстане; другой железный наконечник с трехгранно-трехлопастным пером удлинненно-треугольной формы и выделенным упором также имеет аналогии среди подобных стрел, происходящих из материалов раскопок тех же памятников кенкольской культуры [Там же. С. 81–82].

Наконечник с плоским пером асимметрично-ромбической формы (см. рисунок, 3) относится к числу наиболее распространенных форм в степном поясе Евразии в развитом Средневековье. В Центрально-Азиатском историко-культурном регионе повсеместное распространение подобных стрел принято связывать с военной экспансией монголов в эпоху завоеваний XIII–XIV вв. н. э. [Акматов, 2015. С. 194]. Однако на территории Кыргызстана подобные стрелы получили определенное распространение еще с рубежа развитого Средневековья [Табалдиев, 1996. С. 122; Рис. 38]. Имеется достаточно оснований, чтобы отнести эту находку к развитому Средневековью.

Наконечник с тупым острием, плоской трапецевидной боеголовкой и короткой шейкой с упором (см. рисунок, 9) не находит точных аналогий среди стрел с плоским пером на Тянь-Шане и в Семиречье. Не удалось проследить подобную форму и среди плоских наконечников стрел на сопредельных территориях. Определить хронологию бытования данной стрелы трудно. Возможно, она относится к развитому Средневековью. Вполне вероятно, что это поисковая, опытная форма, не получившая в дальнейшем развития.

Наконечник с тупым острием, плоским пером, зауженной короткой шейкой и выделенным упором (см. рисунок, 12) находит, хотя и не вполне точные (без характерного выделенного упора), аналогии среди уплощенных томаров, обнаруженных при раскопках одного из погребальных комплексов развитого Средневековья в Кыргызстане [Табалдиев, 1996. С. 120; Рис. 43, 6, 7].

Своеобразный железный наконечник с остроугольным острием, выделенной боеголовкой линзовидного сечения и удлиненной шейкой (см. рисунок, 8) не находит точных аналогий среди стрел, распространенных на Тянь-Шане и в Семиречье. В качестве отдаленной аналогии этой находке можно указать на железный наконечник стрелы с линзовидным сечением пера, происходящий из памятника развитого Средневековья на Тянь-Шане [Там же. Рис. 43, 5]. На этом основании данный наконечник можно отнести предположительно к развитому Средневековью.

Наконечники с округлым в сечении пером двух достаточно редких форм (см. рисунок, 5, 7) не имеют точных аналогий в предметном комплексе культур средневековых кочевников Кыргызстана. Однако стрелы с округлым сечением пера наконечника несколько иных конфигураций были известны у древнетюркского населения на Тянь-Шане в раннем Средневековье [Там же. Рис. 5, 3; 8, 6, 7]. На этом основании можно предположить, что оба предмета относятся к раннему Средневековью.

В коллекции имеются наконечники стрел с четырехгранным сечением пера (см. рисунок, 2, 4, 10, 13). Среди широкого спектра различных форм таких изделий, находившихся в арсенале средств ведения дистанционного боя у древнего и средневекового населения Кыргызстана, удалось обнаружить достаточно близкие по своим формальным признакам железные наконечники с четырехгранным сечением пера, которые были представлены в наборе стрел кенкольской культуры гуннского времени [Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 84–85]. В ран-

нем и развитием Средневековья в Центрально-Азиатском регионе стрелы с четырехгранным сечением пера имелись на вооружении у древнетюркских воинов, а также в комплексе средств ведения дистанционного боя у енисейских кыргызов, киданей и монголов.

Заключение

Предпринятый опыт изучения коллекции железных наконечников стрел из собрания музея «Раритет» наглядно продемонстрировал, что, несмотря на отсутствие каких-либо определенных сведений об условиях местонахождения данных предметов, они могут быть привлечены к проведению формально-типологического анализа. В результате поиска аналогий выделенным формам стрел среди ранее изученных наконечников разных археологических культур на территории Тянь-Шаня, Семиречья и всего Центрально-Азиатского историко-культурного региона удалось выделить некоторые типы стрел, которые были характерны для предметных комплексов археологических культур гуннского времени, а также для последующих исторических периодов раннего и развитого Средневековья в пределах Притяньшанья. В дальнейшем эти находки разнообразных по сечению и форме наконечников стрел, хронологию и культурную принадлежность которых удалось определить или уточнить на основании выявленных аналогий среди датированных материалов, могут использоваться для характеристики комплексов средств дистанционного боя, происходящих из памятников археологических культур гуннского времени, а также из состава оружейных наборов второй половины I – начала II тыс. н. э. на территории Кыргызстана и сопредельных регионов Центральной Азии.

Список литературы

- Абрамзон С. М.** Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857 г.) // Сборник музея антропологии и этнографии. 1953. Т. 14. С. 148–167.
- Акматов К. Т.** Железные наконечники стрел кочевников Тянь-Шаня в монгольское время // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 7: Археология и этнография. С. 193–202.
- Бернштам А. Н.** Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1952. № 26. 346 с.
- Валиханов Ч. Ч.** Дневник поездки на Иссык-Куль 1856 г. // Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата: Гл. ред. Казах. сов. энциклопедии, 1984. Т. 1. С. 306–357.
- История Киргизской ССР. Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1968. Т. 1. 708 с.
- История Киргизской ССР. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе: Изд-во «Кыргызстан», 1984. Т. 1. 789 с.
- Кожомбердиев И. К., Худяков Ю. С.** Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 75–106.
- Радлов В. В.** Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Семенов П. П.** Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. М.: Географгиз, 1946. 256 с.
- Табалдиев К. Ш.** Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Изд-во «Айбек», 1996. 256 с.
- Табалдиев К., Солтобаев О.** Предметы вооружения из погребений центрального Тянь-Шаня (I половина II тысячелетия н. э.) // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 108–124.
- Ташбаева К. И.** Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (I тыс. до н. э.). Бишкек: Илим, 2011. 274 с.

References

- Abramson S. M.** Etnograficheskie al'bom khudozhnika P. M. Kosharova (1857 g.) [An Ethnographical Album of Artist P. M. Kosharov (1857)]. In: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1953, vol. 14, p. 144–167. (in Russ.)
- Akmatov K. T.** Zhleznye nakonechniki strel kochevnikov Tyan'-Shanya v mongol'skoe vremya [Iron Arrowheads of Tien Shan Nomads in Mongol Epoch]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2015, vol. 14, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 193–202. (in Russ.)
- Bernshtam A. N.** Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tyan'-Shanya i Pamiro-Alaya [Historical and Archaeological Sketches of Central Tian Shan and Pamir-Alay]. In: Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on Archaeology of the USSR]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952, no. 26, 346 p. (in Russ.)
- Istoriya Kirgizskoi SSR [History of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic]. Frunze, Kirgizstan Publ., 1968, vol. 1, 708 p. (in Russ.)
- Istoriya Kirgizskoi SSR. S drevneishikh vremen do serediny XIX v. [History of the Kyrgyz Soviet Socialist Republic. From the Ancient Times to the Middle of the 19th Century]. Frunze, Kirgizstan Publ., 1984, vol. 1, 798 p. (in Russ.)
- Kozhombertiev I. K., Khudyakov Yu. S.** Kompleks vooruzheniya kenkol'skogo voina [The Armament Complex of a Kenkol Warrior]. In: Voennoe delo drevnego naseleniya Severnoi Azii [Military Affair of the Ancient People in Northern Asia]. Novosibirsk, Nauka, 1987, p. 75–106. (in Russ.)
- Radlov V. V.** Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika [From Siberia. Pages of a Diary]. Moscow, Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.)
- Semenov P. P.** Puteshestvie v Tyan'-Shan' v 1856–1857 gg. [Travelling to Tien Shan in 1856–1857]. Moscow, Geografiz Publ., 1946, 256 p. (in Russ.)
- Tabaldiev K. Sh.** Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya [Mounds of Medieval Nomadic Tribes of the Tien-Shan]. Bishkek, Aibek Publ., 1996, 256 p. (in Russ.)
- Tabaldiev K. Sh., Soltobaev O. A.** Predmety vooruzheniya iz pogrebenii Tsentral'nogo Tyan'-Shanya (I polovina II tysyacheletiya n. e.) [Armaments from Burials of the Central Tien Shan (first half of the 2nd millennium AD)]. In: Voennoe delo i srednevekovaya arkheologiya Tsentral'noi Azii [Military Affair and Medieval Archaeology of Central Asia]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1995, p. 108–124. (in Russ.)
- Tashbaeva K. I.** Kul'tura rannikh kochevnikov Tyan'-Shanya i Alaya (I tys. do n. e.) [The Culture of Early Nomads of the Tien-Shan and Alay (I millennium BC)]. Bishkek, Ilim Publ., 2011, 274 p. (in Russ.)
- Valikhanov Ch. Ch.** Dnevnik poezdki na Issyk-Kul' 1856 g. [Journal of a Trip to Lake Issyk-Kul in 1856]. In: Valikhanov Ch. Ch. Sobranie sochinenii [Collected Works]. In 5 vols. Alma-Ata, 1984, vol. 1, p. 306–357. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.01.2020

Сведения об авторах

Худяков Юлий Сергеевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
khudjakov@mail.ru
ORCID 0000-0002-4741-9971

Борисенко Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
aborisenko2@mail.ru
ORCID 000-0001-9668-5678

Солтобаев Орозбек Азекевич, кандидат исторических наук, преподаватель Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына (ул. Фрунзе, 547, Бишкек, 720033, Республика Кыргызстан)
uspechoroz@gmail.com

Information about the Authors

Yuliy S. Khudyakov, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Professor at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
khudjakov@mail.ru
ORCID 0000-0002-4741-9971

Alisa Yu. Borisenko, Ph.D, Senior Researcher at the Laboratory of Humanities at the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
aborisenko2@mail.ru
ORCID 0000-0001-9558-5678

Orozbek A. Soltobaev, PhD, Kyrgyz National University (547 Frunze Str., Bishkek, 720033, Kyrgyzstan)
uspechoroz@gmail.com

УДК 902/904
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-58-69

Ленточные свайно-столбчатые фундаменты башен в городах и острогах Сибири

С. В. Горохов

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Статья посвящена выявлению всех известных башен сибирских острогов, стоявших на ленточном свайно-столбчатом фундаменте, определению существенных элементов их конструкции и выяснению функционального назначения таких фундаментов. Установлено, что все эти объекты располагались на склоне или вблизи него, имели размеры существенно меньше средних размеров башен сибирских острогов. Глубина канавок фундаментов и толщина бревен были одинаковыми и соответствовали таким же параметрам тыновых стен. Функциональное назначение башен состояло в том, чтобы снизить нагрузку на неустойчивые грунты на склонах и вблизи них за счет малых размеров построек и исключить неравномерное проседание их оснований, поскольку при малой протяженности периметра башни это грозило формированием сильного крена, угрожающего падением или нарушением конструктивной целостности сооружения.

Ключевые слова

Тобольск, Мангазея, Умревинский острог, Удинский острог, Сосновский острог, Красноярский острог, Бергам I, ленточный свайно-столбчатый фундамент

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00150

Для цитирования

Горохов С. В. Ленточные свайно-столбчатые фундаменты башен в городах и острогах Сибири // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 58–69. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-58-69

Continuous Pile and Column Foundations of Towers in Siberian Towns and Ostrogs

S. V. Gorokhov

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. In the course of archaeological research of Russian ostrogs (wooden fortresses) in Siberia, which belong to the end of the 16th – the first half of the 18th centuries, researchers come across remains of defensive fortifications, interpretation of which is rather complicated. Such remains include traces of continuous pile and column foundations of ostrog towers. The objective of this article is to identify all known structures of this type, determine essential elements of their construction and discover the functional purpose of such a foundation.

Results. In the course of archaeological research, four towers with continuous pile and column foundation were discovered, namely, a south-western tower of Umrevinskii Ostrog, one of Tobolsk towers, a south-eastern tower and a north-western tower of Udinskii Ostrog. Information on discovery of towers with such a foundation in Mangazeya was not confirmed. The existence of such a foundation under the western tower of the Sosnovskii Ostrog remains dis-

© С. В. Горохов, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography

putable. One of such towers preserved its original foundation in the town of Bel'sk (Irkutsk region) till 1987. Three towers with continuous pile and column foundations were discovered in Krasnoyarskii Ostrog in written sources.

Conclusion. It is determined that all towers were located on the slope or next to it, their dimensions were considerably smaller than average ones, while their depth and thickness of logs were equal and met the same parameters of the lath fence walls. Such towers were intended first for reducing a load on unstable grounds on the slopes and next to them at the expense of small sizes of towers and secondly for preventing uneven subsidence of the tower bases, which due to a small perimeter thereof can result in a considerable lurch and subsequent collapse or damage of the structural integrity of the building.

Keywords

Tobolsk, Mangazeya, Umrevinskii Ostrog, Udinskii Ostrog, Sosnovskii Ostrog, Krasnoyarskii Ostrog, Bergamak I, continuous pile and column foundation

Acknowledgements

The reported study was funded by RFDR, project number 18-09-00150

For citation

Gorokhov S. V. Continuous Pile and Column Foundations of Towers in Siberian Towns and Ostrogs. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 58–69. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-58-69

Введение

За последние 50 лет накоплен обширный материал по археологии острогов периода русского освоения Сибири и Дальнего Востока (конец XVI – середина XVIII в.). Одним из важнейших элементов системы их оборонительных сооружений, наряду со стенами, рвами и валами, являлись башни. К настоящему моменту археологически изучено несколько десятков таких сооружений. В силу характера строительного материала – дерева, сохранность остатков башен оставляет желать лучшего. Наиболее полно сохранялись фундаменты, нижние венцы башен и полы первого этажа. Обычно они оказывались погребенными под слоем продуктов жизнедеятельности городского населения [Васильевский и др., 1978. С. 224; Татауров, 2011; Артемьев, 1999. С. 278. Рис. 60; Белов, Овсянников, 1972. С. 217; Кимеев, 2018. С. 27; Скобелев, 2013. С. 227–231]. Более редким случаем является фиксация в культурном слое остатков конструкции второго этажа башни и кровли, которые обвалились при разрушении сооружения [Молодин, 1980. С. 137].

Среди изученных башен присутствует несколько строений, выделяющихся конструкцией фундамента. Это так называемый ленточный свайно-столбчатый фундамент (ЛССФ). Цель данной статьи – выяснение функционального назначения таких фундаментов. Для ее достижения решаются следующие задачи: формирование максимально полного корпуса данных по башням на ЛССФ; выделение значимых характеристик такого рода фундаментов; выявление конструктивных преимуществ башен на ЛССФ по сравнению с постройками на иных видах фундаментов или вообще без них.

Результаты исследований и обсуждение

Одна из таких башен обнаружена в ходе изучения юго-западного угла деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога в 2002 г. Здесь под дерновой поверхностью зафиксировано суглинистое пятно желтого цвета подпрямоугольной формы (3,2 × 3,4 м), оказавшееся подсыпкой под юго-западной башней. Расчистка основания фундамента башни позволила выявить верхний край деревянных конструкций из полубревен, установленных в канавку подпрямоугольной формы размером 3,2 × 3,5 м в плане и шириной самой канавки от 0,3 до 0,42 м, вырытую в материковом грунте. Глубина ее на различных участках варьировалась: у стороны, обращенной к берегу, – до 0,8 м, с внутренней стороны острожных укреплений – 0,5 м. Деревянное основание фундамента в канавке представлено полубревнами (сваями), установленными округлой стороной к внешней стенке канавки. Длина плоских сторон этих деталей деревянной конструкции составляла до 0,2 м, длина самих полубревен –

от 0,5 до 0,78 м. Сваи – их использовано около 50, устанавливались в канавку с последующей утрамбовкой глинистым грунтом. Сваи южной и восточной сторон установлены вплотную к внешней стенке канавки и утрамбованы изнутри фундамента. Сваи северной и восточной сторон, напротив, прижаты к внутренней стенке канавки, а утрамбованы с внешней стороны.

Обсуждение

Известно, что деревянные столбы, установленные в грунт без специальной обработки, подвержены интенсивному гниению, что приводит к отделению наземной части столба от подземной. При этом гниение наиболее интенсивно происходит на отрезке столба, который находится на глубине 0–5 см. Вероятно, глинистая подсыпка под юго-западной башней Умревинского острога, кроме прочего, выполняла функцию изоляции участка столба на границе грунта и атмосферы от воздействия влаги и доступа кислорода, что должно было замедлить процессы гниения дерева и продлить срок службы фундамента башни [Горохов, Бородовский, 2017]. Традиция возведения деревянных построек на ЛССФ сохранилась в окрестностях Умревинского острога до XX в. Так, в татарском с. Юрт-Акбалык Колыванского района Новосибирской области А. П. Бородовским зафиксирована хозяйственная постройка на ЛССФ (рис. 1) [Бородовский, Горохов, 2009. С. 161. Рис. 28].

Рис. 1. Хозяйственная постройка на ЛССФ в с. Юрт-Акбалык Колыванского района Новосибирской области (фото А. П. Бородовского)

Fig. 1. A household building on the continuous pile and column foundation in the town of Yurt-Akbalyk, Kolyvan' district, Novosibirsk region (photo by A. P. Borodovski)

В 2009 г. в ходе раскопок на мысу Чукман в Тобольске обнаружены остатки ЛССФ башни. Фундамент представлял собой канавку П-образной формы размерами $2,3 \times 3,4$ м. Ширина самой канавки 0,6–0,95 м, глубина 0,5–0,75 м. В канавке обнаружены остатки деревянных столбов диаметром 0,15–0,25 м. Руководители раскопок интерпретировали эти остатки как фундамент небольшой башни, которая была пристроена к уже существующей линии тына. Необходимость возведения башни на ЛССФ, по их мнению, вызвана потребностью в выравнивании площадки под башней и укреплении основания вблизи склона Чукманского мыса. Так, если бы башня строилась прежде тына или одновременно с ним, то канавка фундамента башни должна была фиксироваться по обе стороны от канавки тына [Матвеев и др., 2012. С. 183, 184. Рис. 3]. Однако в этом нет необходимости. Если от ряда столбов в канавке фундамента, расположенных параллельно склону мыса, отложить в сторону тыновой стены расстояние, равное длине ряда столбов фундамента, параллельного склону мыса, то оно укажет нам на ту стенку канавки тына, которая более удалена от склона Чукманского мыса. Таким образом, для того чтобы получить подквадратный фундамент для башни, не было необходимости устраивать канавку ЛССФ по обе стороны от канавки тына. В этом случае вполне возможна ситуация, когда в уже существующую тыновую стену была встроена башня на ЛССФ путем разбора части тыновой стены и использования ее тыновой канавки для устройства одной из сторон ЛССФ башни. Возможно, фрагмент тыновой стены был спилен или вырублен на определенной высоте от земли. Тем самым могла быть образована одна из сторон ЛССФ без проведения земляных работ, что сокращало время и усилия, необходимые для устройства фундамента.

В 1988 г. Л. В. Лбова провела рекогносцировочные раскопки Удинского острога, где в шурфе 3 зафиксированы остатки деревянных оборонительных сооружений. Здесь на глубине 0,65 м выявлены вертикально установленные ошкуренные бревна диаметром 0,13–0,3 м, конец которых находился на глубине 1–1,1 м. Нижняя часть бревен заострена под углом 40–50°. В плане деревянного сооружения фиксировался угол, укрепленный крупными камнями. На нем прослеживались остатки деревянного настила. Столбы «перекрыты слоем светло-желтого песка мощностью 0,2–0,25 м, то есть отделены стерильной прослойкой от поверхности столбов» [Лбова, 1995. С. 105]. Смысл последней фразы, которую мы привели дословно, не вполне ясен, однако для нас важен тот факт, что деревянные столбы в верхней своей части были присыпаны светло-желтым песком. Л. В. Лбова интерпретировала остатки деревянных конструкций в шурфе 3 как угол тыновой стены острога [Там же. С. 100, 105. Рис. 19]. Однако небольшая площадь шурфа, наличие угла, остатки деревянного настила и слой светло-желтого песка позволяют высказать гипотезу, что это остатки ЛССФ одной из башен острога.

Наша гипотеза получила косвенное подтверждение после того, как в 2016 г. были опубликованы результаты новых раскопок Удинского острога. Исследования проводились на северном участке западной стены. Выявлены тарасные ячейки и остатки северо-западной башни. В двух смежных секциях тарасов зафиксированы остатки свай, образующие в плане вид буквы «П». Отсутствующая сторона четырехугольника осталась за пределами раскопа. Северо-западный угол этой конструкции, выходящий к склону оврага, был укреплен крупными камнями. Авторы публикации затруднились как-либо интерпретировать выявленный объект, но высказали предположение, что это остатки частокола [Базаров и др., 2016. С. 79, 80. Рис. 5, 5, 6]. Мы же полагаем, что это остатки ЛССФ северо-западной башни Удинского острога, сооруженного перед возведением тарасных стен. В этом случае к башне на ЛССФ должна примыкать канавка тына, которая, вероятно, была выявлена при раскопках, но не нашла отражения в публикации. Наличие на северо-западном углу Удинского острога башни на ЛССФ позволяет рассматривать гипотезу о фиксации Л. В. Лбовой в 1988 г. в шурфе 3 остатков юго-восточной башни острога на ЛССФ в приоритетном порядке.

Летом 1946 г. В. Н. Чернецов осмотрел остатки укреплений Мангазеи. Он зафиксировал, что основание Давыдовской башни на берегу р. Таз покоилось на ряде свай из бревен лист-

венницы диаметром 0,25–0,3 м, верхушки которых были отчетливо заметны по внутренней стороне стены. Сходные размеры и очертания имела Зубцовская башня, также стоявшая над Тазом. Успенская башня отличалась от них лишь менее значительным холмом, но ряд свай выступал весьма отчетливо. При этом, по свидетельству В. Н. Чернецова, Давыдовская башня находилась с внутренней стороны крепостных стен [Чернецов, 1947. С. 160, 161. Рис. 49].

Н. П. Крадин, сославшись на результаты работ М. И. Белова и О. В. Овсянникова, считал, что В. Н. Чернецов ошибочно принял остатки острожной стены за свайный фундамент [Крадин, 1978. С. 222]. Однако к моменту начала работы комплексной экспедиции под руководством М. И. Белова в 1968 г. Давыдовская и Рубцовская башни, а также участок крепостной стены между ними уже не существовали, так как обрушились в р. Таз в результате подмыва берега [Белов, Овсянников, 1972. С. 215, 218. Рис. 1]. При этом Н. П. Крадин ссылается на то место в статье М. И. Белова и О. В. Овсянникова, где говорится об исследовании оборонительной стены рядом с воеводским двором. Там действительно внешняя часть оборонительной стены представлена тыном, вплотную к которому пристроены городни¹. К тому же В. Н. Чернецов наблюдал ряд бревен с внутренней стороны оборонительной стены, так как Давыдовская башня стояла именно с внутренней стороны стены. Таким образом, исследования оборонительной стены напротив воеводского двора не опровергают выводы В. Н. Чернецова о наличии ЛССФ у Давыдовской и Зубцовской башен в Мангазее.

Северо-восточная Успенская напольная наугольная башня в Мангазее сохранилась и была исследована в 1968–1969 гг. (раскопы № 4 и 16). С запада и юга к ней примыкали тарасы. Внутренний угол, образованный башней и тарасами, продублирован тыновой стеной, которая отстояла от внутренней линии тарасов на 1–3 м. При этом линия тына от угла прослежена в западном направлении на расстоянии 5 м, в южном – 9 м (раскоп № 4). На расстоянии 2–2,5 м от угла тына в юго-западном направлении располагалась отдельно стоящая постройка размерами 5 × 5 м. Следов того, что здесь могла размещаться башня, не обнаружено (раскоп № 16) [Белов, Овсянников, 1972. С. 218. Рис. 1; Белов и др., 1980. С. 83, 84, 132, приложение III, VII]. Если предположить, что обнаруженные остатки тына в действительности являлись остатками башни на ЛССФ, то в этом случае одна из сторон башни должна была иметь длину не менее 9 м, что представляется чрезмерным. Полностью исключить, что башни могли покоиться на ЛССФ лишь одной своей стороной, нельзя, так как фундамент башни Бельского острога, речь о котором пойдет ниже, устроен именно так. Руководители раскопок полагали, что внутренний тын закрыл брешь в стене, образовавшуюся после того, как сгорела Успенская башня. По всей видимости, В. Н. Чернецов в 1946 г. наблюдал на поверхности остатки «внутреннего» тына в районе Успенской башни, которые ошибочно принял за фрагмент фундамента башни. Вероятно, аналогичную картину он фиксировал в районе смытых р. Таз Давыдовской и Зубцовской башен. Маловероятно, что эти башни тоже сгорели и, как Успенская, были заменены тыновой стеной. Следовательно, внутренний тын в районе Успенской башни выполнял иную функцию. Соотнесение наблюдений В. Н. Чернецова и материалов раскопок позволяет реконструировать ранее неизвестный прием русского оборонного деревянного зодчества в Сибири, суть которого состоит в том, что угловые башни и примыкающие к ним отрезки стен с внутренней стороны дублировались тыновой стеной, отстоящей от основной линии стен на 1–3 м. Назначение такого конструктивного приема пока остается неясным.

В 1997 г. в результате проведения археологических раскопок на Сосновском остроге (руководители работ В. М. Кимеев и Ю. В. Ширин) была исследована западная башня острога. В раскопе зафиксированы нижние части вертикальных столбов. Исследователи полагали, что эти столбы могли служить в качестве опоры сруба на неровном в рельефе склоне [Кимеев, 2018. С. 27]. К сожалению, автор не сообщил, стояли эти столбы вплотную друг к другу или на некотором расстоянии, а также каковы были параметры ям или канавки, в которых они

¹ Если судить по плану раскопа, представленному на рис. 2 в статье М. И. Белова и О. В. Овсянникова, то следует классифицировать имеющуюся здесь конструкцию как тарасы [Белов, Овсянников, 1972. С. 220. Рис. 2].

размещались. К тому же участок башни подвергался активному антропогенному воздействию, что привело к нарушению культурного слоя и разрушению остатков постройки. Все это не позволяет с уверенностью интерпретировать обнаруженные остатки как ЛССФ.

В 1990-е гг. В. Б. Богомолов при осмотре береговой осыпи р. Тара на северо-западной окраине с. Бергамак Муромцевского района Омской области зафиксировал «около десяти мощных обрубков сосновых или лиственничных бревен диаметром 45–60 см и длиной 80–110 см, поставленных торчком. По нарушениям культурного слоя заметно, что столбы вкапывались вровень с дневной поверхностью. Не исключено, что они могли слегка выступать над землей». В. Б. Богомолов допускал, что это остатки фундамента под углом дома [1999. С. 77, 82]. Интерпретировать зафиксированные остатки как ЛССФ неизвестного строения не представляется возможным, поскольку этот конструктивный элемент сохранился не полностью и не был исследован в ходе раскопок.

Башня Бельского острога (с. Бельск Черемховского района Иркутской области) возведена на ЛССФ в конце XVII или в начале XVIII в. и простояла на таком фундаменте до 1987 г., когда в ходе реставрации ЛССФ был заменен на ленточный бетонный фундамент. Башня расположена на достаточно крутом склоне. Длина бревен нижней части сруба в различных источниках неодинакова: по данным Н. П. Крадина, 4,8 м, по данным А. Я. Ковалева, 4 м. По размерам им соответствует ЛССФ. Диаметр бревен фундамента составлял 0,26–0,42 м. При этом фундамент не четырехугольный – он является основанием лишь одной из стен башни, той, которая обращена к склону [Бычков, 1995. С. 135, 140; Крадин, 1988. Рис. 169, 171; Ковалев, 1975. С. 254]. Фотографии башни, сделанные до ее реставрации и замены фундамента, позволяют уточнить способ устройства ЛССФ в конце XVII – начале XVIII в.

А. Я. Ковалев в связи с описанием фундамента башни Бельского острога указывал на то, что Спасская башня в Илимске также была поставлена на сваях [Ковалев, 1975. С. 255]. Однако нам не удалось найти подтверждений этому в публикациях, посвященных названной башне. Отсутствуют они и в указанной монографии А. Я. Ковалева.

Сведения о существовании башен на ЛССФ сохранились и в письменных источниках. Приведем цитату из работы С. В. Бахрушина, посвященную описанию первых укреплений Красноярского острога: «Над воротами в стене были поставлены две “башни проезжие” <...> кроме того, на стенах имелись “на столбах три башенки рубленые”» [1959. С. 100]. Г. Ф. Быконя интерпретировал эту цитату так: «Башни были срублены из бревен, но венцы их шли не от дневной поверхности, а от верхней части тына, имея своей опорой мощные столбы. Поэтому в донесении Дубенского с кратким описанием острога сказано, что на стенах имелись “на столбах три башенки рубленые”» [Быконя и др., 1990. С. 16, 17]. Нам эта реконструкция представляется неверной. Нет ни письменных, ни археологических свидетельств, что башни в острогах ставились на столбы высотой с тын. Надежность и функциональность такой конструкции существенно уступает традиционным башням. Причина ошибки Г. Ф. Быкони, по всей видимости, заключается в неверном понимании фразы «на стенах имелись», что следует понимать в случае тыновых укреплений как «в стенах имелись». Читателю первоисточника, задавшемуся целью реконструировать оборонительные сооружения по такому описанию, весьма трудно и даже невозможно верно интерпретировать его содержание без знания появившихся позже результатов археологических исследований Умревинского, Тобольского и Удинского острогов, а также не принимая во внимание архитектурные особенности башни Бельского острога. В этом случае перед нами пример того, как данные археологических исследований выступают в роли необходимой основы для верной интерпретации сообщений письменных источников.

Обращает на себя внимание тот факт, что в источнике башни в стенах названы «башенками» в отличие от башен над воротами. Это свидетельствует о том, что башни в стенах имели малые размеры или, по крайней мере, меньшие, чем проезжие башни. Отметим также, что

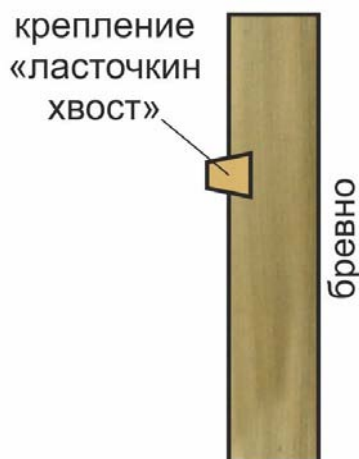

Рис. 2. Способ скрепления бревен «ласточкин хвост»

Fig. 2. A "dovetail" method of fastening logs

проезжие башни не были поставлены «на столбах». Важным элементом являлось скрепление свай-столбов в ряду специальным элементом конструкции, который принято называть «ласточкин хвост» (рис. 2). Этот прием был хорошо знаком строителям острогов, применявшим его для скрепления отдельных тынин в прясло. Бревна фундамента, находившиеся над поверхностью земли, обшивались досками для исключения попадания и накопления под башней атмосферных осадков, которые могли привести к гниению свай. При этом в одной из стен башни, не подпираемой ЛССФ, на уровне фундамента устраивалось отверстие, через которое осуществлялась вентиляция внутреннего пространства фундамента [Крадин, 1988. Рис. 169].

Это важные факты, которые пригодятся нам в дальнейшем.

Заключение

На основе собранных данных можно составить обобщенный образ такого конструктивного элемента некоторых башен сибирских острогов XVII – середины XVIII в., как ЛССФ (см. таблицу). Во-первых, все башни (кроме происходящих из Красноярского острога, о которых у нас нет достаточно полных данных) стоят либо на склоне, либо в нескольких метрах от него. Следовательно, такой конструктивный прием, как установка башен на ЛССФ, применялся для обеспечения их устойчивого положения в условиях неустойчивости грунтов (вблизи склонов или непосредственно на них). Во-вторых, все башни, размеры которых нам известны, отличаются относительно небольшими размерами в плане (от 3×3 до 4×4 или $4,8 \times 4,8$ м). В-третьих, ширина канавок фундаментов ($0,3\text{--}0,95^2$ м) и их глубина ($0,35\text{--}0,8^3$ м) в целом соответствуют параметрам тыновых канавок, устройство которых было хорошо известно строителям острогов (ширина $0,4\text{--}0,6$ м, глубина около $0,7$ м (аршин)). В-четвертых, все башни объединяет единый диаметр свай-столбов, равный $0,13\text{--}0,26$ м, что опять же соответствует диаметру бревен тына сибирских острогов. Из общего ряда выпадают отдельные бревна ЛССФ башни Бельского острога, достигающие в диаметре $0,42$ м, и свай-столбы юго-западной башни Умревинского острога, которые, возможно, были изготовлены из полубревен. В-пятых, вероятно, участки столбов-свай, расположенные на границе грунта и атмосферы, изолировались песком или супесью для предотвращения гниения, как это зафиксировано на Умревинском и Удинском острогах.

Необходимо прояснить связь между относительно малыми размерами башен в плане и наличием ЛССФ. Нам представляется, что такая связь обусловлена двумя факторами:

² Значение ширины канавки фундамента, равное $0,95$ м, зафиксированное на Чукманском мысу в Тобольске, существенно больше средней ширины тыновых канавок сибирских острогов, однако соответствует ширине тыновой канавки, к которой пристроена башня.

³ Большая вариативность значений вызвана тем, что измерения производились от разных уровней: дневной поверхности, погребенной почвы, материковой поверхности.

Основные характеристики фундаментов башен
Main characteristics of the foundations of the towers

Памятник	Название башни	Датировка	Размеры башни, м	Размеры канавки, м		Диаметр бревен, м	Примечания	Ссылка
				ширина	глубина			
Умревинский острог	Юго-западная	1731–1734	3,2 × 3,5	0,3–0,42	0,5–0,8	0,2	Сваи в виде полубревен. Башня находится в существующем углетыновой стены в нескольких метрах от склона надпойменной террасы. Глинистая подсыпка фундамента башни	[Горохов, Бородовский, 2017]
Тобольск (Чукманский мыс)	–	1701–1714	2,3 × 3,4	0,6–0,95	0,5–0,75	0,15–0,25	Башня встроена в существующую тыловую стену, расположена вблизи склона Чукманского мыса	[Матвеев и др., 2012. С. 183, 184, 190]
Удинский острог	Башня 1 (юго-восточная?)	–	–	–	0,35–0,45	0,13–0,3	Башня расположена в нескольких метрах от склона террасы. Ее внешний угол укреплен крупными камнями. Подсыпка из светло-желтого песка	[Лбова, 1995. С. 100, 105. Рис. 19]
Удинский острог	Башня 2 (северо-западная?)	–	3 × 3 (?)	–	–	0,15–0,25	Башня расположена в нескольких метрах от склона оврага. Угол башни, обращенный к склону, укреплен крупными камнями	[Базаров и др., 2016. С. 79, 80, рис. 5, 5, 6]
Башня в с. Бельск (Черемховский район Иркутской области)	–	конец XVII – начало XVIII в.	4,8 × 4,8* 4 × 4**	–	–	0,26–0,42	Башня расположена на склоне	[Бычков, 1995. С. 140; Крадин, 1988; Ковалев, 1975. С. 254]
Красноярский острог	3 башни в стенах	1630-е годы	менее чем 8,5 × 8,5***	–	–	–	–	[Бахрушин, 1959. С. 100]

* По Н. П. Крадину.

** По А. Я. Ковалеву.

*** Указаны размеры проезжих башен, имевших большие размеры, чем башни в стенах. У С. В. Бахрушина написано, что проезжие башни были «по 4 саж. 3 арш.» [1959. С. 100]. Однако 3 аршина – это 1 сажень, и, соответственно, следовало бы написать просто 5 сажень. Вероятно, эти единицы измерения следует читать как 4 сажени трехаршинных, т. е. около 8,5 м.

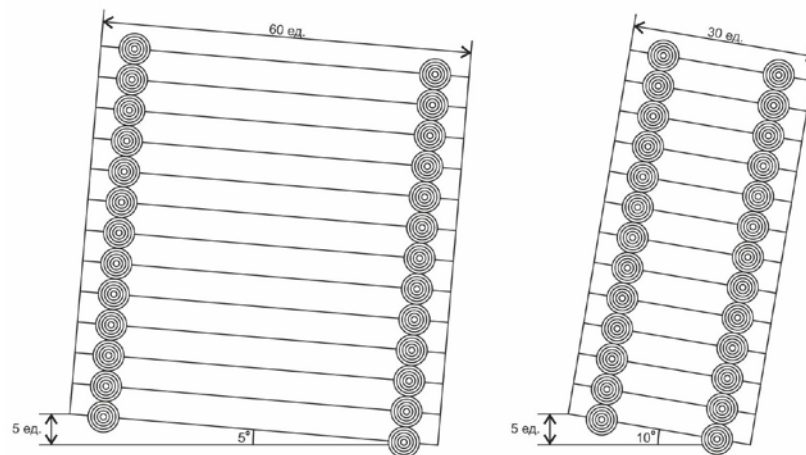

Рис. 3. Величина крена башни при проседании грунта под одной из сторон сруба при разных размерах сруба

Fig. 3. A degree of the tower lurch in case of ground subsidence under one of the sides of the log construction with different dimensions of the building

невозможностью возведения больших массивных башен вблизи склонов, где возможны подвижки грунта, и необходимостью исключить неравномерное проседание основания башен, что при малой протяженности их периметра грозило бы формированием сильного крена, угрожающего падением или нарушением конструктивной целостности сооружения (рис. 3). Заглубление же столбов-свай позволяло достичь более плотных и устойчивых слоев грунта.

Список литературы

- Артемьев А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток: [Б. и.], 1999. 336 с.
- Базаров Б. А., Именохоев Н. В., Мягашев Д. А.** Спасательные раскопки 2016 года на Удинском острове // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2016. № 1. С. 75–84.
- Бахрушин С. В.** Научные труды. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 4: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. 264 с.
- Белов М. И., Овсянников О. В.** Раскопки Мангазеи (некоторые итоги исследования 1968–1969 гг.) // СА. 1972. № 1. С. 215–232.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.** Мангазея. Мангазейский морской ход. Л.: Гидрометеиздат, 1980. 164 с.
- Богомолов В. Б.** Домашние занятия русского населения XVII – первой половины XIX в. (по материалам поселения Бергамак I) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: Наука, 1999. Т. 4. С. 76–117.
- Бородовский А. П., Горохов С. В.** Умревинский острог. Археологические исследования 2002–2009 гг. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. 244 с.
- Быконя Г. Ф., Федорова В. И., Бердников Л. П.** Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX века). Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1990. 304 с.
- Бычков О. В.** Бельская башня: к истории создания дозорного форпоста на русско-китайской границе // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток: [Б. и.], 1995. С. 135–153.
- Васильевский Р. С., Молодин В. И., Седакина Е. Ф.** Исследования Илимского острога // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука, 1978. С. 215–232.

- Горохов С. В., Бородовский А. П.** Юго-западная угловая башня Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 324–329.
- Кимеев В. М.** Сибирские остроги Притомья. Кемерово: Техно-Принт, 2018. 155 с.
- Ковалев А. Я.** Ангарский каскад. М.: Стройиздат, 1975. 325 с.
- Крадин Н. П.** К вопросу о реконструкции города Мангазеи // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 1978. С. 212–235.
- Крадин Н. П.** Русское деревянное оборонное зодчество. М.: Искусство, 1988. 142 с.
- Лбова Л. В.** Археологическая разведка Удинского острога в 1988 году // Тиваненко А. В. Удинский острог: первое столетие Улан-Удэ. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 98–107.
- Матвеев А. В., Аношко О. М., Клименко А. И.** Остатки старинных тобольских укреплений на мысу Чукман // Ab Origine. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. Вып. 4. С. 176–191.
- Молодин В. И.** Археологическая разведка по реке Казым // Историко-архитектурный музей под открытым небом. Новосибирск: Наука, 1980. С. 127–140.
- Скобелев С. Г.** Башни Саянского острога (по данным археологии) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 3: Археология и этнография. С. 225–234.
- Татауров С. Ф.** Город Тара – с чистого листа // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Изд-во Ом. ин-та (филиала) РГТЭУ, 2011. С. 242–250.
- Тиваненко А. В.** Удинский острог: первое столетие Улан-Удэ. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 121 с.
- Чернецов В. Н.** О работах Мангазейской экспедиции // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 21. С. 159–162.

References

- Artemiev A. R.** Goroda i ostrogi Zaba'kalya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. [Towns and Ostrogs of Transbaikalia and the Amur Region in the Second Half of the 17th – 18th Centuries]. Vladivostok, 1999, 336 p. (in Russ.)
- Bakhrushin S. V.** Nauchnye trudy [Scientific Works]. Moscow, AS USSR Publ., 1959, vol. 4: Essays on the History of the Krasnoyarsk County in the 17th Century. Siberia and Central Asia in the 16th – 17th Centuries, 264 p. (in Russ.)
- Bazarov B. A., Imenokhoev N. V., Miyagashev D. A.** Spasatel'nye raskopki 2016 goda na Udinskoy ostroge [Rescue Excavations in 2016 on Udinskii Ostrog]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* [Scientific Review of Sayano-Altai], 2016, no. 1, p. 75–84. (in Russ.)
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V.** Raskopki Mangazei (nekotorye itogi issledovaniya 1968–1969 gg.) [Excavations of Mangazeya (some results of research in 1968–1969)]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], 1972, no. 1, p. 215–232. (in Russ.)
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F.** Mangazeya. Mangazeiskii morskoi khod [Mangazeya. Mangazeya Sea Course]. Leningrad, Gidrometeoizdat Publ., 1980, 164 p. (in Russ.)
- Bogomolov V. B.** Domashnie zanyatiya russkogo naseleniya XVII – pervoi poloviny XIX v. po materialam poseleniya Bergamak I [Household Chores of the Russian Population in the 17th – First Half of the 19th Century (based on the materials of the Bergamak I settlement)]. In: *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы: Problemy kul'tury i sotsiuma* [Ethnographic and Archaeological complexes: Problems of Culture and Society]. Novosibirsk, Nauka, 1999, vol. 4, p. 76–117. (in Russ.)
- Borodovskiy A. P., Gorokhov S. V.** Umrevinskii ostrog. Arkheologicheskie issledovaniya 2002–2009 gg. [Umrevinskii Ostrog. Archaeological Research 2002–2009]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2009, 244 p. (in Russ.)
- Bychkov O. V.** Bel'skaya bashnya: k istorii sozdaniya dozornogo forposta na russko-kitaiskoi granitse [Belskaya Tower: on the History of Creating a Lookout Post on the Russian-Chinese Border]. In: *Russkie pervopokhodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (istoriko-*

- arkheologicheskie issledovaniya) [Russian Pioneers in the Far East in the 17th – 19th Centuries. (historical and archaeological research)]. Vladivostok, 1995, p. 135–153. (in Russ.)
- Bykonya G. F., Fedorova V. I., Berdnikov L. P.** Krasnoyarsk v dorevolutsionnom proshlom (XVII–XIX veka) [The Town of Krasnoyarsk in the Pre-revolutionary Past (17th – 19th Centuries)]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Uni. Publ., 1990, 304 p. (in Russ.)
- Chernetsov V. N.** O rabotakh Mangazeiskoi ekspeditsii [On the works of the Mangazeya expedition]. In: Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii material'noi kul'tury [Brief Notes on the Reports and Field Studies of the Institute for the History of Material Culture]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1947, vol. 21, p. 159–162. (in Russ.)
- Gorokhov S. V., Borodovskiy A. P.** Yugo-zapadnaya uglovaya bashnya Umrevinskogo ostroga [The Southwestern Corner Tower at Umrevinskii Ostrog]. In: Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk, Nauka, 2017, p. 324–329. (in Russ.)
- Kimeev V. M.** Sibirskie Ostrogi Pritom'ya [Siberian Ostrogs in the Tom River Region]. Kemerovo, Tekhno-Print, 2018, 155 p. (in Russ.)
- Kovalev A. Ya.** Angarskii kaskad [Angarsk Cascade]. Moscow, Stroyizdat Publ., 1975. 325 p. (in Russ.)
- Kradin N. P.** K voprosu o rekonstruktsii goroda Mangazei [On Reconstruction of the Town of Mangazeya]. In: Goroda Sibiri (epokha feodalizma i kapitalizma) [Siberian Towns (during feudalism and capitalism)]. Novosibirsk, Nauka, 1978, p. 212–235. (in Russ.)
- Kradin N. P.** Russkoe derevyannoe oboronnoe zodchestvo [Russian wooden defense architecture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. 142 p. (in Russ.)
- Lbova L. V.** Archaeological reconnaissance of Udinskii fortress in 1988. In: Tivanenko A. V. Udinskii ostrog: the first century of Ulan-Ude. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1995, p. 98–107. (in Russ.)
- Matveev A. V., Anoshko O. M., Klimenko A. I.** Ostatki starinnykh tobol'skikh ukreplenii na mysu Chukman [Remains of Ancient Tobol'sk Fortifications at Cape Chukman]. In: Ab Origine. Tyumen, Tyumen State Uni. Publ., 2012, iss. 4, p. 176–191. (in Russ.)
- Molodin V. I.** Arkheologicheskaya razvedka po reke Kazym [Archaeological Exploration along the Kazym River]. In: Istoriko-arkhitekturnyi muzei pod otkrytym nebom [The Historical and Architectural Open-air Museum]. Novosibirsk, Nauka, 1980, p. 127–140. (in Russ.)
- Skobelev S. G.** Towers of the Sayanskii Ostrog (according to archaeological data). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 225–234. (in Russ.)
- Tataurov S. F.** Gorod Tara – s chistogo lista [The Town of Tara from scratch]. In: Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh [Russian culture in archaeological research]. Omsk, Omsk Institute (Branch) RSTEU Publ., 2011, p. 242–250. (in Russ.)
- Tivanenko A. V.** Udinskii ostrog: pervoe stoletie Ulan-Ude [Udinskii Ostrog: the first century in Ulan-Ude]. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1995, 121 p. (in Russ.)
- Vasilievskiy R. S., Molodin V. I., Sedyakina E. F.** Issledovaniya Ilimskogo ostroga [Research on Ilimsk ostrog]. In: Drevnie kul'tury Priangar'ya [Ancient Cultures of the Angara River Region]. Novosibirsk, Nauka, 1978, p. 215–232. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

14.02.2020

Сведения об авторе

Горохов Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090,
Россия)
gorokhov.sv@gmail.com
ORCID 0000-0002-8100-5924

Information about the Author

Sergey V. Gorokhov, PhD in History, junior researcher at the Novosibirsk State University
(1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
gorokhov.sv@gmail.com
ORCID 0000-0002-8100-5924

УДК 903.22
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-70-86

Ручное огнестрельное оружие русских воинов в Сибири конца XVI – XVII века (по археологическим материалам города Тобольска)

А. А. Адамов¹, И. В. Балюнов²

¹ *Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
Тобольск, Россия*

² *Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник
Тобольск, Россия*

Аннотация

При раскопках в исторической части города Тобольска получена представительная коллекция находок, на основе которой можно охарактеризовать огнестрельное ручное оружие конца XVI – XVII в. Самыми массовыми находками являются шаровидные свинцовые пули. При исследовании был произведен учет их весо-размерных характеристик, выделены дополнительные признаки, которые характеризуют некоторые особенности отливки, последующей обработки и следы, появившиеся после отстрела. Детали ружейных замков представлены винтами от ударных механизмов, кремнями и свинцовой прокладкой. Отдельной категорией находок являются наконечники шомполов, которые, с использованием сравнительного материала, можно разделить на несколько типов и групп. Анализ археологических находок из Тобольска показывает тенденцию постепенного выхода из употребления фитильных ружей, сменявшихся оружием с ударно-кремневым замком. При этом как легкие карабины и пистолеты, так и крупнокалиберные мушкеты и крепостные ружья, имели ограниченное распространение, а ведущую роль играли ручные пищали калибром 12–13 мм.

Ключевые слова

Тобольск, XVI–XVII вв., археология, оружиеведение, оружие, пищаля, пуля, кремль, шомпол

Для цитирования

Адамов А. А., Балюнов И. В. Ручное огнестрельное оружие русских воинов в Сибири конца XVI – XVII века (по археологическим материалам города Тобольска) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 70–86. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-70-86

Hand-Held Firearms of Russian Warriors in Siberia at the End of the 16th – 17th Centuries (According to Tobolsk Archaeological Materials)

A. A. Adamov¹, I. V. Balyunov²

¹ *Tobolsk Complex Scientific Station UB RAS
Tobolsk, Russian Federation*

² *Tobolsk Historical and Architectural Museum Reserve
Tobolsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. Scientific knowledge about the military arsenal of Russian pioneers in Siberia is not complete. The archaeological materials of the town of Tobolsk allow us to enrich and specify available data on the armament of serving people.

© А. А. Адамов, И. В. Балюнов, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography

Results. The study of firearms at the end of the 16th – 17th centuries has been based on an integrated approach using both written sources and archaeological materials. When analyzing findings, we widely use statistical calculation, classification and a comparative historical method. Our analysis of the bullets found on the territory of the town of Tobolsk shows that at the end of the 16th – 17th centuries one of mold features is a spherical lead projectile cast. However, there are bullets that are not fully cast. The lead funnel after casting is not always cut off from the bullet or is not completely cut off at all. On several findings, incisions were made that allowed to seriously wound the enemy, similar to the use of the lead funnel. Bullets were rarely made in a mechanical way, without casting. Among findings there are details of gun locks represented by screws from the percussion mechanism, flints and lead gasket. A separate category of findings are ramrod tips.

Conclusion. In Tobolsk at the end of the 16th – 17th centuries, wick guns gradually went out of use and were replaced by weapons with shock-flint locks. At the same time, both light carbines and pistols, and large-caliber muskets and fortress rifles had a limited distribution, and the most significant was the *pishchal'* rifle. Tobolsk citizens tended to buy multipurpose weapons that could be used both for fighting and hunting, and those which were reasonably priced.

Keywords

Tobolsk, 16th – 17th centuries, archaeology, weapon studies, weapons, *pishchal'*, bullet, flint, ramrod

For citation

Adamov A. A., Balyunov I. V. Hand-Held Firearms of Russian Warriors in Siberia at the End of the 16th – 17th Centuries (According to Tobolsk Archaeological Materials). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 70–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-70-86

Введение

Ручное огнестрельное оружие служилых людей в Сибири XVI–XVII вв. не раз рассматривалось в научной литературе. При этом четко обозначилась тенденция использования комплексного подхода, когда происходит сопоставление письменных и археологических источников. Так, ряд ценных сведений о ремеслах и торговле в Западной Сибири в XVII в., где оружие считалось именно товаром, можно найти в монографии О. Н. Вилкова [1967] и работах других историков. Военное дело и оружие служилых людей достаточно полно представлены в публикациях материалов археологических раскопок, проводившихся на территории Сибири и Дальнего Востока, а также на Аляске (см. [Косинский, 1951; Белов и др., 1981; Пархимович, 1986; Артемьев, 1999; Визгалов, Пархимович, 2008; Багрин, 2013; Кардаш, Визгалов, 2015; Двуреченский, 2015; Татауров, Фаистов, 2017; Зыков и др., 2017] и др.). Дополнительно следует указать, что изучение этой темы невозможно без привлечения сравнительных материалов из археологических памятников европейской части страны [Розенфельд, 1958; Свешников, 1992; Векслер, Двуреченский, 2000; Меньшиков и др., 2011; Салмин, 2011; Гоняный и др., 2011; Двуреченский, 2018].

Особо можно отметить работу О. В. Двуреченского, в которой автор постарался обобщить весь доступный ему археологический материал о боеприпасах ручного огнестрельного оружия Московской Руси XV–XVIII вв. [2005]. В то же время знания о военном арсенале русских первопроходцев Сибири остаются далеко не полными. Археологический материал г. Тобольска позволяет обогатить и конкретизировать имеющиеся данные об их вооружении. При обращении к коллекции появляется возможность не только описать и классифицировать отдельные элементы снаряжения, но и на основе проделанной работы представить, каким именно был комплекс огнестрельного оружия в Западной Сибири. Целью настоящей работы является характеристика огнестрельного оружия русских воинов в Западной Сибири. Она будет создаваться на основе решения ряда задач, связанных с анализом археологического материала из г. Тобольска с привлечением сведений других видов источников.

Результаты исследований и обсуждение

Необходимо подчеркнуть, что огнестрельным оружием русские гарнизоны в Сибири в основном снабжались путем поставок из Москвы. Правительство отправляло крупные партии ружей в Тобольск, откуда они рассылались на места [Багрин, 2013. С. 84]. Очевидно, что крупный военный арсенал как хранился в казне, так и находился на руках у населения

(в XVII в. это в основном служилые люди), что находит подтверждение в том числе и в археологических материалах [Балюнов, 2015]. Раскопки на территории кремля и посада Тобольска дали представительную коллекцию находок (пули, пищальные кремни, наконечники шомполов и пр.) (рис. 1, 2), на основе которой можно охарактеризовать особенности огнестрельного ручного оружия конца XVI – XVII в.

Самыми массовыми такими находками являются пули (см. рис. 1, 1–24).

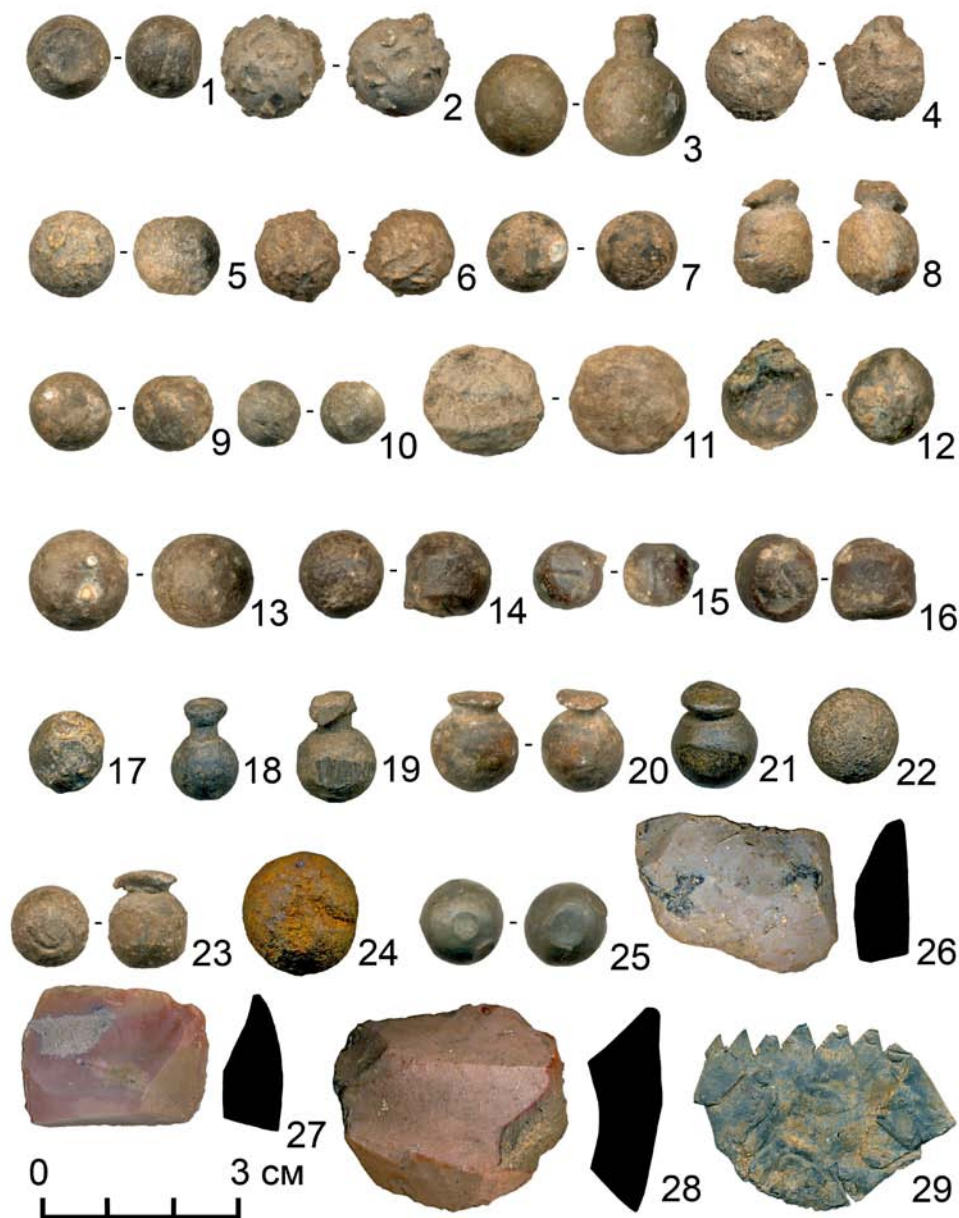

Рис. 1 (фото). Пули (1–24), шрапнель (25), пищальные кремни (26–28) и свинцовая прокладка (29):
1–24, 26–29 – г. Тобольск; 25 – городище Тобол-Тура-1
(1–23, 25, 29 – свинец; 24 – железо; 26–28 – камень)

Fig. 1 (photo). Bullets (1–24), shrapnel (25), rifle flints (26–28), lead gasket (29):
1–24, 26–29 – Tobolsk; 25 – hillfort Tobol-Tyra-1
(1–23, 25, 29 – lead; 24 – iron; 26–28 – stone)

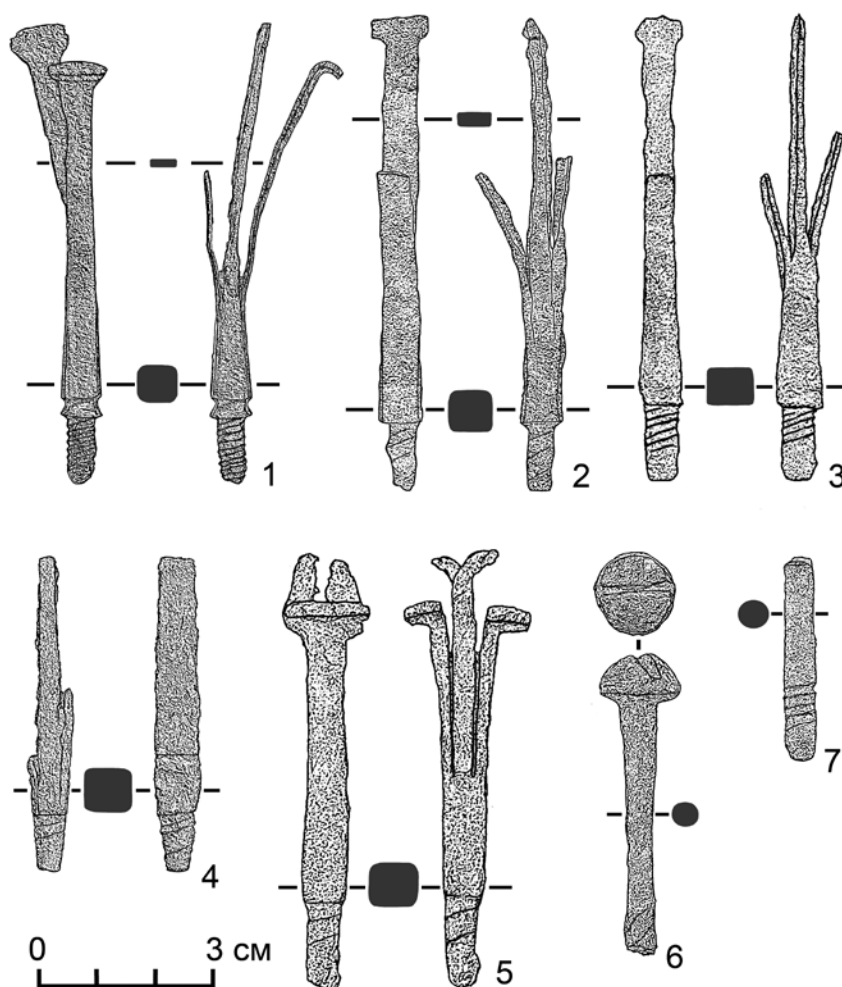

Рис. 2 (прорисовка). Шомполы и винты от ружейного замка.
1–4 – наконечники шомполов группы 1; 5 – наконечник шомпола группы 2; 6–7 – винты
(1–7 – железо)

Fig. 2 (drawing). Ramrod and screws from the rifle lock:
1–4 – group 1 ramrod tips; 5 – group 2 ramrod tips; 6–7 – screws
(1–7 – iron)

При обработке подобного археологического материала необходимо учесть типологические схемы, разработанные другими авторами. Так, М. Ф. Косинский при определении находок с о. Фаддея выделил пули; отлитые при помощи пулелейки; «секанцы» цилиндрической формы (изготовленные резкой в «холодном» виде); «секанцы» грубосферической формы, которая приобреталась путем катания между твердыми поверхностями [1951. С. 95]. По мнению О. В. Двуреченского, для XVI–XVII вв. выделяются три группы пуль, поскольку существовало три способа их изготовления: метод литья расплавленного металла в форму-пулелейку; литье со значительной высоты в воду или масло; обкатывание холодных свинцовых заготовок на твердой поверхности [2005. С. 264–270].

На наш взгляд, разделение материала по М. Ф. Косинскому на три группы не оправданно, так как вторая и третья группы пуль изготавливаются одним способом – механическим, отличаясь только степенью дальнейшей обработки. Предложенная О. В. Двуреченским схема,

основанная на трех способах изготовления пуль, известных и применяемых до последнего времени, более естественна.

Но и предложение О. В. Двуреченского имеет слабые места. Прежде всего это касается группы 2 – литья с высоты. Методом литья через сито или небольшое отверстие в воду делают дробь в домашних условиях и современные охотники. Но дробь при этом получается разного размера и не имеет форму шара. Поэтому ее в дальнейшем просеивают через разного размера сита и механическим путем, чаще всего между двух железных дисков, добиваются получения правильной шаровидной формы. Даже дробь заводского производства порой далека от шаровидной формы и требует механической доработки. Пули и даже картечь и теперь отливают в пулелейках. Служилые люди в XVI–XVII вв., применявшие огнестрельное оружие, не могли использовать метод литья с высоты в жидкость для массового изготовления весьма крупных боеприпасов – им нужны были пули строго индивидуального размера.

Еще один существенный недостаток в выделении группы 2 по О. В. Двуреченскому – это не разработанность критериев, которые определяли бы отличие пули, изготовленной таким образом. В своей работе автор приводил один признак – наличие на пулях раковин, которые образовывались, по его мнению, когда разогретый шарик падал в жидкость с небольшой высоты и под действием пара приобретал раковины [2005. С. 269]. По приведенному им рисунку пуль [Там же. Рис. 3] сложно судить о характере раковин. Однако по пулям сургутских казаков не только выделены две их группы, но и даны фотографии, по которым видно, что это не изъяны, полученные от соприкосновения расплавленного металла с жидкостью, а преднамеренно нанесенные на готовые пули насечки [Двуреченский, 2015. Рис. 4, 1–3; Кардаш, Визгалов, 2015. Рис. 2.4.7, 60–64], не имеющие отношения к способу изготовления пуль.

Трудно выделить критерии и для определения пуль, изготовленных механическим способом. Свинец достаточно мягкий металл, поэтому возможно изготовление шаров из нарубленных заготовок путем их круговых вращений между двух твердых поверхностей. Конечно, когда встречаются необработанные цилиндры, нарубленные из специально отлитых круглых палочек, особых сомнений такие определения не вызывают. Но относить их к пулям XVI–XVII вв. нельзя. Скорее всего, это заготовки для дальнейшей отливки пуль. Понятно, что заготовки будут храниться вместе с боезапасом, что и показывает проведенный М. Ф. Косинским анализ находок на о. Фаддея [1951. С. 95]. Такие грубые заготовки («секанцы») не использовали казаки при штурме городка Монкысь Урий (Частухинский Урий) в начале зимы 1619–1620 гг. [Двуреченский, 2015. С. 48]. Среди пуль, относимых к группе 3 (снарядов, изготовленных без изменения температурного режима свинца), О. В. Двуреченский выделил 11 (5,5 %) пуль шаровидной формы со следами обкатки [Там же]. На их фотографическом снимке видно, что это снаряды округлой формы, имеющие уплощенные поверхности с хорошо обкатанными гранями [Там же. Рис. 4, 4–6]. Получение подобной формы пуль возможно, когда из заготовки с помощью молотка отковывался граненый шарик, который в дальнейшем быстро окатывался с помощью двух очень твердых поверхностей. Мягкий свинец стирался на гранях, при этом пуля неизбежно теряла вес и становилась меньше в диаметре. Чем качественнее была откована заготовка, тем быстрее получался шарик. Наличие неправильной формы шарика с заглаженными гранями свидетельствует о том, что оббитую со всех сторон заготовку не очень качественно обкатали круговыми движениями.

Точность попадания пули в цель зависит прежде всего от ее аэродинамических свойств. Пуля и даже дробь должны иметь идеальную форму шара, иначе неизбежно их рассеивание уже на небольшой дистанции. Поэтому не понятно, почему нужно было прикладывать большие усилия (при этом основное время затрачивалось на получение из заготовки методомковки округлого шарика), получая снаряды невысокого качества, когда, имея пулелейку, в течение нескольких минут у небольшого костра можно было отлить пулю шаровидной формы.

В культурном слое Тобольска найдено 24 пули конца XVI – XVII в. (см. таблицу; рис. 1, 1–24). Они подразделяются на железные (1 экз.) и свинцовые (23 экз.). Известны две находки каменных шариков диаметром около 2,5 см, которые, скорее всего, являлись снарядами для артиллерийских орудий (картечь?).

Основные параметры и варианты признаков на свинцовых пулях г. Тобольска
(номер соответствует номеру на рис. 1)
Key parameters and options for peculiar properties on lead bullets of Tobolsk
(number corresponds to the number in fig. 1)

№	Размеры, мм	Вес, г	Варианты признаков									
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	12,74 × 12,67 × 11,22	11,50	+	+				+				
2	15,54 × 14,30 × 15,05	20,15	+					+	+			
3	15,56 × 14,41 × 15,98–22,53	22,21	+		+			+				
4	13,06 × 14,41 × 15,54	16,81	+			+			+			
5	13,13 × 13,42 × 12,45	12,67	+	+								
6	12,47 × 13,10 × 13,42	12,52	+						+			
7	12,56 × 12,31 × 10,98	10,78	+	+				+		+	+	
8	12,08 × 12,75 × 13,34–16,46	13,90	+		+			+				
9	12,76 × 12,21 × 11,58	10,67	+	+								
10	9,51 × 10,12 × 9,53	5,51	+	+				+				
11	16,76 × 18,62 × 7,97	12,84								+	+	
12	14,85 × 13,57 × 14,82–16,41	16,52	+			+		+				
13	15,50 × 15,44 × 14,57	20,82	+	+				+				
14	13,08 × 13,24 × 13,58–15,05	14,28	+						+	+	+	
15	10,65 × 10,79 × 9,72	6,96	+				+	+				
16	12,16 × 13,48 × 12,10	12,84										
17	11 × 12	8,69	+	+					+			
18	11 × 15	8,17	+		+							+
19	12 × 17	12,83	+		+					+	+	
20	13 × 14 × 15,5	13,96	+		+			+				
21	13 × 16	15,63	+		+					+		
22	14	16,61	+									
23	12,13 × 12,17 × 15,14	13,22	+		+					+		

Железная пуля представляет собой шарик диаметром 18 мм, весом 22,63 г (см. рис. 1, 24). Ее можно отнести к снарядам для мушкетов или крепостных ружей (затинная пищаль). Редкость находок таких пуль в Тобольске объясняется, с одной стороны, небольшим количеством крупнокалиберных мушкетов и затинных пищалей, стоящих на вооружении местного гарнизона, с другой – тем, что изготовление железных пуль достаточно трудоемкое дело, и применялись они за счет своей большей твердости, скорее всего, для поражения противника за легкими укреплениями. Так, 15 подобных пуль было обнаружено при исследованиях на городке Монкысь Урий [Кардаш, Визгалов, 2015. С. 404]. Их размеры – 16–18 мм, вес до 22 г [Двуреченский, 2015. С. 49].

Свинцовые пули разделяются на две группы: отлитые в форме и изготовленные холодным способом.

Группа 1 включает в себя 21 пулю (см. рис. 1, 1–10, 12–15, 17–23). По способу производства изделия уверенно определяются как шаровидные, отлитые в форме (группа 1 по О. В. Двуреченскому).

Для пуль можно выделить дополнительные признаки (варианты), которые характеризуют некоторые особенности их отливки, последующей обработки, следы, появившиеся после отстрела (см. таблицу):

- шаровидные;
- с небольшой площадкой от усадки свинца (в форму заливали чуть меньше свинца, чем нужно для идеальной формы, отчего и образовывалась площадка);
- с неубранным литником;
- с убранным не до конца литником;
- со срезанным литником;
- со швом от створок пулелейки;
- с нанесенными насечками «покусами»;
- стреляная пуля со следами пояса от трения об ствол;
- пули, деформированные после отстрела;
- пули с вложением.

Пули, бракованные при отливке (с кавернами), серьезно недолитые или разрубленные, отсутствуют.

Этот список, составленный на основе материала, включающего только находки из г. Тобольска, не исчерпывает всех возможных признаков.

Следы обжима (круглые вдавления) представляют собой еще один интересный элемент, выделяемый О. В. Двуреченским на основе материалов из Восточной Европы [2005. С. 266]. Появление таких вмятин в форме сегмента на пуле объясняется автором способами хранения и транспортировки больших объемов пуль, которые неизбежно давили друг на друга, оставляя характерные следы [Там же. С. 266]; позже было добавлена версия о возможном обжиге специальным инструментом [Гоняный и др., 2011. С. 42; Двуреченский, 2015. С. 46].

Однако появление таких следов объясняется довольно просто в исследованиях по криминалистике. Это не пули, а картечь, которая хорошо определяется по наличию контактных пятен, образуемых при давлении взаимодействующих друг с другом картечин многоэлементного снаряда в патроне и канале ствола при выстреле [Голенев, Бахтадзе, 2012. С. 125]. Наши сборы на двух археологических памятниках подтверждают такое определение. Осенью 2017 г. на небольшом участке берега р. Иртыш под городищем Искер были собраны 6 картечин (крупных дроби) диаметром около 8,5 мм. На всех выявлены такие сегментовидные вдавления. Отличная сохранность картечи свидетельствовала, что выстрел был произведен незадолго до наших сборов. Чуть ранее на распаханной части городища Тобол-Тура-1 нами была найдена шрапнель времен Гражданской войны. О бое, произошедшем в 1919 г. у с. Тобол-Тура (Тобольский район Тюменской области), свидетельствовали неоднократно найденные здесь неразорвавшиеся шрапнельные снаряды, взрыватели, фрагменты разорвавшихся снарядов. Из 8-ми обнаруженных картечин наименее поврежденные экземпляры имели размеры 13,02 × 12,94 × 11,68; 13,08 × 12,90 × 12,81; 13,05 × 12,93 × 12,90 мм, т. е. чуть менее 13 мм в диаметре, и весили от 10,10 до 11,27 г. На всех прослеживались четкие следы взаимного давления в виде сегментов (см. рис. 1, 25). При этом по форме и размерам картечь вполне сопоставима со свинцовыми пулями XVI–XVII вв., хотя и несколько отличается от последних своей правильной шаровидной формой и хорошей сохранностью, отсутствием следов литейных швов.

Из сказанного, можно сделать вывод, что свинцовые боеприпасы с сегментными вдавлениями являются картечью или шрапнелью, а не пулями, и могут датироваться даже XX в. Именно шрапнелью 1919 г., судя по опубликованной фотографии, являются обнаруженные боеприпасы в ходе археологических исследований на Карачинском острове [Матвеева, Нагибин, 2014. Рис. 5].

Рассмотрим признаки, выявленные на пулях, обнаруженных в г. Тобольске (см. таблицу).

Форма 21-й пули – шаровидная (вариант 1), одна пуля настолько деформирована (см. рис. 1, 11), что невозможно судить о ее форме. При этом только одной пуле (см. рис. 1, 22) была придана идеальная форма, когда путем доработки все вторичные признаки были убраны. Небольшая площадка от усадки свинца (вогнутой формы) прослеживается на 7-ми пулях (вариант 2), что свидетельствует об их производстве путем расплавления в небольшом тигле точно отмеренной дозы свинца (см. рис. 1, 1, 5, 7, 9, 10, 13, 17). Имеющиеся находки каменных пулелеек [Зыков и др., 2017. Рис. 55, 3] или железных щипцов [Двуреченский, 2018. Рис. 14, 91, 92, 95, 6] свидетельствуют, что сразу отливалась только одна пуля, и рассчитать, сколько нужно было залить в форму расплавленного свинца, практически невозможно, – обязательно образовывался бы существенный недолив или литник. Поэтому и находят необработанные заготовки среди свинцового наряда (группа 2 по М. Ф. Косинскому).

О том, что необработанные свинцовые цилиндрики использовались как заготовки для переплавки, свидетельствуют материалы археологических исследований с поля боя 1651 г. под Берестечко. Здесь достаточно частой находкой в казацких сумках являются рубленные невысокие цилиндрики, но они не были выявлены в заряженных стволах, нет их в лядунках, в подготовленных для выстрела бумажных пакетиках с порохом и пулей [Свешников, 1992. С. 257], т. е. это еще не пули, а заготовки для них.

Надо заметить, что в XVI – начале XVII в. в основном использовались шаровидные пули без литников. Так, среди пуль казаков Ермака (1582–1585 гг.), обнаруженных на Искере, их нет совсем [Адамов, 2015. Рис. 3,8; Зыков и др., 2017. Рис. 92, 4–30]. Найдены только 2 пули с литниками, которые были использованы казаками при штурме городка Монкысь Урий [Кардаш, Визгалов, 2015. Рис. 2.4.7, 54; 2.4.8, 5].

Но в нашей коллекции имеются 7 пуль (см., например, рис. 1, 3, 8, 18–21, 23) с неубранными литниками (вариант 3), причем их, вероятно, оставляли намеренно, так как тремя пулями были произведены выстрелы. По подсчетам О. В. Двуреченского, среди пуль первой группы Московской Руси они составляют 42 % [2005. С. 266]. Исследователь предположил, что литник специально оставлялся как некий хвост-стабилизатор, уменьшающий случайное вращение снаряда в полете. Однако заметного практического значения, по его мнению, подобная практика не имела, поскольку наличие такого стабилизатора существенно не изменяло точность попадания и дальность полета пули при стрельбе [Там же. С. 273]. Тем не менее о том, что литник стабилизировал полет пули, напрямую свидетельствуют результаты попаданий таких пуль в твердую поверхность. Так на обратной стороне деформированной пули из Монкысь Урия хорошо читается округлое окончание литника [Кардаш, Визгалов, 2015. Рис. 2.4.8, 5]. Несколько расплюснутых пуль с такими же признаками, датированные в пределах XVII в., были выявлены по сборам¹ в центральной районе Винницкой области на Украине. Очевидно, что пули стабильно попадали в цель округлой частью, противоположной литнику, а значит, они не вращались беспорядочно. Однако без проведения экспериментальных стрельб трудно сказать что-либо о дальности их полета и точности попадания; очевидно лишь, что пули с массивным литником наносили более тяжелые повреждения при попадании в противника.

На двух наших экземплярах (см. рис. 1, 4, 12) прослеживаются не до конца убранные литники (вариант 4), оставленные, очевидно с той же целью, что и специально нанесенные насечки (вариант 7) (см. рис. 1, 2, 4, 6, 14, 17). В одном случае (см. рис. 1, 15) видны следы полного срезания литника (вариант 5), а в 10-ти (см. рис. 1, 1–3, 7, 8, 10, 12, 13, 15, 20) – следы от створок пулелейки (вариант 6).

На поверхности 5-ти пуль прослеживаются насечки-«покусы» (вариант 7). Понятно, что такие изделия теряли аэродинамические свойства, дальность стрельбы и точность выстрела уменьшались. Но, вероятно, на небольшой дистанции (50–75 м) это не имело большого зна-

¹ <https://swordmaster.org/forum/cat-Orujieauksionyichastnyiekollektssiiskateli/topic-28-page-3.html> (дата обращения 08.02.2019).

чения, а за счет выступающих неровностей такие пули наносили более серьезные раны. Предположение о том, что при попадании в цель насечки могли провоцировать разрыв массивной круглой пули [Гоняный и др., 2011. С. 43], весьма сомнительно, так как в нашей коллекции есть пуля с насечками, которую не разорвало при выстреле (рис. 1, 14). Это объясняется невысокой скоростью полета пищальных и мушкетных пуль и тем, что разрывные пули имеют специальную конструкцию, облегчающую их деформацию при попадании в цель.

Еще один признак (вариант 8), выявленный на 6-ти артефактах (рис. 1, 7, 11, 14, 19, 21, 23), свидетельствует о том, что ими был произведен выстрел. В литературе пояска вокруг пули характеризуется как следы опиловки [Гоняный и др., 2011. С. 43]. Предложена гипотеза о том, что такие следы «...могут быть объяснены двумя причинами: либо стрелок, преднамеренно воздействуя напильником, уменьшал диаметр пули, подгоняя ее под калибр ствола, либо такие следы оставляли стенки ствола, о которые терлись пули как при загоне пули в ствол, так и при выстреле» [Там же]. В литературе по криминалистике пояска на стреляных пулях получили однозначную интерпретацию: «...на пулях неориентирующегося типа, следы (при их определенной соразмерности с диаметром канала ствола) представляют собой равномерные по высоте кольцевые пояска по всей окружности корпуса, по которым и определяют диаметр канала ствола» [Голенев, Бахтадзе, 2012. С. 128–129]. В нашей коллекции имеются как экземпляры с полным пояском вокруг пули (см. рис. 1, 23), так и с частичным следом (см. рис. 1, 7, 11, 14, 19, 21). Частичный след остается на пуле, которая несколько меньше диаметра ствола. Так, на 5-ти из 6-ти современных картечин, обнаруженных на Искере в 2017 г., имеется небольшой, но четкий овальный выпуклый след с перпендикулярными нарезками от трения о ствол.

На 4-х пулях с поясками (см. рис. 1, 7, 11, 14, 19) прослеживаются и явные следы деформации при попадании в цель (вариант 9). Имеются примеры полной деформации пули при попадании в достаточно твердую поверхность (см. рис. 1, 11) и следы частичного воздействия (см. рис. 1, 7, 14, 19).

Еще один признак (вариант 10), свидетельствующий об экономии свинца, – пули с вложением. Чаще всего такие пули выделяются, когда камень прилегает к створке формы, и после заливки свинца его становится видно. Изученный экземпляр (см. рис. 1, 18) явных признаков наличия посторонних предметов, по плотности более легких, чем свинец, не имеет. Но в коллекции встречена такая же по диаметру пуля округлой формы (см. рис. 1, 17), которая даже чуть недолита (весит 8,67 г), а точно такого же диаметра пуля № 18 с большим литником имеет вес всего 8,17 г (см. таблицу). Понятно, что внутри нее находится предмет (камень?), по плотности меньший, чем свинец. Еще одним доказательством такого предположения служат археологические находки из слоя Тобольского кремля – скопления артиллерийской картечи; в разломах некоторых снарядов видно, что под свинцовой оболочкой находится либо галька, либо известь.

Группа 2 представлена цилиндрической, в разрезе овальной формы, пулей (см. рис. 1, 16), изготовленной механическим способом (группа 3 по О. В. Двуреченскому). Один ее конец округлый, другой – плоский. На изделии прослеживаются следы механического воздействия. Возможно, его вырезали из свинцового стержня и подработали проковкой, слегка затем обкатав.

Анализ всей коллекции пуль, обнаруженных в Тобольске, показывает, что для конца XVI – XVII в. были характерны шаровидные снаряды, отлитые в пулелейках. Использовались они как немного недолитые, так и с откушенным литником – всего 12 экз., с неубранными или частично откушенными литниками – всего 9 экз. На 5-ти пулях были нанесены насечки, которые, как и литники, позволяли причинить противнику серьезный вред. Исключением было изготовление снарядов холодным способом. Для экономии свинца в пулелейку до заливки иногда вкладывали небольшой камешек.

По размерным характеристикам выделены три группы: 4 пули диаметром 10–11 мм и весом 5,51–8,69 г; 12 пуль диаметром 12–13 мм и весом 10,67–15,63 г (полностью деформиро-

ванная пуля № 11 отнесена к данному калибру по весу); 6 пуль диаметром 14–15 мм и весом 16,52–22,21 г. Понятно, что предельные весовые характеристики некоторых пуль завышены за счет массивных литников.

По имеющимся у нас материалам вес полной цельнолитой свинцовой пули диаметром 11 мм должен составлять около 9 г, 12 мм – около 11 г, 13 мм – около 13 г, 14 мм – около 17 г, 15 мм – около 21 г.

Как показывают находки литых пуль, наиболее распространенными были пули калибром 12–13 мм; в небольшом количестве имелось вооружение, к которому подходили пули калибром 10–11 мм, и не так много огнестрельного оружия, к которому подходили пули калибром 14–15 мм. В целом пули такого же калибра, как и в Тобольске, были наиболее распространенными в Московской Руси в конце XV – начале XVIII в. [Двуреченский, 2015. Табл. 1, 2]. Так, в Можайске большая часть найденных пуль имела диаметр 11–13 мм [Меньшиков и др., 2011. Табл. 1]. На о. Фаддея (начало XVII в.) большинство пуль были диаметром 10–12 мм [Косинский, 1951. С. 95]. В старых дореволюционных сборах с городища Искер, хранящихся в Тобольском музее-заповеднике, пули имеют диаметр 10–14 мм [Зыков и др., 2017. С. 192]. Авторы, опубликовавшие материалы раскопок г. Тары, не указали, какое соотношение имеют снаряды разного диаметра; по общим данным, их размеры колеблются в пределах 6–18 мм, а вес составляет 2–24 г [Татауров, Фаистов, 2017. С. 398]. Основная часть снарядов, обнаруженных на городище Монкысь Урий, имеет диаметр 11–14 мм [Двуреченский, 2015. Табл. 1], находки из коллекций Лозвинского городка – 10–13 мм [Пархимович, 1986. С. 140], Мангазеи – 9–13 мм [Визгалов, Пархимович, 2008. Рис. 90, 13, 14].

Эти параметры соответствуют калибру русских ружей XVI–XVII вв., хранящихся в собраниях европейских музеев или известных по находкам, сделанным в культурном слое г. Москвы [Векслер, Двуреченский, 2000. С. 171–173] и Тушинского лагеря [Двуреченский, 2018. С. 17], Пскова [Салмин, 2011. С. 31]. Фрагмент ствола пищали, найденный в Мангазее, также имеет внутренний диаметр 15 мм [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 66]. В фондах Тобольского музея-заповедника хранятся пять ручных пищалей, которые по ряду характерных признаков (форма приклада и ложа, конструкция ударно-кремневого замка) датируются XVII в. Диаметр внутреннего канала ствола данных экземпляров составляет 11–15 мм.

Необходимо добавить, что, согласно классификации О. В. Двуреченского, пули, имеющие диаметр в пределах 10–14 мм, определяются как обычные боеприпасы к самому распространенному типу вооружения – пищалям. Снаряды большего калибра, по его мнению, являются боеприпасами к затинным пищалям или крупнокалиберным мушкетам. Однако подобное распределение имеет достаточно условный характер, что хорошо видно в сводной таблице, показывающей тактико-технические характеристики образцов ручного огнестрельного оружия XVI–XVII вв., составленной Л. К. Маковской [1992. Табл. 1]. Например, пуля диаметром около 15 мм может служить снарядом как для пистолы и ручной пищали, так и для крепостного ружья.

Такие важные предметы из числа принадлежностей огнестрельного оружия, как наконечники шомполов, представлены 5 находками. Один экземпляр заметно отличается своей конструкцией, поэтому целесообразно эти предметы разделить на две группы. Находки представляют собой прямоугольные в сечении стержни, на одном конце которых находятся по три пластины, на другом – винтовые черешки.

Общая длина целых предметов группы 1 составляет около 8 см (см. рис. 2, 1–4). Рабочая часть образована тремя тонкими гибкими пластинами длиной 4,5 см. Расстояние между крайними из них в верхней части составляет не более 3 см. У одного из найденных экземпляров пластины почти полностью обломаны (см. рис. 2, 4). У образцов, поддающихся реконструкции, пластины имеют окончания в виде прямоугольных лопаточек. У крайних пластин эти лопаточки отогнуты под прямым углом наружу. Наконечники крепились к древку шомпола с помощью винтового черешка длиной около 1 см и диаметром около 0,5 см.

Наконечник, отнесенный к группе 2, имеет длину 7,6 см (см. рис. 2, 5). Пластины в его рабочей части разной длины: крайние около 3 см, центральная 4 см. Пластины также отличаются и по форме. У крайних имеются полукруглые завершения, расположенные под прямым углом к основной части. Центральная пластина имеет раздвоенное расширение в верхней части, концы которого заострены и округло изогнуты в разные стороны. Длина винтового черешка оставляет 1,5 см при диаметре около 0,5 см.

Главной особенностью предмета группы 2 является наличие в его центральной части двух округло изогнутых остроконечников. Этот элемент служил для выкрутки пули из канала ствола, например, в случае, когда заряд был испорчен. Л. П. Сабанеев привел такое описание: «Самую слабую часть шомпола составляет обыкновенно его тонкий конец, на котором укрепляется разрядник, делаемый или в форме двухвостого штопора, или в форме шурупа...» [1904. С. 718].

Боковые пластины имели другое функциональное предназначение – очевидно, они были нужны для чистки и смазывания ствола. В работе Л. П. Сабанеева процесс заряжения дульнозарядного ружья описывается несколькими операциями. Сначала необходимо отмерить и всыпать порох. Затем «смазать ствол, – так как при малом калибре ствол сильно грязнится, пуля не входит в нарезы и выстрел теряет всякую верность. Смазка (хлюст) делается из четырехугольного кусочка толстого, но старого и мягкого холста, намачиваемого в растопленном сале, конопляном, но всего лучше в деревянном или костяном масле. Всыпав порох, накладывают смазку на дуло и потихоньку вдавливают ее в ствол концом железного (редко деревянного) шомпола, слегка расплющенного (или зазубренного), чтобы образовать закраину, которую и захватывает смазка при обратном движении шомпола. Прогнавши смазки до пороха, канал протирают несколько раз». После этого вгоняется пуля, и «ствол еще раз протирается смазкой» [Там же. С. 700].

В известных публикациях впервые наконечники шомполов описал и определил на основании европейских аналогов Р. Л. Розенфельд [1958], который ввел в научный оборот 3 таких предмета, найденных на территории Тушинского лагеря (начало XVII в.). Позднее стали известны находки с других памятников. В Москве аналогичный предмет относится к слою XVI–XVII вв. [Рабинович, 1971. С. 44. Рис. 6, 3], в Мангазее – к XVII в. [Белов и др., 1981. С. 79. Табл. 69, 4], в Албазинском остроге – ко второй половине XVII в. [Артемьев, 1999. Рис. 87, 14]. Три подобных наконечника шомполов были найдены при раскопках в Можайске, где, по мнению авторов, основная часть предметов вооружения относится к Смутному времени [Меньшиков и др., 2011. С. 229]. На рисунках тобольского художника и краеведа XIX в. М. С. Знаменского, где он изобразил свои находки с Искера, присутствуют, кроме прочего, два наконечника шомполов с тремя пластинами и втульчатым черешком [Зыков и др., 2017. Рис. 13]. Втульчатые шомполы с двумя пластинами, датирующиеся XVII в., представлены среди находок из Берестечко [Свешников, 1992. Рис. 64, 4, 7; 65, 8, 13].

Тобольские находки и опубликованные материалы других памятников позволяют создать общую классификацию наконечников шомполов XVI–XVII вв. По способу насада такие предметы можно разделить на два отдела – черешковые и втульчатые.

Втульчатые наконечники представлены двумя типами: с двумя (это характерно для находок из раскопок Берестечко) и тремя пластинами (предметы такого облика присутствуют на рисунках из альбома М. С. Знаменского среди вещей, найденных на Искере).

Для черешковых наконечников достоверно можно выделить два типа – с тремя пластинами и разрядником.

Важной составной частью комплекса огнестрельного оружия были пищальные кремни. В Тобольске они представлены как целыми экземплярами, так и обломками. Их размеры и формы различны. Как следует из исследования ружейных кремней из раскопок Казани XVII–XVIII вв., в условиях дефицита качественного камня наблюдалась крайняя степень утилизации (сработанности) изделий, отчего мог происходить отход от стандартных форм и размеров [Галимова и др., 2014. С. 273]. Тобольск не имел источников этого сырья и своего

производства, поэтому данные обстоятельства заставляют достаточно осторожно подходить к определению археологических находок. Из трех десятков кремней только 7 учтены нами как «эталонные» образцы. Целые предметы представляют собой уплощенные ретушированные и оббитые камни розоватого и серого цветов подовальной или подпрямоугольной формы размерами 32–33 × 18–31 × 6–8 мм (см. рис. 1, 26–28).

Свинцовая прокладка, служившая для фиксации пищального кремня между губами замка, обнаружена в одном экземпляре. Представляет собой тонкую сильно помятую пластину размером 2,9 × 4 см. Имеет форму, близкую к полуовальной, с зубцами по прямому краю (см. рис. 1, 29). Единичность таких находок можно объяснить тем, что более широкое применение имели кожаные прокладки, и тем, что подобные изделия из свинца в случае износа, как правило, не выбрасывались, а отправлялись в переплавку.

Винты от ударного механизма представлены двумя экземплярами. Один имеет полусферическую головку диаметром 1,4 см с прорезью для отвертки (см. рис. 2, 6). Общая длина изделия 5,1 см, но нижняя часть, где находилась винтовая нарезка, практически полностью обломана – очевидно, винт имел большую длину. Диаметр стержня 0,5 см. У другого винта головка отломана, предмет представлен стержнем длиной 3,5 см, диаметром 0,5 см с винтовой нарезкой в нижней части (см. рис. 2, 7). Аналогичные предметы известны по раскопкам в Мангазее [Визгалов, Пархимович, 2008. С. 65. Рис. 90, 1–3].

Существовавший боезапас могут охарактеризовать находки, сделанные при раскопках порохового погреба XVII в., где были обнаружены пуля с литником (см. рис. 1, 20), торговые свинцовые пломбы и множество выплесков свинца. Пломбы, очевидно попавшие в Сибирь с товаром, хранились как лом и использовались в последующем для отливки снарядов. Впрочем, в Тобольск ввозились как уже готовые пули, так и материал, шедший на их изготовление [Вилков, 1967. С. 92, 95]. Следует отметить, что за Урал шли поставки не только готового оружия, но и его деталей; в частности, согласно сведениям, собранным О. Н. Вилковым, на тобольский рынок поступали стволы и замки пищальные [Там же. С. 89], и, следовательно, в городе существовали умельцы, занимавшиеся ремонтом ружей. В большом количестве ввозились кремни пищальные и самопальные, натруски, сера, порох и пр., но при этом порох производился и в самом Тобольске [Там же. С. 95, 109, 120].

Несколько конкретизировать военный арсенал Тобольска можно по данным Списка 1633 г., согласно которому в казне хранилось 16 пищалей затинных, к ним 1373 ядра железных, 96 пищалей ручных целых, 14 пищалей ломаных и разорванных [Тобольск..., 1885. С. 29]. Любопытные сведения содержатся в Сметном списке 1678 г., где в остатках значатся: 45 стволов пищальных и мушкетных горелых, 23 ствола карабинных горелых; 518 стволов пистольных горелых, 464 замка пищальных и карабинных и мушкетных жагр [Там же. С. 33]. Эти данные, подкрепленные археологическими источниками, указывают на то, что в городе были представлены все известные тогда образцы ручного огнестрельного оружия: мушкет, пищаль, пищаль винтовальная, пищаль затинная, карабин, пистолет и др.

Заключение

Анализ археологического материала позволяет говорить о том, что наиболее широкое распространение в Тобольске в XVII в. имел такой вид огнестрельного оружия, как пищаль с калибром ствола в 10–15 мм и ударно-кремневым замком. Для обороны города использовались стволы крупного калибра – мушкеты или пищали затинные. Пистолеты и карабины малого калибра (менее 1 см) не имели существенного распространения. Хорошо прослеживается тенденция постепенного выхода из употребления фитильных ружей, сменявшихся более современным оружием – с ударно-кремневыми замками. Очевидно, что жители Тобольска стремились по возможности приобретать универсальное оружие, доступное по цене и сочетающее в себе возможности боевого и промыслового использования.

Список литературы

- Адамов А. А.** Археологические исследования на Кучумовом городище (Искере) в 2014 году // Поволжская Археология. 2015. № 4 (14). С. 291–300.
- Артемов А. Р.** Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII в. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 1999. 336 с.
- Багрин Е. А.** Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История, 2013. 288 с.
- Балюнов И. В.** Предметы вооружения из культурного слоя города Тобольска // Миллеровские чтения: финно-угорский мир в Древности, в Средневековье и в настоящее время. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. С. 10–14.
- Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.** Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М.: Наука, 1981. 147 с.
- Векслер А. Г., Двуреченский О. В.** Комплекс вещей из сооружения первой половины XVII века на Китайгородском подворье Троицко-Сергиева монастыря // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М.: Изд-во ИА РАН, 2000. Ч. 3. С. 166–181.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.** Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Вилков О. Н.** Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.
- Галимова М. Ш., Ситдилов А. Г., Хабаров В. В.** Оружейные и кресальные кремни из раскопок Казани: экспериментально-трассологическое исследование // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 256–276.
- Голенев В. С., Бахтадзе Г. Э.** Криминалистическое исследование пуль гладкоствольного оружия, их комплектующих элементов и компонентов снаряжения // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. 2012. № 3 (21). С. 124–131.
- Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В.** Комплекс вооружения и снаряжения коня и всадника из казачьих слобод Елифанского уезда // Военная археология. 2011. Вып. 2. С. 32–57.
- Двуреченский О. В.** Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII века // Археология Подмосковья. М.: Изд-во ИА РАН, 2005. Т. 2. С. 264–296.
- Двуреченский О. В.** Боеприпасы и огнестрельное оружие городка Монкысь Урий (городища Частухинский Урий) по результатам археологических исследований 1990, 2011–2013 годов // Кардаш О. В., Визгалов Г. П. Городок Монкысь Урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования). Екатеринбург: Караван, 2015. Т. 2: Источники и специальные исследования. С. 45–55.
- Двуреченский О. В.** Тушинский лагерь (Публикация коллекции В. А. Политковского из собрания ГИМ). М.: Изд-во ИА РАН, 2018. 196 с.
- Зыков А. П., Косинцев П. А., Трепавлов В. В.** Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука; Вост. лит., 2017. 559 с.
- Кардаш О. В., Визгалов Г. П.** Городок Монкысь Урий: к истории населения Большого Югана в XVI–XVII веках (по результатам комплексного археологического исследования). Екатеринбург: Караван, 2015. Т. 1: Археологические исследования. 448 с.
- Косинский М. Ф.** Оружие и огнестрельные припасы // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М., Л.: Изд-во Главсевморпути, 1951. С. 93–96.
- Матвеева Н. П., Нагибин Г. Ф.** Работы по обнаружению поля битвы Ермака с татарской дружиной на Карачином острове // Присоединение Сибири к России: новые данные. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2014. С. 29–33.

- Маковская Л. К.** Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV – XVIII в. М.: Воениздат, 1992. 223 с.
- Меньшиков М. Ю., Янишевский Б. Е., Балашов А. О.** Предметы вооружения из раскопок в Можайске 2005–2008 гг. // Военная археология. 2011. Вып. 2. С. 221–239.
- Пархимович С. Г.** Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы урало-сибирской археологии. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1986. С. 138–143.
- Рабинович М. Г.** Культурный слой центральных районов Москвы // Древности Московского Кремля. Материалы и исследования по археологии СССР. Материалы и исследования по археологии Москвы. 1971. Т. 4, № 167. С. 9–110.
- Розенфельд Р. Л.** Русский ружейный прибор начала XVII в. // КСИА, 1958. Вып. 72. С. 93–95.
- Сабанеев Л. П.** Охотничий календарь. Справочная книга для ружейных и псовых охотников. М.: Изд. А. А. Карцева, Типо-литография Русского тов-ва печатного и издательского дела, 1904. 862 с.
- Салмин С. А.** Огнестрельное оружие из Петровских раскопов 1980–2009 гг. // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.: Изд-во ИА РАН, 2011. С. 28–34.
- Татауров С. Ф., Фаистов Т. Н.** Коллекция пуль XVII века в городе Таре // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 398–401.
- Тобольск: материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М: Тип. М. Г. Волчанинова, 1885. 163 с.
- Свєшніков І. К.** Битва під Берестечком. Львів: Слово, 1992. 304 с.

References

- Adamov A. A.** Arkheologicheskie issledovaniya na Kuchumovom gorodishche (Iskere) v 2014 godu [Archaeological Research at Kuchumovo Hillfort (Isker) in 2014]. *Povolzhskaya arkheologiya [Volga Region Archaeology]*, 2015, no. 4 (14), p. 291–300. (in Russ.)
- Artemiev A. R.** Goroda i ostrogi Zabaikal'ya i Priamur'ya vo vtoroi polovine XVII – XVIII v. [Towns and Ostrogs of Transbaikalia and the Amur Region in the second half of 17th – 18th Centuries]. Vladivostok, FEB RAS Publ., 1999, 336 p. (in Russ.)
- Bagrin E. A.** Voennoe delo russkikh na vostochnom pogranich'e Rossii v XVII v.: Taktika i vooruzhenie sluzhilykh lyudei v Pribaikal'e, Zabaikal'e i Priamur'e [Russian Military Affairs on the Eastern Border of Russia in the 17th Century: Tactics and Weapons of Serving People in the Baikal Region, Transbaikalia and the Amur Region]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2013, 288 p. (in Russ.)
- Balyunov I. V.** Predmety vooruzheniya iz kul'turnogo sloya goroda Tobol'ska [Weapons from the Cultural Layer of the Town of Tobol'sk]. In: Millerovskie chteniya: finno-ugorskii mir v Drevnosti, v Srednevekov'e i v nastoyashchee vremya [Miller's Readings: the Finno-Ugric World in Antiquity, in the Middle Ages and in the Present]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State Uni. Publ., 2015, p. 10–14. (in Russ.)
- Belov M. I., Ovsyannikov O. V., Starkov V. F.** Mangazeya. Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI–XVII vv. [Mangazeya. Material Culture of Russian Polar Sailors and Explorers of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka, 1981, 147 p. (in Russ.)
- Dvurechenskiy O. V.** Boepripas dlya ruchnogo ognestrel'nogo oruzhiya Moskovskoi Rusi kontsa XV nachala XVIII veka [Ammunition for Hand-Held Firearms of Moscow Russia of the late 15th – early 18th Century]. In: Arkheologiya Podmoskov'ya [Archaeology of the Moscow region]. Moscow, Institute archaeology RAS Publ., 2005, vol. 2, p. 264–296. (in Russ.)
- Dvurechenskiy O. V.** Boepripasy i ognestrel'noe oruzhie gorodka Monkys' Urii (gorodishcha Chastukhinskii Urii) po rezul'tatam arkheologicheskikh issledovaniy 1990, 2011–2013 godov

- [Ammunition and Firearms of the Town of Munkys' Urii (Hillfort Chastukhinskii Urii) according to the Results of Archaeological Research in 1990, 2011–2013]. In: Kardash O. V., Vizgalov G. P. Gorodok Monkys' Urii: k istorii naseleniya Bol'shogo Yugana v XVI–XVII vekakh (po rezul'tatam kompleksnogo arkheologicheskogo issledovaniya) [The Town of Munkys Urii: to the History of the Population of the Bol'shoi Yugan in the 16th – 17th Centuries (according to the Results of a Comprehensive Archaeological Study)]. Ekaterinburg, Karavan Publ., 2015, vol. 2: Sources and special studies, p. 45–55. (in Russ.)
- Dvurechenskiy O. V.** Tushinskii lager' (Publikatsiya kolleksii V. A. Politkovskogo iz sobraniya GIM) [Tushino Camp (from the Collection of V. A. Politkovsky in the GIM)]. Moscow, Institute of Archaeology RAS Publ., 2018, 196 p. (in Russ.)
- Galimova M. Sh., Sitdikov A. G., Khabarov V. V.** Oruzheinye i kresal'nye kremni iz raskopok Kazani: eksperimental'no-trasologicheskoe issledovanie [Flints and Gun Flints from the Excavations in Kazan: Experimental-Traceological Research]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga Region Archaeology], 2014. vol. 3 (9), p. 256–276. (in Russ.)
- Golenev V. S., Bakhtadze G. E.** Kriminalisticheskoe issledovanie pul' gladkostvol'nogo oruzhiya, ikh komplektuyushchikh elementov i komponentov snaryazheniya [Forensic Investigation into Smoothbore Bullets, their Components and Equipment Components]. *Vektor nauki Toliyattinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Vector of Toliatti State University], 2012, no. 3 (21), p. 124–131. (in Russ.)
- Gonyany M. I., Gritsenko V. P., Dvurechenskiy O. V.** Kompleks vooruzheniya i snaryazheniya konya i vsadnika iz kazach'ikh slobod Epifanskogo uyezda [Array of Weapons and Equipment of the Horse and Rider from the Cossack Villages of the Epiphany Uezd]. *Voennaya arkheologiya* [Military Archaeology], 2011, iss. 2, p. 32–57. (in Russ.)
- Kardash O. V., Vizgalov G. P.** Gorodok Monkys' Urii: k istorii naseleniya Bol'shogo Yugana v XVI–XVII vekakh (po rezul'tatam kompleksnogo arkheologicheskogo issledovaniya). [The Town of Munkys' Urii: to the History of the Population of the Big Yugan in the 16th – 17th Centuries (according to the Results of a Comprehensive Archaeological Study)]. Ekaterinburg, Karavan Publ., 2015, vol. 1: Archaeological research, 448 p. (in Russ.)
- Kosinskiy M. F.** Oruzhie i ognestrel'nye pripasy [Weapons and Gun Supplies]. In: Istoricheskii pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya XVII veka [A Historical Site of Russian Arctic Navigation of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, Glavsevmorput' Publ., 1951, p. 93–96. (in Russ.)
- Makovskaya L. K.** Ruchnoe ognestrel'noe oruzhie russkoi armii kontsa XIV–XVIII vv. [Hand-Held Guns of the Russian Army of the end of the 14th – 18th Centuries]. Moscow, Voenizdat Publ., 1992, 223 p. (in Russ.)
- Matveeva N. P., Nagibin G. F.** Raboty po obnaruzheniyu polya bitvy Ermaka s tatarskoi družinoi na Karachinom ostrove [Works on Detecting the Battlefield of Yermak with a Tatar Squad on Karachin Island]. In: Prisoedinenie Sibiri k Rossii: novye dannye [Siberia's Accession to Russia: New Data]. Tumen, Tumen State Uni. Publ., 2014, p. 29–33. (in Russ.)
- Menshikov M. Yu., Yanishevskiy B. E., Balashov A. O.** Predmety vooruzheniya iz raskopok v Mozhaiske 2005–2008 gg. [Items of Armament from the Excavations in Mozhaisk 2005–2008]. *Voennaya arkheologiya* [Military Archaeology], 2011, iss. 2, p. 221–239. (in Russ.)
- Parkhimovich S. G.** Nekotorye itogi izucheniya pamyatnikov russkoi kolonizatsii Vostochnogo Urala i Zapadnoi Sibiri (XVI–XVII vv.) [Some Results of Studying the Objects of the Russian Colonization of the Eastern Urals and Western Siberia (16th – 17th Centuries)]. In: Problemy uralo-sibirskoi arkheologii [Problems of Ural-Siberian Archaeology]. Sverdlovsk, Ural State Uni. Publ., 1986, p. 138–143. (in Russ.)
- Rabinovich M. G.** Kul'turnyi sloi tsentral'nykh raionov Moskvyy [A Cultural Layer of the Central Regions of Moscow]. *Drevnosti Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. Materialy i issledovaniya po arkheologii Moskvyy* [Antiquities of the Moscow

- Kremlin. Materials and Research on the Archaeology of the USSR. Materials and Research on the Archaeology of Moscow*], 1971, vol. 4, no. 167, p. 9–110. (in Russ.)
- Rozenfeld R. L.** Russkii ruzheinyi pribor nachala XVII v. [Russian rifle device beginning of the 17th Century]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkhologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology], 1958, iss. 72, p. 93–95. (in Russ.)
- Sabaneev L. P.** Okhotnichii kalendar'. Spravochnaya kniga dlya ruzheinykh i psovykh okhotnikov [A Hunting Calendar. A Reference Book for Gun and Dog Hunters]. Moscow, Izdanie A. A. Kartseva, Tipo-litografiya Russkogo Tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela Publ., 1904, 862 p. (in Russ.)
- Salmin S. A.** Ognestrel'noe oruzhie iz Petrovskikh raskopov 1980–2009 gg. [Firearms from Peter's excavations 1980–2009]. In: *Arkheologiya i istoriya Pskova i Pskovskoi zemli* [Archaeology and History of Pskov and the Pskov Area]. Moscow, Institute archaeology RAS Publ., 2011, p. 28–34. (in Russ.)
- Sveshnikov I. K.** Bitva pod Berestechkom [Battle of Berestechko]. Lvov, Slovo Publ., 1992, 304 p. (in Ukr.)
- Tataurov S. F., Faistov T. N.** Kolleksiya pul' XVII veka v gorode Tare [A Collection of Bullets of the 17th Century in the City of Tara]. In: *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk, Nauka, 2017, p. 398–401. (in Russ.)
- Tobolsk: materialy dlya istorii goroda XVII i XVIII stoletii [Tobol'sk: Materials for the History of the City in the 17th and 18th Centuries]. Moscow, Tipografiya M. G. Volchaninova Publ., 1885, 163 p. (in Russ.)
- Veksler A. G., Dvurechenskiy O. V.** Kompleks veshchei iz sooruzheniya pervoi poloviny XVII veka na Kitaigorodskom podvor'e Troitsko-Sergieva monastyrya [Array of Artifacts from a Construction of the first half of the 17th Century on Kitaygorodsky Farmstead of Trinity-Sergius Monastery]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki Moskvy i Podmoskov'ya* [Archaeological Sites of Moscow and the Moscow region]. Moscow, Institute archaeology RAS Publ., 2000, part 3, p. 166–181. (in Russ.)
- Vilkov O. N.** Remeslo i torgovlya Zapadnoi Sibiri v XVII v. [Craft and Trade in Western Siberia in the 17th Century]. Moscow, Nauka, 1967, 324 p. (in Russ.)
- Vizgalov G. P., Parkhimovich S. G.** Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.) [Mangazeya: New Archaeological Research (materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg, Nefteyugansk, Magellan Publ., 2008, 296 p. (in Russ.)
- Zykov A. P., Kosintsev P. A., Trepavlov V. V.** Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie) [The Town of Sibir – Hillfort Isker (Historical and Archaeological Research)]. Moscow, Nauka, Vostochnaya literatura Publ., 2017, 559 p. (in Russ.)

Материал поступил в редакцию
Received
14.01.2020

Сведения об авторах

Адамов Александр Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН (ул. Академика Юрия Осипова, 15, Тобольск, 626152, Россия)
adamowaa@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1600-778X

Балюнов Игорь Валерьевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (Красная пл., 1, стр. 4, Тобольск, 626152, Россия)
balyunoff@mail.ru
ORCID 0000-0002-7733-7504

Information about the Authors

Aleksandr A. Adamov, PhD in History, Senior Researcher, Tobolsk Complex Scientific Station UB RAS (15 Academician Osipov Str., Tobolsk, 626152, Russian Federation)
adamowaa@yandex.ru
ORCID 0000-0002-1600-778X

Igor V. Balyunov, PhD in History, Leading Researcher, Tobolsk Historical and Architectural Museum Reserve (1 Krasnaya ploshchad, build. 4, Tobolsk, 626152, Russian Federation)
balyunoff@mail.ru
ORCID 0000-0002-7733-7504

УДК 903.22

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-87-104

Сабля казахского Вали-хана из собрания Музеев Московского Кремля

Л. А. Бобров¹, В. Р. Новоселов²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Музеи Московского Кремля
Москва, Россия

Аннотация

Изучается сабля (инв. № 4427) из фонда Музеев Московского Кремля. Установлено, что оружие относится к саблям-инсигниям, которые вручались принявшим российское подданство казахским ханам при их утверждении на престоле. Опровергнута бытующая в историографии атрибуция этого оружия как сабли Ерали-хана (1792 г.). На основании изучения документации XVIII в. установлено, что сабля предназначалась для вручения хану Аблаю (1711–1780). В 1778 г. на клинок была нанесена двуязычная надпись, заменена обтяжка ножен, обновлена позолота, добавлены португеза и футляр. После отказа Аблая принять «знаки ханского достоинства» сабля была оставлена в Петропавловской крепости (на р. Ишим). В 1781 г. с просьбой о передаче ему символов власти и жалования Аблая обратился его сын – Вали (1744–1821). При подготовке к передаче инсигнии сабля была отправлена в Оренбург, где были исправлены имя хана и год пожалования. В 1782 г. оружие вручено Вали-хану. Сабля представляет собой единственный дошедший до нас в практически неповрежденном виде символ власти казахских ханов. Она является уникальной реликвией истории российско-казахских отношений XVIII в.

Ключевые слова

Казахстан, Аблай-хан, Вали-хан, оружие казахов, сабля-инсигния

Благодарности

Исследование проведено в рамках Государственного задания в сфере научной деятельности

Для цитирования

Бобров Л. А., Новоселов В. Р. Сабля казахского Вали-хана из собрания Музеев Московского Кремля // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 87–104. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-87-104

A Saber of the Kazakh Vali Khan from the Collection of the Moscow Kremlin Museums

L. A. Bobrov¹, V. R. Novoselov²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² Moscow Kremlin Museums
Moscow, Russian Federation

Abstract

Purpose. We describe a saber from the collection of the Moscow Kremlin Museums (Inventory no. 4427).

Results. The total length of the saber is 101.5 cm including the length of the blade 87.5 cm. When in the scabbard, the length is 106.5 cm. The grip and metal elements of the scabbard are made of gilded silver. Their surface is decorated with floral engraving. Mounts and big bezels contain pieces of turquoise and jade. The grip is inlaid with jade plates, gold and mounted rubies. We analyzed the construction and decoration of the saber and the scabbard and concluded that they were made by Ottoman masters in the first half of the 17th century. The closest analogues of the saber are

© Л. А. Бобров, В. Р. Новоселов, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography

stored in the Moscow Kremlin Armory, the State Hermitage Museum, the Metropolitan Museum of Art, etc. According to the inscription on the blade, we refer the weapon to the type of insignia, which were given to Kazakh rulers who became Russian citizens and were approved as khans. A common historiographical attribution of the saber as belonging to Erali Khan (1729) has been proved wrong. According to the documents of the 18th century available, the saber initially was to be given to a famous Kazakh khan of the Middle jüz of Kazakhstan Ablai Khan (1711–1780). In 1778, the blade of the 17th century was signed in Russian and Arab, the scabbard was covered with red tissue, the gilded elements were freshened up, and a shoulder harness made of silk of two colors was added, together with a case. In the second half of 1778, the saber was delivered to the Peter and Paul Fortress of the Novyi Ishim defense line, where it was to be handed to Ablai Khan. However, due to some political disagreements he refused to accept the signs of the power, and the saber, along with other gifts, was left to be stored in the fortress. In May 1781, Ablai's son, a newly elected Vali Khan (1744–1821), addressed Russian authorities asking them to pass him the signs of the khan's power and Ablai's allowance. As the insignia was to be given to the new owner, the inscription had to be changed. The saber was sent to Orenburg, where a local master changed the khan's name and the year. During an official ceremony in the Peter and Paul Fortress, which was held on 1 November, 1782, the weapon was awarded to Vali Khan. Later on, the saber was passed on and stored by some families of noble Kazakhs.

Conclusion. The saber is of a high scientific value as it is the only surviving and almost undamaged symbol of Kazakh khans' power. It is a unique relic of Russian-Kazakh relations in the 18th century.

Keywords

Kazakhstan, Ablai Khan, Vali Khan, Kazakh weapons, insignia saber

Acknowledgements

The work was supported on the State assignment in the field of scientific activity

For citation

Bobrov L. A., Novoselov V. R. A Saber of the Kazakh Vali Khan from the Collection of the Moscow Kremlin Museums. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 87–104. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-87-104

Введение

Одним из важных направлений современных археологических, оружейведческих и военно-исторических исследований является всестороннее изучение клинкового оружия населения Центральной Азии и сопредельных территорий Средневековья и раннего Нового времени [Кушкumbaев, 2001. С. 67–69; Ахметжан, 2007. С. 98–112; 2017; Большой атлас..., 2008. С. 489; Бобров, Пронин, 2012; Пронин, 2013; Ерофеева, Усманова, 2014. С. 662–666].

Как показал анализ вещественных и письменных источников, система обеспечения казахских воинов XVI–XIX вв. клинковым оружием имела симбиотический характер. Основная часть ножей, а также некоторое количество сабель и других видов длинноклинкового оружия изготавливалась местными мастерами [История Казахстана..., 2005. С. 364; Ахметжан, 2007. С. 104–112, 175; 2017]. Сильноизогнутые сабли типа «шамшир» и их дериваты массово импортировались в казахские жузы из Средней Азии и Ирана [Бобров, Пронин, 2012; Бобров, Шереметьев, 2013. С. 243, 244]. Среди клинкового оружия, принадлежавшего казахским батырам, также встречались изделия османских, кавказских, афганских, индийских, ойратских, южно-сибирских, восточно-туркестанских, цинских оружейников. Некоторое количество сабель (а позднее и шашек), тесаков, кинжалов, ножей поступало к казахам с территории Российской империи. Часть этого оружия была получена кочевниками в ходе контрабандной пограничной торговли или в качестве военных трофеев. По мере вхождения казахских жузов в состав России небольшие партии сабель и тесаков стали поступать на вооружение казахояльчиков, действовавших на стороне царских войск против степных повстанцев, кокандцев и хивинцев. Особое место в этом ряду занимают так называемые «жалованные» сабли, переданные в дар казахским аристократам представителями российских властей. Отметим, что наряду с именованным «жалованным» оружием, представляющим собой награду или ценный дар¹, в рамках указанной серии присутствовали и сабли-инсигнии, являющие собой знаки (символы) ханской власти. Снабженная соответствующей надписью, сабля-инсигния вручалась казах-

¹ Клинки таких сабель, как правило, снабжались надписью, содержащей имена и титулы российского правителя и жалуемого лица, указанием основания для передачи оружия (обычно с пометкой «за верную службу»), а также датой пожалования (см. ниже).

скому правителю уполномоченными представителями Российской империи во время торжественной церемонии утверждения степного монарха в ханском достоинстве. Введение в научный оборот именного «жалованного» оружия, и особенно сабель-инсигний, представляет собой весьма актуальную задачу, позволяющую уточнить многие вопросы, связанные с особенностями формирования комплекса длинноклинкового оружия высшей казахской знати середины XVIII – первой трети XIX в., а также спецификой российско-казахских отношений указанного периода.

В фондах Музеев Московского Кремля (далее ММК) хранится богато оформленная сабля (инв. № 4427/1-3), представляющая значительный интерес для отечественных и зарубежных оружейников, военных историков и этнографов. Данная сабля поступила в Оружейную палату из Гохрана 26 мая 1926 г.² Впоследствии она неоднократно экспонировалась на различных выставках и была опубликована В. А. Дуровым в монографии «Русское наградное оружие» [2010. С. 306–308]. Исследователь атрибутировал рассматриваемый образец длинноклинкового оружия как «жалованную саблю для Эрали-хана» и датировал ее 1792 г. Относительно обстоятельств передачи сабли казахскому правителю В. А. Дуров отметил: «В 1792 году была послана хану Киргиз-Кайсацкой Меньшой орды хранящаяся ныне в Московской Оружейной палате сабля с надписью: “Божиею Милостию Екатерина Вторая императрица и самодержица Всероссийская жалует сею саблею подданного своего Эралия Хана Киргиз-Кайсацкой Меньшой Орды при утверждении его в сие достоинство. Месяца января 19 дня 1792-го года”. Формула повторяла надпись на оружии, посылавшемся ранее для других ханов при их утверждении в этом звании – для султана Средней Киргиз-Кайсацкой орды Вали-хана, а еще раньше – для Абдалай-султана. Вместе с саблей была послана “на русском языке грамота с переводом татарским на александрийской бумаге с раскрашенными полями и с приложением к ней меньшей Государственной печати”» [Там же. С. 308]. Проведенный анализ конструкции, системы оформления и надписи на клинке сабли показал, что предложенная датировка и атрибуция требуют корректировки. Кроме того, при первичной публикации не были приведены размеры сабли, ножен и их элементов, а также не указано время изготовления оружия.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о сабле № 4427 из собрания ММК. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание конструкции рассматриваемой сабли, зафиксировать особенности ее декоративного оформления, проанализировать надпись на клинке, уточнить датировку и атрибуцию.

Результаты исследований и обсуждение

Общая длина сабли (от верхнего края навершия рукояти до острия) 101,5 см (в том числе длина клинка 87,9 см). Длина сабли в ножнах 106,5 см. Вес без ножен 860 г, с ножнами 1 855 г (рис. 1; 2)³.

По форме сабельной полосы рассматриваемый экземпляр относится к клинкам со средним изгибом⁴ и слабо выраженной елманью. Треугольный (клиновидный) в сечении клинок изготовлен из стали, пята не выражена, обух широкий, плоский, боевой конец клинка со слегка расширяющейся елманью (длина елмани 24,8 см) – обоюдоострый. Ширина / толщина клинка у гарды, в центральной части клинка и у елмани 3,5 / 0,6, 3,1 / 0,5 и 3,6 / 0,4 см соответственно.

² ОРПГФ ММК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Л. 109 об., № 16751.

³ Погрешность 10 г.

⁴ Изгиб клинка 9,3 см (измерен по методу А. Н. Кулинского, согласно которому изгиб измеряется по линии, проходящей от основания клинка со стороны лезвия до кончика острия).

Рис. 1. Лицевая сторона сабли № Оп-4427/1-3 (фото С. В. Баранова; без масштаба)

Fig. 1. Saber Op-4427/1-3 front (photo by S. V. Baranov; without scale)

Рис. 2. Тыльная сторона сабли № Оп-4427/1-3 (фото С. В. Баранова; без масштаба)
Fig. 2. Saber Op-4427/1-3 back (photo S. V. Baranov; without scale)

С внешней (лицевой) стороны⁵ у основания клинка золотом насечены орнаментальные клейма. Непосредственно под перекрестьем помещено изображение сетчатой «арки», увенчанной фигурным навершием из плетеного растительного орнамента⁶. Ниже по клинку насечен золотой каплевидный «картуш», внутреннее пространство которого заполнено густым растительным орнаментом в виде переплетающихся цветочных побегов (см. рис. 1).

В средней части сабельной полосы золотом насечены надписи (с внешней стороны на русском языке, с внутренней – арабоязычная, являющаяся переводом русской): «Божією милостію Екатерина Вторая императрица и самодержица всероссійская жалуєть сею саблею подданнаго своего Вали хана киргисъкасацкой средней орды приучреждении его въсіе достоинство: 24-го маія 1782 года» (рис. 3, 1, 2). Отметим, что клейма и надписи на клинке сабли выполнены в разных техниках золотой инкрустации. Первые изготовлены в так называемой технике *зарнашин / зарнишан* (перс. «золотой знак»). Ее отличительной особенностью является способ фиксации золотой проволоки, при котором она закрепляется в выемках или желобках и шлифуется заподлицо, практически не выступая над железной поверхностью [Хайдаков, 2016. С. 27, 30, 37]. Большая часть надписей на клинке выполнена в технике *зарбуланд* (досл. «выступающее золото»), при которой, на поверхности оружия остается заметный золотой рельеф [Там же. С. 27, 30, 31]⁷. Особо подчеркнем, что в текст как русской, так и арабской надписи вносились изменения. В частности, были исправлены имя хана и год пожалования сабли. В ходе внесения изменений мастер, грубо работая штихелем, покрыл фон вокруг букв и цифр характерной сеткой, благодаря которой упомянутые исправления хорошо заметны на поверхности клинка (см. рис. 3, 1, 2).

Эфес состоит из рукояти и гарды. Длина рукояти (от верхнего края навершия до нижнего края перекрестья) 16 см. Ширина рукояти (без учета кастов): 2,9 см перед изгибом навершия, 3,8 см у гарды.

Позолоченная чеканная рукоять сабли выполнена из серебра. С внешней стороны она украшена высокими кастами, в которые вставлены кабошоны нефрита и бирюзы (размеры кастов от $1,2 \times 1,4$ до $0,5 \times 0,8$ см).

Многочисленные малые округлые касты дополнены двумя большими «гнездами» подтреугольной и лепестковидной форм соответственно, в которые вставлены массивные нефритовые плашки (см. рис. 1; 3, 3)⁸. Пространство между кастами и «гнездами» заполнено растительным орнаментом. Рисунок выполнен резцом по заглубленному фону, детали доработаны гравировкой. Преобладающим типом узора являются изображения цветов и листьев с вырезным краем («саз») (см. рис. 3, 3). Внутренняя сторона рукояти целиком покрыта растительным орнаментом, выполненным в указанной выше технике гравировки (см. рис. 3, 4). Узор представляет собой повторяющиеся изображения более или менее стилизованных листьев, бутонов и цветочных кустов, заключенных в остроугольные «картуши». Фон рисунка заполнен канфарением в виде множества тонких продольных линий. Плавное изогнутое в сторону лезвия навершие рукояти украшено с торца нефритом, инкрустированным золотой насечкой и низкими кастами с рубинами (см. рис. 3, 3, 4).

⁵ Под внешней (лицевой) стороной сабли, клинка / полосы, рукояти, ножен понимается сторона, обращенная к зрителю в тот момент, когда сабля находится в ножнах на поясе воина. Противоположная сторона сабли и ножен именуется, соответственно, внутренней или тыльной.

⁶ В настоящее время орнамент частично затерт. Наиболее вероятно, что первоначально навершие «арки» представляло собой трехлепестковый бутон, заполненный стилизованными цветочными побегами.

⁷ В рассматриваемом случае, золото инкрустации надписей всечено двумя способами в зависимости от сложности контуров букв: в одних случаях контур буквы или цифры выбит пуансоном, в других – вместо лунок пуансона контур вырезан штихелем, причем с нанесением коротких поперечных штрихов.

⁸ Не исключено, что данные вставки представляют собой следы ремонта, проведенного еще в период использования оружия. Мастера, выполнившие ремонт и поместившие в «гнезда» плашки нефрита, явно не обладали навыками инкрустации золотом и драгоценными камнями.

Рис. 3. Сабля № Оп-4427/1-3: 1, 2 – надписи на клинке; 3, 4 – эфес (фото С. В. Баранова; без масштаба)

Fig. 3. Saber Op-4427/1-3: 1, 2 – writing on the blade; 3, 4 – hilt (photo by S. V. Baranov, without scale)

Литая серебряная гарда крестообразной формы покрыта позолотой (см. рис. 3, 3, 4). Длина крестовины 12,1 см, длина перекрестья 7,4 см. Прямые стержни крестовины, расширяясь на концах, образуют приостренные лопасти. Последние снабжены (с лицевой стороны рукояти) округлыми «гнездами», в которые были вставлены нефритовые кабошоны, инкрустированные золотом и кастами с рубинами. Основу композиции на нефритовой поверхности формирует золотой «цветок», в центре которого расположен рубин. От «цветка» расходятся три изогнутых побега завершающихся узкими листьями⁹. Центральную часть стержней крестовины дополняют два овальных каста с кабошонами бирюзы и нефрита (см. рис. 3, 3).

Центр гарды с внешней стороны снабжен большим миндалевидным «гнездом» с массивной нефритовой вставкой, на поверхности которой размещены три малых кабошона с рубинами, соединенных золотыми цветочными побегами с узкими листьями. На концах перекрестья помещены округлые касты с бирюзой. Поверхность гарды между «гнездом» и кастами покрыта густым растительным орнаментом, выполненным в технике гравировки (см. рис. 3, 3). Внутренняя сторона крестовины и перекрестья покрыта сплошным растительным орнаментом. Основу композиции формирует гравированная плакетка с фестончатым краем, расположенная по центру гарды. Пространство плакетки заполнено изображениями распустившихся цветов и резных листьев-«саз» (см. рис. 3, 4). В целом рисунок на гарде выполнен в той же стилистике и с применением тех же технологий, что и орнамент на рукояти (работа резцом по заглубленному фону, доработка деталей гравировкой, канфарение).

Сабля снабжена деревянными ножами. Их общая длина 93 см, ширина 5,2–5,5 см, толщина 1,5–1,6 см. Поверхность ножен обтянута красным бархатом (стык выведен на тыльную сторону). Выполненный из позолоченного серебра прибор ножен состоит из устья, четырех обоймиц и наконечника (см. рис. 1; 2).

Верхняя часть устья (длина 17,8 см, ширина 5,2 см) снабжена специальными двухсторонними выемками под нижние стержни перекрестия сабельной гарды. По краю выемки пропущен выпуклый бортик. Лицевая сторона устья украшена 25 высокими кастами (размеры от $2,2 \times 1,2$ до $0,77 \times 0,75$ см) с кабошонами бирюзы и нефрита, а также четырьмя большими «гнездами» прямоугольной, подпрямоугольной и V-образной форм. В «гнезда» помещены нефритовые плащики, инкрустированные золотом и кастами с рубинами (распустившиеся золотые цветы соединены тонкими побегами с узкими листьями). Пространство между кастами и «гнездами» заполнено гравированным растительным орнаментом (см. рис. 1). Основу художественной композиции на тыльной стороне устья формируют шесть гравированных плакеток, заполненных изображениями гвоздик и листьев-«саз» (см. рис. 2). Остальное поле покрыто трехлепестковыми бутонами, распустившимися цветами, листьями и переплетающимися побегами, выполненными в технике гравировки. Фон рисунка проканфарен частыми продольными линиями. По краю композиции пропущена окантовочная лента в виде гравированной цепи из S-образных звеньев.

Две из четырех обоймиц ножен (высота 5,7–5,8 см, ширина 5,5–5,7 см) снабжены металлическими петлями, в которые вставлены кольца для крепления шелкового шнура подвеса (диаметр колец 1,8–1,9 см). Пара других обоймиц украшает ножны и дополнительно фиксирует их бархатную обтяжку. Край лицевой стороны обоймиц оформлен округлыми и остроугольными фестонами. Гравированный рисунок дополняют 6–7 кастов с кабошонами бирюзы и нефрита, а также большое «гнездо» с нефритовым плащиком, инкрустированным золотом и рубинами (см. рис. 1). Внутренняя сторона обоймиц оформлена значительно лаконичнее. Фестоны, касты и гнезда отсутствуют. В качестве главного украшения выступает гравированный растительный орнамент на проканфаренном фоне: распустившийся пятилепестковый цветок в обрамлении бутонов, листьев и побегов. По ровному краю обоймиц (с их внутренней стороны) пропущены гравированные ленты «жемчужника» (см. рис. 2).

⁹ В настоящее время подобным образом оформлено лишь одно «гнездо» крестовины. Во второе помещена округлая вставка темно-зеленого цвета (предположительно, это позднейшая реставрация).

В кольца обоймиц продет двцветный шнур, сплетенный из шелковых нитей с четырьмя кистями и четырьмя ворворками. Общая длина шнура около 307 см, толщина 0,5 см.

Наконечник ножен (длина 22,4 см, ширина 5,4 см) украшен 30 высокими кастами с нефритовыми и бирюзовыми кабошонами, а также тремя большими «гнездами» прямоугольной и скобообразной формы, в которые вставлены нефритовые плащики. Две верхние нефритовые вставки инкрустированы золотом и рубинами (см. рис. 1). Тыльная сторона наконечника покрыта гравированным растительным орнаментом, рисунок которого, с некоторыми вариациями, повторяет рисунок на устье ножен (см. рис. 2).

Анализ конструкции и системы оформления сабли и ножен позволяет датировать их первой половиной XVII в. и отнести к числу изделий османских оружейников указанного периода. Ближайшие аналоги рассматриваемой сабли хранятся в Оружейной палате Московского Кремля, Государственном Эрмитаже, Музее искусств Метрополитен и др. [Ленц, 1895. С. 65. Табл. VIII. Рис. 271; Художественное оружие..., 2010. С. 105. Рис. 198; Двуреченский, 2015. С. 49. Рис. 7; Alexander, 2015. P. 158–160; Rivkin, Isaac, 2017. P. 130, 176]. Схожее или аналогичное декоративное оформление фиксируется также на других образцах длинноклинкового оружия конца XVI – XVII в., выполненных османскими мастерами или в подражание им [Ленц, 1895. С. 65. Табл. VIII. Рис. 261, IX. Рис. 260, 264; Аствацатурян, 2002. С. 129, 130, 133; Государева Оружейная палата, 2002. С. 148–153, 162, 163, 168, 169, 178, 179; Дуров, 2010. С. 8, 9; Художественное оружие..., 2010. С. 105. Рис. 194, 195; Hilmi Aydin, 2012. P. 201–203; Броня..., 2015. С. 91–94, 96, 99; Двуреченский, 2015. С. 52. Рис. 9; Образцов, 2015. С. 70, 71].

Изучение описей императорского Кабинета второй половины XVIII в. показало, что в кладовой при Алмазной мастерской Кабинета императрицы Екатерины II хранилась целая группа богато оформленных сабель, часть которых была доставлена в Санкт-Петербург из Москвы еще в 1734 г. На протяжении XVIII в. оружие из Рюст-камеры, Алмазной мастерской, Оружейной палаты использовалось для пожалования восточным правителям и дипломатам, а также казачьим атаманам и старшинам. Иногда оригинальные рукоять и гарда удалялись, и к высококачественному клинку добавлялась новая драгоценная монтировка. В других случаях оружие использовалось в первоначальном виде. На клинках жалованных сабель золотом наносилась соответствующая надпись. В период правления Екатерины II эти работы обычно осуществлялись ювелирами Алмазной мастерской¹⁰. Так, например, известно, что драгоценную оправу и надписи на клинках сабель, предназначенных для казахских правителей Младшего жуза Ерали (Ералы, Эрали)-султана (1792 г.) и Есим (Ишим)-султана (1796 г.), были выполнены придворными ювелирами Жаном Франсуа Буде и Иоганном Фридрихом Мейснером соответственно¹¹.

Прежде чем перейти к реконструкции обстоятельств нанесения надписи на клинок сабли № 4427/1-3 из собрания ММК, необходимо отметить, что предложенная В. А. Дуровым атрибуция рассматриваемого оружия как сабли «Эрали-хана», вероятно, является следствием некоего недоразумения. Султан (с 1792 г. – хан) Ерали (1721–1794) правил Младшим жузом («Меньшой Киргиз-Кайсацкой ордой»), а на клинке в надписи упомянут Вали-хан – правитель Среднего жуза («Средней орды»), утвержденный российскими властями в ханском достоинстве в 1782 г., а не в 1792-м. Внимательное изучение надписи позволяет заметить грубо выполненные исправления как в русской, так и в арабоязычной надписи на клинке: в какой-

¹⁰ Выдача именных жалованных сабель казачьим, калмыцким, башкирским старшинам, а впоследствии и принявшим российское подданство представителям казахской знати, приобрела массовый характер в 30–40-х гг. XVIII в. Первоначально для указанной цели использовались сабли и сабельные полосы, хранившиеся с XVII в. в Оружейной палате Московского Кремля. Однако их запас быстро истощился. Впоследствии закупка жалованных сабель осуществлялась через Коллегию иностранных дел, а после воцарения Екатерины II широкое распространение получила практика использования старинных клинков из Императорской Рюст-камеры, которые дополнялись новыми эфесами и ножами. Оригинальные эфесы при этом демонтировались (см.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 1938. Л. 2; Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61877. Л. 1).

¹¹ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61877.

то момент были изменены имя хана и год. При этом невозможно допустить, что ранее на клинке было нанесено имя Эрали-хана: обозначение Средней орды не исправлялось, кроме того, логически нелепым выглядит переделка имени позднего владельца на имя хана другого жуза, взошедшего на престол почти на десять лет раньше. Наконец, из документов XVIII в. известно, что при изготовлении сабли для хана Ерали использовался лишь высококачественный сабельный клинок, хранившийся в императорской Рюст-камере¹². Новую драгоценную оправу оружия Ерали-хана выполнил упомянутый выше Жан Франсуа Буде. Однако рассматриваемая сабля № 4427/1-3 явно не подвергалась такой переделке. Ее эфес и ножны полностью аутентичны и соответствуют аналогам XVII в. Ни их отделка, ни качество насеченных надписей не соответствуют уровню изделий придворных ювелиров XVIII в. Таким образом, атрибуцию сабли как жалованного оружия Эрали-хана следует признать ошибочной.

В данной связи значительный интерес представляют личность казахского правителя, упомянутого в текстах на клинке сабли, а также обстоятельства нанесения надписи и передачи оружия адресату.

Вали-хан (1744–1821)¹³ являлся сыном знаменитого Аблай-хана (1711–1780)¹⁴, одного из выдающихся казахских правителей XVIII в. [История Казахстана..., 2010. С. 247–272]. Учитывая, что рассматриваемый образец оружия имеет непосредственное отношение к двум указанным монархам, кратко остановимся на их биографиях и истории отношений с Российской империей.

Аблай во второй половине 20-х гг. XVIII в. принял активное участие в боях с джунгарами. Благодаря поддержке влиятельного султана Абулмамбета он был признан правителем отдельных групп сильного рода атыгай. К 1736 г. под его патронатом состояли уже 10,5 тыс., а к 1740 г. около 20 тыс. семей различных казахских родов. В 1740 г. Аблай принял российское подданство. В ходе принесения присяги султан получил свою первую жалованную саблю, сопровождаемую наказом: это оружие он должен «...употреблять во охранение е. и. в. верных подданных, во усмирение ж и отмщение противников е. и. в.» [Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 1. С. 273, 274; Ерофеева, Усманова, 2014. С. 664]. К 1749 г. под его властью находились уже все семь родов аргынов, а также керей, уаки и некоторая часть кыпшаков [Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 1. С. 274, 275]. В середине 50-х гг. XVIII в. влияние Аблая распространилось почти на все племена и роды Среднего жуза. По результатам военных кампаний 1756–1757 гг. против джунгаров Аблай отправил своих послов в Пекин и принял патронат цинского императора Цяньлуна [История Казахстана..., 2010. С. 247–256; Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 1. С. 274–277].

В условиях нарастания напряжения между Российской и Цинской империями официальный Санкт-Петербург настороженно следил за событиями в Южной Сибири и Восточном Казахстане. Пытаясь привязать Аблая к России, представители царских властей вели с ним тайные переговоры о признании за султаном ханского титула. Параллельно планировалось поощрить и правителей Младшего жуза. Символическим подтверждением лояльности казахской аристократии Российской империи должно было стать вручение им роскошно оформленных жалованных сабель. Оружие предполагалось передать султанам Ерали и Айчуваку из Младшего жуза («...за отпуск из киргизкайсацкой орды бежавших в оную башкирцов» – т. е. за отказ укрывать у себя сбежавших в казахские степи участников башкирского восстания)¹⁵, а также султану Аблаю из Среднего жуза. Последнему сабля официально жаловалась

¹² РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61877.

¹³ В источниках и историографии известен также как Уали, Валий, Вали-Мухаммад-Бахадур-хан. Султан, с марта 1781 г. хан группы родов арган и рода таракты Среднего жуза [Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 2. С. 287].

¹⁴ В источниках и историографии известен также как Сабалак (в юном возрасте), Абилмансур, Абылай, Аблай-Батырь-султан, Абылай-Мухаммад-Бахадур-хан. Султан Среднего жуза, с 1768 г. хан Среднего жуза, с июня 1771 г. старший хан трех жузов [Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 2. С. 273–279, 281].

¹⁵ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 11. Л. 9.

«в знак его верного подданства», но в документах указывалась и подлинная причина дара: «для отвлечения его от китайской стороны по тогдашней его с китайским богдыханом пересылке»¹⁶. Сабля, предназначавшаяся Аблай-султану, была наиболее ценной и стоила 159 руб. 85 ½ коп., сабли Ерали-султана и Айчувак-султана были оценены в 127 руб. 85 ½ коп. и 92 руб. 85 ½ коп. соответственно¹⁷. На клинках всех трех сабель были насечены золотом надписи: с одной стороны на русском, с другой – на тюркском языке. Формула надписи была единообразной: «Божією милостію Елисаветъ Первая імператрица ісамодержица Всеросійская, пожаловала сею саблею подданного своего киргизъ касацкого (имярек) солтана за его верную службу. Въ Санкт-Петербурге 1758 года»¹⁸.

Фрагменты как минимум двух из трех указанных сабель сохранились до нашего времени. Клинок сабли Эрали-султана хранится в Государственном Историческом музее (ГИМ, инв. № 82284/749 Оп). Оружие подверглось позднейшей переделке. Так, в частности, были демонтированы упомянутые в документах серебряный позолоченный эфес и прибор ножен, украшенные драгоценными камнями¹⁹. Вместо них сабля получила новую рукоять, составленную из двух роговых «щечек», и простую железную гарду крестообразной формы [Абрамзон, 1987. С. 58; Дуров, 2010. С. 305]. От оружия, пожалованного султану Аблаю в 1758 г., сохранились лишь хвостовик и верхняя часть клинка с надписью. В настоящее время данный сабельный фрагмент экспонируется в Музее Первого Президента Республики Казахстан [Ахметжан, 2007. С. 200. Рис. 5].

Тем не менее, несмотря на богатые подарки, а также назначенное высокое жалованье, Аблай продолжал налаживать отношения с Пекином, не отказываясь при этом и от тесного взаимодействия с Санкт-Петербургом. Умело используя свой статус подданного двух империй, амбициозный султан продолжал последовательно усиливать свою власть в казахских землях. Не позднее 1768 г. он принял титул хана Среднего жуза, а после смерти в 1771 г. Абулмамбета и разгрома калмыков во время «Пыльного похода» (в том же году) Аблай был провозглашен верховным правителем казахов – старшим ханом трех жузов. В 1772 г. его ханский титул был утвержден цинским императором. В 1777 г. Аблай обратился к императрице Екатерине Великой с просьбой утвердить полученный титул со стороны Российской империи. Другой (и, возможно, основной) целью такого обращения было стремление получить военную поддержку в преддверии большого похода против киргизов [История Казахстана..., 2010. С. 252–256; Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 1. С. 359–362]. Однако российские власти уже взяли курс на дезавуирование в общественном сознании казахов института старшего хана. Кроме того, чрезмерное усиление одного из степных правителей (являвшегося к тому же еще и цинским подданным) также не входило в планы Санкт-Петербурга. По данной причине Аблаю было отказано в запрашиваемой «тысячной команде» солдат, казаков и калмыков, а вместо титула верховного хана имперские власти признали за Аблаем лишь титул хана Среднего жуза [История Казахстана..., 2010. С. 255; Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 1. С. 277, 278].

Тем не менее для принятия присяги и подтверждения титула Аблай-хана российскими чиновниками была разработана торжественная церемония. Специальным рескриптом казахскому правителю были пожалованы знаки подтверждения его ханского достоинства: «...жалованная грамота за Государственной печатью, шуба соболья, покрытая парчой, шапка парчевая ж с околышем чернубурой лисицы и сабля с надписью» (здесь и далее курсив наш. – Б. Л., В. Н.)²⁰. Это третья по счету (после 1740 и 1758 гг.) жалованная (и вторая именная)

¹⁶ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 11. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 9 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 12.

²⁰ Указанные знаки обошлись казне в сумму 1364 руб. 35 коп. Учитывая, что данные сведения ранее не публиковались, считаем возможным привести их целиком: «...на патент за два листа пергаментных 6 р; для написания на тех листах по полям лавр и рамок тако же императорского титула за книжное золото, серебро, краски и пр. 14 р 20 коп; на оболочку того патента за 2 1/2 аршина золотого глазету по 12 р аршин 30 руб;

сабля, которую предполагалось вручить Аблаю от имени российских властей. Она была приобретена в Москве представителями Московской канторы Коллегии иностранных дел за 150 руб.²¹ Золотом на клинке была насечена надпись как «на русском, так и на татарском языках» (оценено в 50 руб.), на «поправление» эфеса и прибора ножен (обновление позолоты, новою обтяжку ножен малиновым бархатом, изготовление футляра для сабли и др.) ушло еще 25 руб. Наконец, за новую португезу, выполненную в виде шелкового шнура с кистями, было заплачено 24 руб. Таким образом, совокупная стоимость сабли-инсигнии с ножнами, «поясом» и футляром составила 249 руб. Это был весьма дорогой подарок. Для сравнения: все годовое жалованье Аблая не превышало 300 руб., причем официально султану передавалось 200 руб., а 100 руб. выплачивалось тайно²².

Описание рассматриваемого образца длинноклинкового оружия приведено в реестре Коллегии иностранных дел²³. В другом документе относительно того же жалованного оружия сообщалось: «Надпись на сабле следующая: Божиею милостию Екатерина вторая императрица и самодержица всероссийская, жалует сею саблею подданного своего Аблай хана, Киргис Кайсацкой средней орды при учреждении его в сие достоинство 1778 году; сабля употреблена из имевшихся в коллегии ценою во 150 р.; за насечку на оной надписи золотом как на русском, так и на татарском языках 50 р.; за поправление у сабли грифа и на ножнах блях, за откраску оных золотом, за оклейку ножней новым малиновым бархатом, за сделанной к ней футляр оклеенной снаружи алым сафьяном с позолотою, а внутри зеленою тафтою 25 р.; за пояс к сабле золотой с малиновым шелком при коем две кисти больших и четыре маленьких во всем весу 20 лотов а лот по 1 р по 20 коп итого 24 р»²⁴.

Сабля, а также другие символы ханской власти были отправлены из Санкт-Петербурга в Оренбург 21 сентября 1778 г., куда благополучно прибыли в том же году. Местный губернатор И. А. Рейнсдорп должен был торжественно вручить их Аблаю «...в Оренбурге или другом каком способном месте на основании порядка, сделанного при вручении таковых же отличностей Меньшой орды Нурали Хану...»²⁵. В качестве места проведения церемонии была избрана Петропавловская крепость Ново-Ишимской оборонительной линии (на р. Ишим, по соседству с кочевьями Среднего жуза).

Однако тщательно спланированная церемония так и не состоялась. Нежелание имперских властей оказать военную помощь в походе против киргизов привело к тому, что Аблай отказался прибыть на прием к губернатору и откочевал на юг. Личный писарь хана Ягуда Усманов сообщал по этому поводу: «Аблай-солтан поехал бы не только в Петропавловскую крепость, но и в Оренбург, если бы даны были просимые им войска, а бес того не только присяги, но и знаков принять не хочет» [Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 1. С. 277]. В ответ на подобный демарш Россия приостановила посылку Аблаю назначенных ему ежегодно-

на прокладку внутри патента за 1 аршин белой тафты 1 р 15 коп; На прошивку патента золотой шнур с двумя по концам кистями 2 р; за бумажный картон для патента 1 р 50 коп; итого 54 р. 85 коп. На шубу за 2 меха собольих купленных в Москве через кантору из коих один в 500 р, другой в 300 а оба в 800 р; на покрывку той шубы за 12 аршин парчи золотой с полосками по 14 р аршин 168 р; за завязки к шубе за 2 аршина лент с серебром 1 р; портному за шитье той шубы с мелким прикладом 5 р; на шубу полотняный чехол 2 р; итого 976 р; на околышек шапки за две чернобырые лисицы купленные в Москве через кантору 40 р.; на покрывку шапки за 1 аршин золотой парчи 20 р; на шапку золотая канительная кисть да на обшивку оной и завязки к нащокам золотной шнур с двумя канительными кистями в коих весу 4 лота и 1 золотник 6 р; за чехол полотняный на шапку 20 коп; за шитье шапки шапошнику 4 р.; итого 70 р 20 коп...». См.: АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 11. Л. 110 об. – 111. См. так же: АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 2. Л. 28.

²¹ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 11. Л. 12: «20-го того ж месяца прислана из Москвы купленная у которой ножны оклеены малиновым бархатом с серебренною и вызолоченою оправою, со вставленными яшмами, бирюзами и другими простыми камешками во 150 рублей – она сабля отправлена 21 сентября 1778 года кайсацкой орды к Аблай хану в подтверждение его в ханском достоинстве с присыльным от него сыном его Тугун солтаном».

²² АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 2. Л. 27 – 27 об.

²³ Там же. Оп. 2. Д. 11. Л. 12.

²⁴ Там же. Л. 110, 110 об. – 111.

²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 2. Л. 28 – 28 об.

го жалования, даров, а также знаков ханской власти²⁶. Несмотря на отказ России и Цинской империи оказать военную помощь, Аблай нашел возможность разгромить киргизов самостоятельно (1779 г.), однако на север он больше не вернулся. В результате предназначенная для церемонии сабля так и осталась на хранении в Петропавловской крепости.

После смерти Аблая в октябре-ноябре 1780 г. [Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 1. С. 278; Т. 2. С. 290] уже в 1781 г. Вали в присутствии пяти тысяч представителей казахских родов, послов Российской и Цинской империй был поднят на белой кошке и провозглашен ханом [История Казахстана..., 2010. С. 272, 273; Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 2. С. 287, 293].

В мае 1781 г. командующим отдельным Сибирским корпусом генерал-майором Н. Г. Огаревым было получено письмо от новоизбранного правителя. В нем Вали сообщал о смерти Аблая, подчеркивая, что последний на протяжении полувека служил российскому престолу: «А я с братьями своими и подданными киргисцами желаем также в подданстве быть так как и покойной наш отец находился непоколебимо»²⁷. В письме на имя оренбургского губернатора Вали сообщал те же сведения²⁸, а также просил выдать ему задержанное жалование Аблая [Эпистолярное наследие..., 2014. Т. 2. С. 290, 291].

Получив донесение о намерениях Вали, Екатерина II потребовала присылки в Санкт-Петербург официальной казахской делегации, которая должна была доставить письменное прошение об утверждении нового хана²⁹. В коллегии иностранных дел была составлена подробная справка о знаках власти, которые были изготовлены для утверждения Аблай-хана, но по указанным выше причинам не переданы ему.

После того как посольство Вали-хана с письменным прошением прибыло в столицу, императрица 14 февраля 1782 г. подписала его ханский патент³⁰. Вместе с патентом в Оренбург были посланы императорская «обвестительная» грамота на русском и татарском языках³¹, а также форма присяги на двух языках, которую «должен будет учинить Вали солтан»³².

Оренбургскому губернатору предписывалось вызвать Вали-хана в одну из пограничных крепостей (Петропавловскую, Уральскую, Троицкую), «но лучше всего чтобы приехал в петропавловскую, поскольку она не более как на 4–5 дней езды от его кочевья»³³, где провести публичную церемонию принятия присяги и вручения «жалуемых обыкновенно на ханское достоинство знаков, как то сабли, шубы и шапки, которые находятся в готовности в петропавловской крепости, куда все сие доставлено в 1778 году от коллегии иностранных дел для умершего ныне Аблая хана, не получившего всего того, по причине уклонности его от приезда в пограничные крепости и учинения присяги, почему могут они быть употреблены при нынешнем случае»³⁴.

Передача новому хану парчовой, опушенной чернобуркой, шапки и крытой парчой соболиной шубы не должно было вызвать у местных чиновников особых проблем, чего нельзя

²⁶ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 2. Л. 28 об.

²⁷ Там же. Л. 3.

²⁸ Там же. Л. 5.

²⁹ Там же. Л. 17 – 17 об.

³⁰ Там же. Л. 59. «Патент был изготовлен в Правительствующем Сенате и писан там же на русском языке на пергаменте шириною в аршин и полтора вершка в украшенных по примеру патентов данных в 1749 году Нурали хану на ханство и в 1770 г. в подтверждение ему же в золотых рамах по учиненному тогда изъяснению, а перевод одного писан по татарски в коллегии на таком же пергаментном листу в украшенных желтою краскою а не золотом рамах – титул императрицы и в тексте на русском, и на татарском, был написан золотом – приложена Государственная средняя печать, обложен был тот патент золотым глазом, все вместе в длину того патента прошито под украшением шнуром сученым из черного шелку с золотом, по сторонам того патента по одной из черного шелку с золотом и блестками кисти с двумя у каждой золотыми варворками». См.: Там же. Л. 63.

³¹ Там же. Л. 66 – 67 об.

³² Там же. Л. 71.

³³ Там же. Л. 78.

³⁴ Там же. Л. 76 об.

сказать о сабле, клинок которой украшала золотая насечка с именем Аблая и годом пожалования оружия (1778 г.). Этим вопросом предполагалось заняться особо. В частности, предписывалось сделать «...новую надпись на сабле, которая на хранящейся в Петропавловской крепости высечена на имя Аблая хана, а ныне надлежит ей быть на имя Валия Салтана, для чего господин генерал порутчик и кавалер Якобий и послал уже от себя туда с предписанием привести ту саблю в Оренбург, а как скоро пришлется туда для таковой насечки форма, то по оной надлежащим образом и исправлено будет»³⁵. Форма надписи для насечки на сабле была определена в соответствии с предыдущими: «Божиею Милостию – Екатерина Вторая императрица и самодержица всероссийская жалует сею саблею подданного своего Вали хана киргис кайсацкой средней орды при учреждении его в сие достоинство ... 1782 года»³⁶.

Таким образом, сабля № 4427/1-3, хранящаяся в настоящее время в Музеях Московского Кремля, – та самая, что была 21 сентября 1778 г. послана правителю Среднего жуза Аблаю. После уклонения его от присяги сабля до 1782 г. хранилась в Петропавловской крепости Ново-Ишимской оборонительной линии. В 1782 г. она была перевезена в Оренбург, где, очевидно, местный мастер, притом невысокой квалификации³⁷, исправил надписи на клинке в соответствии с формой, присланной из Санкт-Петербурга. При этом он не стал менять день и месяц в дате, которая должна соответствовать дате подписания императрицей ханского патента, оставив их такими, как они были написаны в 1778 г.

Церемония принятия Вали-ханом присяги состоялась 1 ноября 1782 г. в Петропавловской крепости: ассессор и два чиновника надели на него соболью шубу и саблю, а генерал-губернатор вручил ему шапку и ханский патент³⁸.

На протяжении последних десятилетий XVIII в. и большей части XIX в. предназначенная хану Аблаю и пожалованная хану Вали сабля хранилась у представителей казахской военной и политической элиты³⁹. Так, в частности, в конце XIX в. она входила в состав коллекции Мейрама Женайдарова (1846–1921) являвшегося сыном одного из близких сподвижников знаменитого хана Кенесары – Жанайдара Орынбайулы (1818 – 1870-е гг.). В 1892 г. по случаю приезда в Омск цесаревича Николая Александровича (будущего императора Николая II) оружие экспонировалось в рамках этнографической выставки. Интересно, что она была выставлена в комплекте с «собольей шапкой и парчовым поясом», принадлежавшими хану Вали. Оружие позиционировалось как «украшенная большими ценными камнями сабля, пожалованная [ему] 27 мая 1782 г. императрицей Екатериной Великой по случаю утверждения в этот день Валия ханом Средней орды» [Ерофеева, Усманова, 2014. С. 665].

Заключение

На основании анализа конструкции, системы оформления сабли и ножен из собрания ММК (инв. № 4427/1-3) и соответствующей надписи на клинке установлено, что это оружие относится к числу сабель-инсигний (символов ханской власти), вручавшихся казахским правителям (принявшим российское подданство) при их утверждении в ханском достоинстве. Опровергнуто бытующее в историографии мнение о рассматриваемом образце длинноклинового оружия как жалованной сабле Ерали-хана (1792 г.). На основании анализа надписи на клинке и сведений служебной документации XVIII в. установлено, что первоначально сабля

³⁵ АВПРИ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 2. Л. 76.

³⁶ Там же. Л. 74.

³⁷ На это указывает не слишком умелое нанесение необходимых исправлений, что бросается в глаза.

³⁸ АВПРИ. Ф. 122 Оп. 3. Д. 2. Л. 99–101.

³⁹ Не исключено, что именно эта сабля была представлена волостными управителями Кокчетавского уезда на этнографическую выставку III Международного съезда ориенталистов 1876 г. Если это действительно так, то память о том, что данная сабля когда-то должна была принадлежать хану Аблаю, еще долго сохранялась в казахском народе. Во всяком случае сабля упоминалась, как «шашка» «...с золотой насечкою, подаренная хану Аблаю императрицей Екатериной II». Отмечалось, что она хранилась у сына Аблая – Адиля (?–1815), а после его смерти перешла на хранение к потомкам его старшего брата – Вали-хана [Ерофеева, Усманова, 2014. С. 665].

предназначалось для вручения хану Аблаю (1711–1780). Однако ввиду возникших политических разногласий Аблай отказался принять «знаки ханского достоинства», и сабля, в числе прочих жалованных даров, была оставлена на хранение в Петропавловской крепости. В мае 1781 г. к российским властям с просьбой о передаче ему символов ханской власти и жалования Аблая обратился его сын – новоизбранный хан Вали (1744–1821). При подготовке к передаче сабли-инсигнии новому владельцу в надпись на клинке следовало внести соответствующие изменения. Для этого сабля была отправлена в Оренбург, где местный мастер исправил имя хана и год пожалования. В ходе торжественной церемонии в Петропавловской крепости 1 ноября 1782 г. оружие и было вручено Вали-хану.

На протяжении длительного времени сабля продолжала храниться в семьях знатных казахов. Данная инсигния имеет исключительную научную ценность. Она – единственный дошедший до нас в практически неповрежденном виде оружейный символ власти казахских ханов, уникальная реликвия истории российско-казахских отношений XVIII в.

Список литературы

- Абрамзон И. Я.** Наградное и жалованное оружие России XVII–XVIII вв. По материалам коллекции ГИМ // Из истории русской армии и оружия. М. Сов. Россия, 1987. С. 51–61. (Тр. Государственного ордена Ленина Исторического музея. Вып. 64.)
- Аствацатурян Э. Г.** Турецкое оружие. СПб.: Атлант, 2002. 336 с.
- Ахметжан К. С.** Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. 216 с.
- Ахметжан К. С.** Казахские традиционные ножи (особенности и типология) // Великая степь: военная история: Сб. материалов науч.-практ. конф. Астана, 2017. С. 24–33.
- Бобров Л. А., Пронин А. О.** Типология казахских сабель XVI – середины XIX в. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. Кн. 2. С. 572–581.
- Бобров Л. А., Шереметьев Д. А.** Сабли казахских воинов из фондов Российского этнографического музея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 7: Археология и этнография. С. 223–245.
- Большой атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: Abdi company, 2008. 880 с.
- Броня, оружие, кареты и конская сбруя. Рисунки Ф. Солнцева. СПб.: Белый город, Воскресный день, 2015. 146 с.
- Государева Оружейная палата. СПб.: Атлант, 2002. 408 с.
- Двуреченский О. В.** Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2015. 498 с.
- Дуров В. А.** Русское наградное оружие. М.: Русские витязи, 2010. 324 с. (Серия «Оружейное дело»)
- Ерофеева И. В., Усманова Э. Р.** Внешние знаки отличия правящей казахской элиты XVIII – первой четверти XIX века // Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов: Сб. ист. док.: В 2 т. Алматы: АБДИ Компани, 2014. Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. С. 643–668.
- История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. Т. 2: Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана. 448 с.
- История Казахстана (с древнейших времен до наших дней): В 5 т. Алматы: Атамұра, 2010. Т. 3. 768 с.
- Кушкумбаев А. К.** Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 172 с.
- Ленц Э.** Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметьева. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. 223 с.

- Образцов В. Н.** Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. 232 с.
- Пронин А. О.** Клинок «шои» («кхопеш») XIX века из собрания Российского этнографического музея // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, № 3. С. 209–213.
- Хайдаков К. С.** Персидские сабли. Некоторые вопросы атрибуции. М.: Фронткнига, 2016. 160 с.
- Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. 272 с.
- Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов: Сб. ист. док.: В 2 т. Алматы: АБДИ Компани, 2014. Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. 696 с.; Т. 2: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. 1032 с.
- Alexander D. G.** Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York, The Metropolitan Museum of Art, 2015, 336 p.
- Hilmi Aydin.** Sultanların Silahları. Topkapı Sarayı Silah Koleksiyonu. Ankara, 2012. 227 с. (на тур. яз.).
- Rivkin K., Isaac B.** A Study of the Eastern Sword. Printed in Mankato, 2017, 360 p.

Список источников

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 122. Киргиз-кайсацкие дела. Оп. 2. Д. 11. Киргиз-кайсацкие дела 1745–1770 гг. Расходы для подарков султанам...; Оп. 3. Д. 2. Киргиз-кайсацкие дела Средней орды. 1781–1784. О избрании Вали Султана в Ханское достоинство и о приезде по сему случаю от него депутатов: брата его Ишима с шестью старшинами. Тут же о старшине Байтюке Алдыбаеве (1781–1782).
- Государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 396. Оп. 2. Д. 1938. Дело по требованию графа Салтыкова какие имеются старые сабли и старые клинки 1736 года; Ф. 1239. Оп. 3. Д. 61877. Дело о сделании при алмазной мастерской для Айчувака Солтана Киргиз-кайсацкой меньшей орды сабли с золотым эфесом и с разноцветными камнями.
- Отдел рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля (ОРПГФ ММК). Ф. 1. Оп. 3. Д. 15. Опись Оружейной палаты № 16251–17308.

References

- Abramzon I. Ya.** Nagradnoe i zhalovannoe oruzhie Rossii XVII–XVIII vv. Po materialam kolektsii GIM [Award and Granted Weapons of Russia of the 17th – 18th Centuries. According to the Materials of the State Historical Museum Collection]. In: Iz istorii russkoi armii i oruzhiya [From the History of the Russian Army and Weapons]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1987, p. 51–61 (Series: Proceedings of the State Order of Lenin Historical Museum. Iss. 64) (in Russ.).
- Akhmetzhan K. S.** Etnografiya traditsionnogo vooruzheniya kazakhov [Ethnography of the Traditional Kazakh Weapons]. Almaty, Almatykitap Publ., 2007, 216 p. (in Russ.).
- Akhmetzhan K. S.** Kazakhskie traditsionnye nozhi (osobennosti i tipologiya) [Kazakh Traditional Knives (Features and Typology)]. In: Velikaya step': voennaya istoriya [Great Steppe: Military History]. Collection of Materials of Scientific-Practical Conference. Astana, 2017, p. 24–33. (in Russ.).
- Alexander D. G.** Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York, The Metropolitan Museum of Art, 2015, 336 p.
- Astvatsaturyan E. G.** Turetskoe oruzhie [Turkish weapons]. St. Petersburg, Atlant Publ., 2002, 336 p. (in Russ.).
- Bobrov L. A., Pronin A. O.** Tipologiya kazakhskikh sabel' XVI – serediny XIX v. [Typology of the Kazakh Sabers in the 16th – middle 19th Century]. In: Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh

- vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami [Cultures in the Steppe of Eurasia and their Interaction with Ancient Civilizations]. St. Petersburg, IIMK RAN, Periferiya Publ., 2012, book 2, p. 572–581. (in Russ.)
- Bobrov L. A., Sheremetiev D. A.** Sabli kazakhskikh voynov iz fondov Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya [Sabers of Kazakh Warriors from the Funds of the Russian Museum of Ethnography]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 7: Archaeology and Ethnography, p. 223–245. (in Russ.)
- Bol'shoi atlas istorii i kul'tury Kazakhstana** [The Big Atlas of the History and Culture of Kazakhstan]. Almaty, Abdi company Publ., 2008, 880 p. (in Russ.)
- Bronya, oruzhie, karety i konskaya sbruya.** Risunki F. Solntseva [Armor, Weapons, Carriages and Horse Harness. Drawings by F. Solntsev]. St. Petersburg, Belyi Gorod, Sunday Publ., 2015. 146 p. (in Russ.)
- Durov V. A.** Russkoe nagradnoe oruzhie [Russian Premium Weapons]. Moscow, Russkie vityazi Publ., 2010, 324 p. (Series “Arms”) (in Russ.)
- Dvurechenskiy O. V.** Kholodnoe oruzhie Moskovskogo gosudarstva XV–XVII vv. [Bladed Weapons of Moscow State of the 15th – 17th Centuries]. Tula, “Kulikovo Pole” State museum and memorial estate Publ., 2015, 498 p. (in Russ.)
- Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity 1675–1821 godov** [The Epistolary Heritage of the Kazakh Ruling Elite of 1675–1821]. A Collection of Historical Documents. In 2 vols. Almaty, ABDI Kompani Publ., 2014. (in Russ.)
- Erofeeva I. V., Usmanova E. R.** Vneshnie znaki otlichiya pravyashchei kazakhskoi elity XVIII – pervoi chetverti XIX veka [External Insignia of the Ruling Kazakh Elite of the 18th – first quarter 19th Century]. In: *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity 1675–1821 godov* [The Epistolary Heritage of the Kazakh Ruling Elite of 1675–1821]. A Collection of Historical Documents. In 2 vols. Almaty, ABDI Kompani Publ., 2014, vol. 1: Letters of Kazakh Rulers, 1675–1780, p. 643–668. (in Russ.)
- Gosudareva Oruzheinaya palata** [The State Armoury Chamber]. St. Petersburg, 2002, Atlant Publ., 408 p. (in Russ.)
- Hilmi Aydin.** Sultanlarin Silahlari. Topkapi Sarayi Silah Koleksiyonu. Ankara, 2012, 227 p. (in Turk.)
- Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei)** [History of Kazakhstan (from Ancient Times to the Present Day)]. In 5 vols. Almaty, Atamura Publ., 2010, vol. 3, 768 p. (in Russ.)
- Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv.** [The History of Kazakhstan in Russian Sources of the 16th – 20th Centuries]. Almaty, Dayk-Press Publ., 2005, vol. 2: Russian Chronicles and Official Materials of the 16th – first third of the 18th Century about the Peoples of Kazakhstan, 448 p. (in Russ.)
- Khaidakov K. S.** Persidskie sabli. Nekotorye voprosy atributsii [Persian Sabers. On their Attribution]. Moscow, Frontkniga Publ., 2016, 160 p. (in Russ.)
- Khudozhestvennoe oruzhie iz sobraniya Gosudarstvennogo Ehrmitazha. Katalog vystavki** [Decorated Weapons from the Collection of the State Hermitage Museum. The Exhibition Catalogue]. St. Petersburg, Slavia Publ., 2010, 272 p. (in Russ.)
- Kushkumbaev A. K.** Voennoe delo kazakhov v XVII–XVIII vekakh [Warcraft of the Kazakhs in the 17th – 18th Centuries]. Almaty, Daik Press, 2001, 172 p. (in Russ.)
- Lents E.** Opis' sobraniya oruzhiya grafa S. D. Sheremetyeva [Description of the Collection of Weapons Belonging to Count S. D. Sheremetyev]. St. Petersburg, Typography M. M. Stasyulevich, 1895, 223 p. (in Russ.)
- Obraztsov V. N.** Oruzhie Vostoka v sobranii Ehrmitazha [Weapons of the East in the Hermitage Collection]. St. Petersburg, The State Hermitage Museum Publ., 2015, 232 p. (in Russ.)
- Pronin A. O.** Klinok “shoi” (“kkhopesh”) XIX veka iz sobraniya Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya [The 19th Century “shoi” (khopesh) Blade from the Collection of the Russian Museum

of Ethnography]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, vol. 12, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 209–213. (in Russ.)

Rivkin K., Isaac B. A Study of the Eastern Sword. Printed in Mankato, 2017, 360 p.

List of Sources

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRE)]. F. 122. In. 2. R. 11; In. 3. R. 2.

Gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [State Archive of Ancient Acts (SAA)]. F. 396. In. 2. R. 1938; F. 1239. In. 3. R. 61877.

Otdel rukopisnykh pechatnykh i graficheskikh fondov Muzeev Moskovskogo Kremlya [Department of Handwritten, Printed and Graphic Funds of the Moscow Kremlin Museums]. F. 1. In. 3. R. 15.

Материал поступил в редколлегию

Received

14.02.2020

Сведения об авторах

Бобров Леонид Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований; доцент кафедры археологии и этнографии Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

spsml@mail.ru

ORCID 0000-0001-5071-1116

Новоселов Василий Рудольфович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Музеев Московского Кремля (Кремль, 103132, Москва, Россия)

armoury7@kremlin.museum.ru

Information about the Authors

Leonid A. Bobrov, Doctor of History, leading researcher at the Laboratory for Humanitarian Studies; Associate Professor of Department of Archaeology and Ethnography in Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)

spsml@mail.ru

ORCID 0000-0001-5071-1116

Vasily R. Novoselov, PhD in History, leading researcher at the Moscow Kremlin Museums (Kremlin, 103132, Moscow, Russian Federation)

armoury7@kremlin.museum.ru

Этнография казахского народа в работах Григория Николаевича Потанина

Р. К. Досмурзинов

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
Нур-Султан, Казахстан*

Аннотация

Рассмотрены проблемы изучения традиционной культуры казахского народа, раскрытые в различных научных трудах Григория Николаевича Потанина (1835–1920). На основе проведенного нами исследования его творчества можно выделить такую важную заслугу ученого, как детальное изучение народного фольклора, в том числе генеалогических легенд и преданий, устного и музыкального народного творчества. В работах Г. Н. Потанина содержится также анализ происхождения данных произведений, проводится сравнение их форм и содержания с материалами, известными в творчестве других народов. Много внимания он уделял исследованию истории, этнического состава, особенностей традиционной системы жизнеобеспечения казахского народа, что справедливо считал материальной основой его яркой и своеобразной духовной культуры. Выполненные им описания народного быта до сих пор остаются наиболее полными характеристиками такого рода.

Ключевые слова

Г. Н. Потанин, казахи, традиционная культура, духовная культура, фольклор, музыкальное творчество

Для цитирования

Досмурзинов Р. К. Этнография казахского народа в работах Григория Николаевича Потанина // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 105–109. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-105-109

Ethnography of the Kazakh People in Grigorii Potanin's Studies

R. K. Dosmurzinov

*L. N. Gumilyov Eurasian National University
Nur-Sultan, Kazakhstan*

Abstract

Purpose. In the conditions of accelerated development of modernization processes in Kazakhstan, there is increased interest in the study of Kazakh heritage by historians and ethnographers of the 19th – 20th centuries. The purpose of this work is to identify the main scientific issues in the ethnography of the Kazakhs covered in Grigorii Nikolaevich Potanin's studies. Scientific works of this outstanding scientist in this respect are particularly relevant. Firstly, the researcher was born in one of the fortifications in the Kazakh steppe and had a good command of the Kazakh language as he was familiar with the peculiarities of culture and life of the Kazakh people since his childhood. Secondly, he was a famous ethnographer, a member of the Russian Geographical Society and participated in several scientific expeditions on the territory of Kazakhstan, Mongolia, China. This article deals with studying the traditional culture of the Kazakh people by the famous ethnographer G. N. Potanin (1835–1920). We analyze the main works of the researcher devoted to the study of the spiritual culture of the Kazakh people. On the basis of our study, we identify that the study of folklore was one of central and most important issues among the various scientific aspects G. N. Potanin raised.

Results. G. N. Potanin focused on studying oral folk art of the Kazakh people including genealogical legends. He analyzed the origin of those legends and their similarities with legends of other peoples. The researcher also collected and recorded fairy tales, proverbs, riddles and tongue twisters of the Kazakh people. G. N. Potanin proved the so-called "eastern hypothesis" of the origin and development of the medieval European epic. In our opinion, G. N. Potanin concentrated on studying oral folk art because it reflects the life of the Kazakh people. The researcher noted a certain influence of Islam and Central Asian culture on the traditional culture of the Kazakh people. He studied ethnic composition, social structure, traditional economy and material culture of the Kazakh people.

Conclusion. Thus, the study of Kazakh folklore, including oral and musical creativity, was the main important issue in G. N. Potanin's research. He made conclusions on the ethnic composition, the traditional system of life support of the Kazakh people. In this small work, we noted only a small range of aspects that are reflected in the work of the great researcher. It is necessary to widen the range of archival materials studied to continue investigating the heritage of this outstanding Russian scientist, a true friend of the Kazakh people.

Keywords

G. N. Potanin, Kazakh people, traditional culture, spiritual culture, folklore, musical creativity

For citation

Dosmurzinov R. K. Ethnography of the Kazakh People in Grigori Potanin's Studies. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 105–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-105-109

Введение

В условиях ускоренного развития модернизационных процессов в Казахстане возрос интерес к изучению творческого наследия историков и этнографов XIX–XX вв. Особую значимость для науки имеют работы виднейшего русского этнографа, географа и общественно-политического деятеля Григория Николаевича Потанина (1835–1920). Научный анализ его трудов представлен в работах широкого круга дореволюционных российских исследователей: Н. М. Ядринцева, В. А. Гордлевского, В. А. Ватина (Быстрянского), А. Н. Пыпина, М. К. Азадовского; советских и постсоветских российских ученых: Н. С. Смирновой, И. М. Разгона, З. Ахметова, С. Ж. Сихимбаевой, А. М. Сагалаева, В. М. Крюкова, М. В. Шиловского, Е. П. Ковалышкиной; казахстанских авторов: Н. В. Алексеенко, Ж. О. Артыкбаева, Ж. С. Кузгумбаевой, Г. Х. Рахимжановой. Вместе с тем, несмотря на широкий круг исследований, творческое наследие этнографа продолжает оставаться недостаточно раскрытым и осмысленным.

Так, Ж. О. Артыкбаев описывает многогранность таланта великого исследователя следующим образом: «...Тяга на Восток жила в нем инстинктивно, она влекла его на путешествия в неведомые уголки Монголии, Тибета, Китая. В центре наблюдений Потанина был человек... Он глубоко заглянул в душе инородцев, которые у порога культуры сохраняют мировоззрение кочевника, и жизнь разноплеменных народов Центральной Азии была ему уже понятна и близка... Публицист, поборник образования, ученый Г. Н. Потанин всячески заботился о Сибири, во всем видел широкий размах натуры сибиряка...» [Потанин, 2007. С. 235].

В связи с этим целью настоящей работы является анализ основных научных проблем в этнографии казахов, освещенных в творческом наследии Г. Н. Потанина. Его работы представляют особый научный интерес, поскольку сам он родился в одном из укреплений в казахской степи и прекрасно владел казахским языком, с детских лет был знаком с особенностями культуры и быта казахского народа. Будучи членом Русского Географического общества, уже состоявшийся исследователь являлся участником нескольких научных экспедиций, работавших на территории Казахстана, Монголии и Китая.

Результаты исследований и обсуждение

Одним из основных научных направлений, освещаемых в работах Г. Н. Потанина, являлось изучение фольклора, произведений устного народного творчества казахского народа, в том числе генеалогических легенд и преданий. В своих работах он предлагал результаты анализа происхождения данных произведений, выявления сходных черт с образцами творче-

ства других народов. В четвертом выпуске работы «Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879–1880 годах по поручению Русского Географического общества» исследователь привел записи генеалогических легенд «Алаша хан», «Шон би», «Бала мерген» и многих других. При этом, отмечая необходимость изучения традиционной культуры восточных народов, прежде всего кочевых, этнограф писал: «...Признание важности легенд, преданий и сказок казахов, шире – тюрков и монголов – для развития мировой духовной культуры – вот идейная основа собирания их фольклора» [Казахский фольклор..., 1972. С. 24]. Так, по мнению исследователя, изучение истории тюрко-монгольских этносов предполагает в первую очередь изучение устных источников.

Другим направлением деятельности исследователя являлся сбор и запись сказок, легенд, пословиц, загадок и скороговорок. В работе «Казак-киргизские и алтайские предания и легенды и сказки» он привел записи сказок «Джиренше-шешен», «Алдар Косе», «Ер Тостик», «Алеуко батыр, сын Алекея», преданий «Сабалак», «Таласпай мерген», сказаний «Ир-Кокше и его сын Ир-Госай».

Особое место в творческом наследии Г. Н. Потанина занимал поиск доказательств так называемой «восточной гипотезы» происхождения и развития средневекового европейского эпоса. Этнограф скрупулезно изучал казахские, монгольские, бурятские, алтайские мифы, эпосы, предания об Аттиле, Чингисхане, определял их влияние на создание европейских произведений народного творчества, в том числе «Песни о Роланде». Поэтому исследователи справедливо называют Г. Н. Потанина «одним из первооткрывателей дуалистического мифа в фольклоре тюркоязычных народов, как бы предвосхитившим современные исследования» [Там же. С. 31].

Г. Н. Потанин с большим уважением относился к казахскому народу и его культуре. В работе «В юрте последнего киргизского царевича» ученый описывал казахский народ следующим образом: «Киргизы (казахи. – Р. Д.) народ живой, здоровый, жаждущий жизни; они любят веселье, в костюме любят яркие цвета, в жизни – праздники... Состязания в артистическом искусстве и нарядах воспитывают, может быть, в киргизах некоторую долю тщеславия, что делает их похожими на французов. Подобно афинянам, киргизы необычайно любят новости (хабары); это страсть, которая в молодом поколении заменяется любознательностью... Сердечность киргизского народа рисуется также обычаем заключать братские союзы; такие друзья называются тамырами. У тамыра для тамыра нет ни в чем отказа, какой бы он ценный подарок ни просил» [Потанин, 2005. С. 302].

С истинным восторгом исследователь описывал музыкальное творчество казахов: «...Высокое понятие о поэтическом искусстве выразилось у киргизов в легенде о происхождении песни. Легенда рассказывает, что некогда, именно в те отдаленные времена, когда люди еще не умели петь, песня (конечно, существо небесного происхождения) летала над землей и пела; где она пролетала низко люди хорошо расслышали ее и переняли песни; где высоко, там плохо были слышны ее песни, и народы, населяющие эти земли, остались немusикальными). Над киргизской степью песня пролетала ниже, чем над какой другой страной, и поэтому киргизы – лучшие певцы в мире» [Там же. С. 362]. «...Между киргизскими певцами есть виртуозы в исполнении, которые умеют, – продолжает исследователь, – придать пению выразительность, это не простое пение, а пение с отделкой, артистическое. Киргизский народ потрудился над обработкой своей песни, и потому она вышла такая оригинальная, что при звуках ее сейчас же переносишься в своеобразную киргизскую обстановку; начинаешь вообразать себя в разгоряченном воздухе киргизской степи, среди киргизского пейзажа и даже начинаешь чувствовать ароматы степных трав; так и понесет запахом полыни» [Казахский фольклор..., 1972. С. 31].

Большое значение изучению устного народного творчества Г. Н. Потанин придавал потому, что именно в нем находила свое отражение многообразная картина жизни казахского народа. В указанной выше работе, исследователь привел вариант легенды о Коркыт ата и определил роль поэтического искусства следующим образом: «Может быть, о том же воз-

зрении на поэзию, как на примиряющий с жизнью элемент, свидетельствует и киргизское предание о первом киргизском шамане Куркуте, который, как есть некоторые основания думать, считался по преданию и первым киргизским поэтом... В этой легенде киргизский народ, может быть, выразил мысль, что только искусство красит жизнь и удаляет от нас преждевременно появляющиеся мрачные призраки [Казахский фольклор..., 1972. С. 62].

Вместе с тем Г. Н. Потанин отмечал определенное влияние ислама и среднеазиатской культуры на традиционную культуру казахов. Так, в работе «Сравнение казахского и монгольского народов», приводя отличительные черты каждого из них, он пишет: «Предания киргизов отчасти указывают на Туркестан... У киргиз существуют предания о предках скота Зенг баба, предке коров Чопан ата, предке овец и др. Эти имена локализовались в Туркестане около Самарканда и в Туркменской земле; это говорит за то, что киргизские предания жили и в Туркестане, между тем у Саянских тюрков подобных имен, а также и связанных с ними легенд пока не замечено» [Потанин, 2007. С. 14].

Между тем было бы ошибкой полагать, что этнограф ограничивался лишь изучением духовной культуры казахов. Заметное место в творчестве Г. Н. Потанина принадлежало исследованию этнического состава, социальной структуры, традиционного хозяйства и материальной культуры. Так, в работе «На притоке реки Токрау» он отмечал большое значение орнамента: «Киргизский орнамент считается богатым: он проникает во все щели домашней обстановки; в юрте, благодаря работающей хозяйке, нет ни одного куска войлока, ни одного кусочка кожи, ни одного вершка деревянной поверхности без орнамента. Пол в юртах покрыт войлоком, на белую поверхность которого нанесены куски черной и красной материи, вырезанные симметрично. Задняя стена сплошь уставлена сундуками в войлочных чехлах, поверхность их тоже украшена узорами. Даже войлоки, покрывающие свод юрты, несут на себе орнамент. Гений трудолюбивой киргизки превратил юрту в картинную галерею или, точнее сказать, в выставку орнамента» [Потанин, 2007. С. 17].

Несмотря на потрясения и трагедии рубежа XIX–XX вв., Г. Н. Потанин твердо верил в светлое будущее казахского народа: «Народ, который в песне видит откровение божие, имеет право жить и творить. В его похоронных и свадебных обрядах и судебных обычаях столь много особенного, указывающего на сложную жизнь, прожитую киргизским народом, в преданиях, народной эпике, в чертах родного характера так много оригинального, что в этом историческом наследстве, которое может доставить большой материал ученым для изучения, киргизская жизнь найдет впоследствии элементы для развития в более здоровом направлении. Пусть почва степей усыхает, пусть природа окажется бессильною в борьбе с надвигающимся веянием пустыни, для киргизской жизни есть обильный источник и средств в духовном организме народа, если только сами киргизы от него не отвернутся» [Потанин, 2005. С. 68].

Н. Н. Яновский (с учетом того факта, что заметная часть казахов проживала на территории, относимой официально к Западной Сибири), весьма справедливо охарактеризовал роль и значение его деятельности: «Этические нормы, которым следовал Потанин всю жизнь, и сегодня сохраняют свою действенную силу. Потанин и Ядринцев стремились создать в Сибири такую культурную среду, которая поднимала бы все ее народы на новую ступень их духовного, нравственного развития» [Яновский, 1988. С. 85].

Заключение

Исходя даже из краткого анализа научного творчества и общественной деятельности Г. Н. Потанина видно, что он является примером настоящего гражданина и исследователя, беззаветно преданного своему делу. Результаты занимающих важное место в творческом наследии Г. Н. Потанина исследований фольклора, в том числе устного и музыкального творчества, а также этнического состава, традиционной системы жизнеобеспечения казахского народа, актуальны до сих пор.

В данной работе отмечен лишь небольшой круг научных проблем, нашедших отражение в творчестве великого исследователя. Необходимо, привлекая широкий круг архивных материалов, продолжать изучение наследия ученого – истинного друга казахского народа.

Список литературы

- Потанин Г. Н.** Избр. соч.: В 3 т. Павлодар: ЭКО, 2005. Т. 3: Труды по истории, этнографии и фольклору. 500 с.
- Потанин Г. Н.** Труды по этнографии и фольклору. Астана: Изд-во Павлодар. гос. ун-та, 2007. 248 с.
- Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина (Архивные материалы и публикации). Алма-Ата: Наука, 1972. 382 с.
- Яновский Н. Н.** Писатели Сибири: Избранные статьи. М.: Современник, 1988. 494 с.

References

- Potаниn G. N.** Izbrannye sochineniya [Selected Studies]. In 3 vols. Pavlodar, EKO Publ., 2005, vol. 3: Works on History, Ethnography and Folklore, 500 p. (in Russ.)
- Potаниn G. N.** Trudy po etnografii i fol'kloru [Works on Ethnography and Folklore]. Astana, Pavlodar State Uni. Publ., 2007, 248 p. (in Russ.)
- Kazakhskii fol'klor v sobranii G. N. Potanina (arkhivnye materialy i publikatsii) [Kazakh Folklore in the Collection of G. N. Potanin (archival materials and publications)]. Alma-Ata, Nauka, 1972, 382 p. (in Russ.)
- Yanovskiy N. N.** Pisateli Sibiri: Izbrannye stat'i [Siberian Writers: Selected Articles]. Moscow, Sovremennik Publ., 1988, 494 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
14.01.2020

Сведения об авторе

Досмурзинов Рустем Куандыкулы, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института «Абай академиясы» Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (ул. Сатбаева, 2, Нур-Султан, 010008, Казахстан)
rustem.dosmurzinov@mail.ru

Information about the Author

Rustem K. Dosmurzinov, Leading Researcher at the Abai Academies Research Institute at the L. N. Gumilov Eurasian National University (2 Satbayev Str., Nur-Sultan, 010008, Kazakhstan)
rustem.dosmurzinov@mail.ru

УДК 398'54
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-110-118

Энтомологические образы в мировоззрении бурят

А. А. Бадмаев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Работа посвящена выявлению комплекса традиционных воззрений бурят, связанных с насекомыми. В народной зооклассификации они выделялись в отдельный класс, основными признаками которого были небольшие размеры и проворность. Данный класс делился на отдельные группы: «крылатые насекомые»; «черви-жуки»; «общественные насекомые» и др. Сфера обитания как критерий вычленения бурятами классов животного мира в случае с насекомыми не играла особой роли. Общую положительную характеристику имели муравей и пчела, а негативную – овод, комар, оса, моль, мотыль, клоп, вошь и блоха. Выяснено, что насекомые уподоблялись иным животным (крупному рогатому скоту, птицам и др.). С крылатыми насекомыми (пчелой и осой) была связана идея о душе. Часть насекомых считалась носителями плодородия (муравей, пчела); с некоторыми была сопряжена идея оборотничества. Но в целом насекомые слабо представлены в мифоритуальных комплексах бурят. Выявлено, что ряд их представлений о насекомых схож с мифологическими воззрениями других народов.

Ключевые слова

буряты, традиционное мировоззрение, шаманизм, буддизм, насекомые, фольклор

Благодарности

Исследование проведено при поддержке проекта НИР «Символ и знак в культуре народов Сибири: XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения»

Для цитирования

Бадмаев А. А. Энтомологические образы в мировоззрении бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 110–118. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-110-118

Entomological Images in the Worldview of the Buryats

A. A. Badmaev

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The aim of this study is to identify a set of traditional views of the Buryats associated with insects.

Results. In the popular zoological classification of the Buryats, the insects were distinguished as a separate class due to their small size. Another sign of this class was the characteristic of insects being nimble. Insects were divided into such groups as “winged insects”, “worms and beetles”, “social insects” and others. Images of insects that live in the sky, water and on earth were not always determined by their habitat. According to the Buryat views, there was a group of chthonic creatures, such as midges, flies, lice, fleas and beetles. At the same time, there existed a popular belief that insects appeared as falling from the sky. By contrast with other classes of animals, insects in Buryats beliefs were not personified in a single spirit as the patron of insects. Images of representatives of the order of Lepidoptera, such as butterflies and moths, are rarely present in the traditional worldview of the Buryats. According to their views, in addition to the presence of wings, the most important feature of many Diptera insects is their ability to produce monotonous sounds while flying – buzz, and this quality is reflected in the Buryat vocabulary. The Buryats believed that certain insects had unique features. For instance, the bee had a feminine essence. It is worth noting that the bee was

© А. А. Бадмаев, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography

included into a limited group of animals, together with a swallow and an ant, whose presence in the Buryat dwelling was considered favorable for the life of the family. According to the Buryats' mythological views, only ants had a hierarchy in their groups.

Conclusion. Our analysis has shown that insects were not very important creatures in the Buryats' beliefs. However, some insects had distinct characteristics. The ant and the bee were considered to be positive, while the gadfly, mosquito, wasp, moth, bug, louse and flea negative. It should also be noted that the chthonic origin of the ant did not determine its final connotation. The Buryats often compared insects to other animal species. The material considered shows that they associated a soul with opposite images of bees and wasps. Some insects were connected with the idea of lycanthropy and the symbolism of fertility, such as the ant and the bee. Unlike other classes of animals, insects were vaguely represented in the myth-ritual practices of the Buryats. Some Buryat views on insects find parallels with the mythological judgments of other peoples, such as the Mongols, Slavic tribes, etc., which is explained by the universal character of the images, typological coincidences and intercultural contacts (primarily with the Mongols).

Keywords

The Buryats, traditional worldview, shamanism, Buddhism, insects, folklore

Acknowledgments

The study was supported by the research project "Symbol and Sign in the Culture of the Peoples of Siberia: 17th – 21st Centuries: Actualization and Conservation Strategies"

For citation

Badmaev A. A. Entomological Images in the Worldview of the Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 110–118. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-110-118

Введение

В мифологическом сознании разных народов образы насекомых распространялись на представления о космосе, природных явлениях, демонологии, болезнях; они проникали в обрядность, язык и т. д. Например, у славян пчелы ассоциировались со звездами, бабочки и божьи коровки – с небом; по их представлениям, кусающие насекомые и домашние паразиты имели демоническую природу, служили источниками болезней [Гура, 1997]. Изучение образов насекомых позволяет расширить знания о традиционном мировоззрении, являющемся одной из основных этнических характеристик любого народа.

В мифолого-религиозных представлениях бурят важное место занимали образы животных. Среди зооморфных персонажей выделялись насекомые – беспозвоночные членистоногие животные, являющиеся самым многочисленным зоологическим классом. Актуальность изучения воззрений о насекомых диктуется включением их образов в ряд сфер традиционной культуры. Поскольку энтомологические образы в этнографии бурят еще не становились объектом специальных изысканий, целью данного исследования является выявление комплекса традиционных воззрений бурят, связанных с насекомыми.

Источниками для работы послужили литературные данные (этнографические и лингвистические труды, фольклорные произведения) и полевые материалы автора. Отдельно следует выделить этнографические труды М. Н. Хангалова, опирающиеся на полевые сборы конца XIX в. и посвященные верованиям и обрядности у разных территориальных групп предбайкальских бурят [1958]. Основным лингвистическим источником стал бурятско-русский словарь «Буряад-оруд толи» [2010], в котором приводятся диалектные названия насекомых, а также различные пословицы и фразеологизмы, посвященные им. Интересными представляются сведения о бурятских антропонимах, собранные А. Г. Митрошкиной [1987]. В работе использованы также бурятские фольклорные произведения разных жанров (эпика, сказки, пословицы, загадки, поверья и т. п.), собранные и опубликованные авторами конца XIX – XX в.: Ш. Л. Базаровым [1902], Е. В. Баранниковой, С. С. Бардахановой, В. Ш. Гунгаровым [Бурятские волшебные сказки, 1993], Н. С. Болдоновым [1949], Ц. Ж. Жамцарано [2001], Г. Н. Потаниным [1883], М. Н. Хангаловым [1958; 1959; 1960], М. П. Хомоновым [Айдурай мэргэн, 1979] и др. Определенный интерес представляют полевые материалы автора, собранные в 2018 г. в Селенгинском районе Республики Бурятия.

В исследовании используется структурно-семиотический метод, согласно которому устанавливаются символы, сопряженные с насекомыми. Теоретическую базу работы составляют труды таких отечественных исследователей, как А. В. Гура [1997] и И. Ю. Винокурова [2007].

Общая характеристика

Насекомые (*хорхой шабхай*) выделялись в отдельный класс прежде всего из-за своих небольших размеров. В народной зооклассификации бурят они обозначаются еще одним термином – *шумуул*, являющимся однокоренным слову *шумууһан* ‘быстрый, проворный’ [Буряад-ород толи..., 2010. С. 622]. Это указывает на один из важных признаков представителей данного класса – проворность.

Насекомые подразделялись на группы: *далита шумуулнууд* (‘крылатые насекомые’); *хорхой сохонууд* (‘черви-жуки’); *олоороо байрлалаг шумуулнууд* (‘общественные насекомые’). Понятна достаточная условность такого деления, учитывая, что некоторые насекомые в течение жизни могут быть отнесены к разным группам и даже классам народной зооклассификации. Например, личинка мясной мухи воспринималась как змееобразное, а взрослая особь – как крылатое насекомое. При этом буряты нередко были знакомы с жизненным циклом таких животных, на что указывает следующая пословица: *Ниидэхэ юмэнһээ мулхихэ юмэн турэбэ* «Родилась ползonoгая от летающей» (гусеница от бабочки) [Болдонов, 1949. С. 124, 125].

Бурятская терминология учитывает и различия в способе питания насекомых: *шуһа хородог, хадхадаг шумуулнууд* (‘сосущие, жалящие насекомые’); *мэрэдэг шумуулнууд* (‘грызущие насекомые’).

Согласно народным воззрениям, представителям этого класса присущи разные виды рождения: *ухэн тёрёл (оохэн турэл)* (‘рождение из жира’ – личинки мясных мух); *ногон тёрёл* или *ногоон турэл* (‘рождение из травы’ – гнус, кобылка и др.); *шоро тёрёл* или *шорой турэл* (‘рождение из земли’ – муравьи) [Хангалов, 1959. С. 219].

Сфера обитания как критерий вычленения бурятами классов животного мира в случае с насекомыми не играла особой роли. Образы представителей данного класса, которые обитают и в небе, и в воде, и на земле, не всегда определяются приписываемыми традиционным мировоззрением качествами этих природных сред.

В бурятском языке содержатся имена, омонимичные названиям насекомых, в частности *Буургана* от *буургана* (‘комар’), *Зугэй* от *зугы* (‘пчела’) [Митрошкина, 1987. С. 83]. К их числу можно отнести также имя героя сказки «Бохон-хобун» или «Бооһэн-хубуун» (‘вошь-парень’). Очевидно, такие имена имели охранительный характер, защищая от посягательств нечистой силы.

В контексте рассматриваемой темы следует различать позиции буддизма (в XIX в. укоренившегося в массе бурят Забайкалья, части бурят других субрегионов Юго-Восточной Сибири) и шаманизма. Первый, признавая возможность перерождения души в разных формах жизни, особо призывал своих адептов бережно относиться к насекомым: «Не лишай жизни разные существа, даже такие мелкие, как вша в гнезде. Иначе сократятся твои добродетели и долголетие даже в настоящей жизни» [Галшиев, 2012. С. 107]. Для бурятского шаманизма в меньшей степени была характерна такая экологичность, что накладывало отпечаток на поведение его последователей.

Энтомологические образы в мифологии, фольклоре и языке бурят

Часть насекомых буряты считали связанными с Нижним миром. Полагали, что насекомыми заселены четыре из девяти разновидностей *тама* (ада); по-другому, было семь адов, включая *бооһэнэй тама* (‘вшивый ад’), *сохын тама* (‘жучий ад’), *шоргоолжон тама* (‘му-

равьиный ад'), ад маленьких вшей; жучий ад [Хангалов, 1959. С. 281]. В космогоническом мифе демиург отдает чёрту Шолмо (по Ц. Ж. Жамцарано, именуемому Архан [Жамцарано, 2001. С. 84]) за оказанную помощь в сотворении земной суши – столько земли, сколько поместится под воткнутым колышком. Но из образовавшейся ямы вылезли на белый свет разные гады (черви, жуки, змеи и др.) [Сказания бурят..., 1890. С. 70–71]; по Ц. Ж. Жамцарано это были гнус, мухи и др. вредоносные насекомые – «юһу юһуной» [2001. С. 84]. Добавим, что аналогичный мифический сюжет зафиксирован у других монгольских народов [Потанин, 1883. С. 223]. Гнус, мухи, вши, блохи и жуки относились к хтоническим существам.

В фольклоре бурят указывается и на иное происхождение гнуса (комаров, мошек, слепней) и т. д. В героическом эпосе «Гэсэр» создателями перечисленных выше двукрылых насекомых названы дьявол Гал Нурман и его помощники – «девятьсот желто-сине-черных демонов (чертей)» [Гэсэр, 1986. С. 74]. Последние возникли из шеи поверженного главы восточных небожителей Атай Улаана, чье тело было низвергнуто на землю (в этом сюжете, кстати, можно видеть идею происхождения земной нечисти от падения с небес, отмечаемую, например, у вепсов [Винокурова, 2007. С. 32]. Отличительными чертами поведения таких демонов являются ползание и жужжание – качества, присущие ими созданным существам:

Как черви, ползают,
Как мухи, жужжат,
Свободой пользуясь,
Людям вредят
[Гэсэр, 1986. С. 76].

Образы представителей отряда чешуекрылых (бабочки, мотылька, моли) почти не запечатлены в традиционном мировоззрении бурят. *Хуйр, хибэ(н)* ('моль') определенно являлась мифологическим персонажем с отрицательным значением. Этот домашний вредитель, по поверью предбайкальских бурят, был женой татарина; супруги из-за своей скупости были обращены в клопа и моль [Хангалов, 1960. С. 378–379]. Мотыль, судя по его бурятским названиям – *ноён эрбээхэй* ('начальник-бабочка'), *удаган эрбээхэй* ('шаманка-бабочка'), тоже не воспринимался положительно.

В бурятском языке существуют разные номинации двукрылых насекомых. Это *батаганаан, аляаһан* ('муха'), *хара аляаһан* ('комнатная муха'), *боргооһон, буургана, бургууһан* ('комар'), *бошхо, мухар бошхо, жэжэ боргооһон, илааһан* ('мошка'), *хууханша илааһан* ('мелкая мошка'), *хэдэгэнэ(н), хоно, гуур* ('овод'), *хусэр гэнэй* ('личинка овода').

Помимо наличия крыльев, важнейшим признаком многих из них является способность издавать в полете однообразные звуки (жужжать). Данное их качество нашло отражение в бурятской лексике: *дунгинэмэ* 'жужжащий (комар, муха, пчела)'; *жиияха* (о летящем шмеле), *хииганаа(н)* 'жужжание мух'. Проиллюстрировать сказанное можно загадкой о пчелке, в которой передаются издаваемые этим насекомым звуки: *Бур бур дуутай боро торгон дэгэлтэй, хор хор дуутай хара торгон дэгэлтэй* «Бур-бур поет и в бурую шелковую шубу одет, хор-хор поет и в черную шелковую шубу одет» [Материалы для изучения..., 1911. С. 113].

В эпических произведениях герои нередко оборачивались в указанных выше насекомых: муху [Сказания бурят..., 1890. С. 27]; комара [Айдурай мэргэн, 1979. С. 115]; овода [Сказки бурят..., 1997. С. 27]. Овод и комар имеют в фольклорном материале ярко выраженные отрицательные характеристики. Примером тому является сказочный персонаж – огромный овод, узнавший по поручению владыки подземного мира, что человеческая кровь слаще всего на свете [Бурятские народные сказки..., 2000. С. 91–93] (похожий сюжет был записан Г. Н. Потаниным [1883. С. 183] у дербетов Монголии, только там место овода занимала оса). Гиперболизация как литературный прием также используется применительно к образу комара: в эпосе «Гэсэр» напавшие на младенца Гэсэра комары размером «с откормленную лошадь» [1986. С. 97].

Вероятно, буряты уподобляли овода утке, по крайней мере представляется не случайным обозначение их одним словом *хоно* ('овод, чирок-свиистунок, селезень, утка' [Буряад-оруд

толи..., 2010. С. 560]. Добавим, что в бурятской лексике встречаются и другие примеры, когда насекомое и птица имеют общее название: например, *шиигануур* ('навозный жук, жук-носорог, пищуха') [Там же. С. 613].

Буряты особо выделяли комара как кровососущее насекомое, придавая ему образные черты врача-хирурга: *Нудаһаа мэдэхэгуй аад, хануураша* («Хоть и не ведаёт, где сосуды, но ланцетом пользуется сполна»). Это его качество подчеркивается и в такой загадке:

*Эмшэ бэшэ аад хануураша,
Номшо бэшэ аад ямбаша*
[Онъһон угэнууд..., 1956. С. 24].
(Не является лекарем, а кровопускатель,
Не богослов, а почитаемый)
(пер. наш. – А. Б.)

Относительно *бооһэн* ('вша') интересна пословица, в которой предвестником появления этого кровососущего паразита назван ворон, по народным воззрениям, наделенный отрицательными качествами; при этом оба животных связываются с наступлением ненастья:

*Боохойн урда хирээ,
Бороогой урда һалхин*
[Онъһон угэнууд..., 1956. С. 13].
(Ворон появляется перед вошью,
Ветер предшествует дождю)
(пер. наш. – А. Б.)

Целый ряд бурятских загадок передает негативную коннотацию образа вши: *Бошхи дээрэ хошки, хошки дээрэ ой, ой соо шоно* («На бочке – кочка, на кочке – лес, в лесу – волк») [Материалы для изучения..., 1911. С. 111]; *Ой соо гахай* («В лесу свинья», т. е. вошь в волосах) [Сборник монголо-бурятской народной поэзии, 1910. С. 122]. Дело в том, что образы волка и свиньи имели у бурят преимущественно отрицательные характеристики.

Наряду с вошью вред людям причиняла *булуудха* ('блоха'), которая, как буряты полагали, была создана чертом Маратом (Шолмосом) для терзания человека [Жамцарано, 2001. С. 108]. Ее отождествляли с ракообразной дафнией – существом, связанным с водной средой: она иносказательно обозначалась как *уһанай булуудха* ('водяная блоха'). Такая ассоциация видится не случайной и базируется, скорее всего, на представлении о ней как образе с отрицательной коннотацией.

О *шоргоолзон* ('муравей') как домашнем покровителе позволяет говорить бытовавшее у предбайкальских бурят представление, согласно которому благополучной является юрта с венцом из дерева, где раньше располагалось муравьиное гнездо. Положительно оценивали и ситуацию, когда под фундаментом жилища селились муравьи [Хангалов, 1960. С. 75].

По мифологическим воззрениям, у муравьев существует иерархия. Считали, что к числу шести мифических царей животного мира принадлежал муравьиный царь Широ-темен-шургалжин-хан (в героическом эпосе «Айдурай мэргэн» он назван «Муравьиный Богдо-хан» [1979. С. 81]). Ниже его, как полагали, был Билтагар-шургальжан, возглавляющий отдельный муравейник [Хангалов, 1960. С. 220].

Муравьев сравнивали с домашним скотом, что находит параллели в других культурах (например, у славян [Гура, 1997. С. 512] и вепсов [Винокурова, 2007. С. 19]). В частности, это выразилось в бурятском названии крупных видов муравьев (красного лесного и черного) – *ухэр шоргоолзон* ('корова-муравей'). Такое суждение прослеживается и в фольклорном тексте:

Когда дальше поехала,
Стада и табуны,
Хана Эжи Мунку,
Подобно муравьям в муравейнике,
Кишмя кишели
[Айдурай мэргэн, 1979. С. 88].

Поскольку у бурят рогатый скот и лошади соотносились с плодородием, то и муравей, вероятно, также нес данную символику.

Бурят восхищала физическая сила муравья, что отразилось в следующей загадке: *Хара болобошье хара шэршуу бэшэ, эбэртэй болобошье сар бэшэ, азарга хултэй болобошье туруугуй* («Черен, но не шелк, с рогами, но не бык, с ногами жеребца, но без копыт» [Болдонов, 1949. С. 122–123]. То же отношение к насекомому обнаруживается и в благопожелании бурят:

Шураг адли олон боложо,
Шургалжан адли хуштэй болооройт!
(Как бусинки, многочисленными станьте,
Как муравьи, сильными станьте!)
[Фольклор..., 1999. С. 123]

С этим насекомым ассоциировалось обладание тонкой талией: *Шоргоолзон адли* («Как муравей» – перехват в талии). О данном признаке муравья говорится и в такой загадке: *Хадаһаа хальтаршагуй, харбаа һаа оногдошогуи, дундуураа таһархай баатар* («Богатырь – в середине тоненький, с горы не скатывается, стреляешь в него – не попадаешь» [Болдонов, 1949. С. 120–121].

В народной медицине известно острое гнойно-некротическое воспаление *шоргоолзон хадьха* (букв. «муравьиный чирей, карбункул»). Вероятно, такое название было дано на почве представления о том, что причиной заболевания является муравьиный укус.

Из числа иных общественных насекомых известны *зугы* («пчела»), *шаргал зугы* («желтая пчелка»), *зугын сар* («рабочая пчелка»); *газар зугы* («шмель, земляная пчела»), *хубуун зугы* («трутень»), *шара зугы, хорото шара, хэдэгэнэ(н)* («оса»); *шара хэдэгэнэ* («желтый шмель»). Можно предположить, что у бурят образ пчелы соответствовал женскому началу. Подтверждение этому находим в следующей загадке:

Шаралдайские девушки в желто-пестрых платьях,
Харганайские девушки в темно-пестрых платьях
[Там же. С. 122–123].

Хорошей приметой было устройство пчелами гнезда в срубной юрте или в одежде [Хангалов, 1960. С. 74]. Следует отметить, что пчела входила в ограниченный круг животных (ласточка, муравей), чье обитание в бурятском жилище считалось благоприятным для жизни семьи. О положительной коннотации данного насекомого также свидетельствует его восприятие в образе буддийского монаха: *Далан долоон шугуйда Дандар ламайин һуухнайин һанжаатай* («В семидесяти семи рощах с висящим местом, где восседает Дандар лама» – пчелиное дупло) [Жамцарано, 2001. С. 254–255]. В загадке обыгрывается внешнее сходство желтой тоги ламы с основным цветом волос тела пчелы, а монотонное чтение молитв – с гулом, исходящим из пчелиного дупла.

Подобно муравьям, пчелы также отождествлялись с домашним скотом: «У пестрой коровы – вкусное молоко, но острые рога» [Базаров, 1902. С. 24].

Пчела – одно из насекомых (у М. Н. Хангалова есть упоминание еще о жуке, называемом *тархалжин*, которого нам не удалось идентифицировать [Хангалов, 1958. С. 326]), образ которого нашел отражение в шаманской обрядности бурят. Ее изображение известно в наскальных рисунках в священных для шаманистов местах, а также на онгонах Ухин-хат и Зурактан [Там же. С. 326]. Пчела рассматривалась как дух-помощник шамана в его мистических путешествиях.

Определенным антиподом пчеле являлась оса, которую сближали с нечистыми существами – в бурятском фольклоре известен образ представителя нечистой силы *шара хэдэгэнэ* («исполинская желтая оса»). Когда в жилище или хозяйственных постройках обнаруживалось осиное гнездо, от него старались поскорее избавиться, унося подальше со двора (ПМА: В. Н. Рыгзынова).

Отдельно коснемся вопроса о мотиве души в образе насекомого в бурятской традиции. М. Н. Хангалов первым обратил внимание на то, что у монгольских народов душа воплощалась в пчеле, в отличие от славян, у которых она представлялась в образе бабочки [Хангалов, 1958. С. 394–395]. Кроме того, у бурят имело место противопоставление насекомого-души, демонологических персонажей и людей. В сказке «Тысхэ Бисхэ – сын старика и старухи» душа кровожадного чудовища мангадхая являет собой рой ос, спрятанный в рогах барана [Бурятские волшебные сказки, 1993. С. 159]. Очевидно, боязнь погубить чью-либо душу был продиктован запрет у бурят убивать пчел и ос.

Заключение

В мифоритуальной практике бурят насекомые, в отличие от других классов животных, были представлены мало. Анализ мифологических представлений этноса позволяет выделить лишь узкий круг персонажей, которым отдавалось предпочтение. Остальные (гнус, домашние паразиты, муха, жук и др.) по большей части имели хтоническое происхождение. Бабочка, моль, мотыль, пчела, оса, овод и др., согласно трехчастной шаманской картине мира, связывались с Верхним и Средним мирами. Обратим внимание, что в отличие от других классов животных буряты не персонифицировали единого духа-покровителя у насекомых.

Энтомологические образы в ряде случаев наделялись полисемантизмом. Положительной коннотацией обладали муравей и пчела (их позитивные характеристики были связаны с тем, что они считались домашними покровителями и наделялись символикой плодородия), отрицательной – овод, комар, оса, моль, мотыль, клоп, вошь и блоха. Следует также констатировать, что хтоническое происхождение муравья не определяло его конечную коннотацию, а мотив души связывался с противоположными образами пчелы и осы. С насекомыми соотносилась и идея оборотничества. Было характерно уподобление насекомых другим представителям животного мира. Сопоставление выделенной у бурят галереи таких персонажей с известными в этнографической литературе энтомологическими рядами других народов [Гура, 1997. С. 416–526; Винокурова, 2007. С. 30] обнаруживает, что ее основу составляют универсальные и типологические образы. Это объясняется имевшимися в глубоком прошлом межкультурными контактами. Вместе с тем такой вывод не умаляет своеобразие и оригинальности бурятского комплекса представлений о насекомых.

Список литературы

- Айдурай мэргэн. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. 127 с.
- Базаров Ш. Л.** Двести загадок агинских бурят // Тр. КОПОИРГО. 1902. Т. 5, вып. 1. С. 22–34.
- Болдонов Н. С.** Загадки бурят-монголов: Из старинного сборника Харбасарова // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1949. С. 120–125.
- Бурятские волшебные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. Т. 5. 341 с.
- Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 20. 304 с.
- Винокурова И. Ю.** Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 46 с.
- Галшиев Э.-Х.** Бэлигэй толи. Зерцало мудрости. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. 228 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. 1. 288 с.
- Жамцарано Ц. Ж.** Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

- Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка // Изв. ВСОИРГО. 1911. Т. 42. С. 111–136.
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. Вып. 2: Материалы этнографические. 1026 с.
- Сборник монголо-бурятской народной поэзии. СПб., 1910. Вып. 1. 37 с.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. 1890. Т. 1, вып. 2. 160 с.
- Сказки бурят Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 122 с.
- Фольклор Курумчинской долины. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 136 с.
- Хангалов М. Н.** Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.; 1959. Т. 2. 444 с.; 1960. Т. 3. 421 с.
- Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2010. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Онъһон угэнууд, таабаринууд. Улан-Удэ: Бурят-монголой номой хэблэл, 1956. 40 с. (на бурят. яз.)

Полевые материалы автора

Рыгзынова В. Н., 1947 г. р., г. Гусиноозерск (Республика Бурятия). Дата записи – август 2018 г.

References

- Aidurai mergen. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1979, 127 p. (in Russ.)
- Bazarov Sh. L.** Dvesti zagadok aginskikh buryat [Two hundred mysteries of the Aghin Buryats]. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Labours of Troitskosavsk-Kyakhtinsky Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society], 1902, vol. 5, iss. 1, p. 22–34. (in Russ.)
- Boldonov N. S.** Zagadki buryat-mongolov: iz starinnogo sbornika Kharbasarova [Mysteries of the Buryat-Mongols: From an Old Collection of Kharbasarov]. In: *Sbornik trudov po filologii* [Collection of Works on Philology]. Ulan-Ude, Buryat-Mongolian Book Publ., 1949, p. 120–125. (in Buryat, Russ.)
- Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010, vol. 2, 708 p. (in Buryat, Russ.)
- Buryatskie narodnye skazki: O zhivotnykh. Bytovye [Buryat Folk Tales: About Animals. Domestic Fairy Tales]. In: *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka, 2000, vol. 20, 304 p. (in Buryat, Russ.)
- Buryatskie volshebnye skazki [Buryat Fairy Tales]. In: *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]. Novosibirsk, Nauka, 1993, vol. 5, 341 p. (in Buryat, Russ.)
- Fol'klor Kurumchinskoi doliny [Folklore of Kurumkansky Valley]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 1999, 136 p. (in Russ.)
- Galshiev E.-Kh.** Beligei toli. Zertsalo mudrosti [A Mirror of Wisdom]. Ulan-Ude, NovaPrint, 2012, 228 p. (in Russ.)
- Geser. Buryatskii narodnyi geroicheskii epos [Geser. Buryat National Heroic Epic]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1986, vol. 1, 288 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii [Animal Symbolism in Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p. (in Russ.)
- Khangalov M. N.** Sbranie sochinenii [A Collection of Works]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1958, vol. 1, 551 p.; 1959, vol. 2, 444 p.; 1960, vol. 3, 421 p. (in Russ.)

- Materialy dlya izucheniya buryatskoi narodnoi slovesnosti i yazyka [Materials for the Study of Buryat Folk Literature and Language]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society], 1911, vol. 42, p. 111–136. (in Russ.)
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [The Buryat Anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)
- On'hon ygenuud, taabarinuud [Proverbs, Riddles]. Ulan-Ude, Buryat-Mongolian Book Publ., 1956, 40 p. (in Buryat)
- Potanin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1867–1877 gg. po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Sketches of North-Western Mongolia: Results of a Journey Performed in 1867–1877, on Behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, Typography V. Kirshbaum Publ., 1883, iss. 4, 1029 p. (in Russ.)
- Sbornik mongolo-buryatskoi narodnoi poezii [Collection of Mongol-Buryat Folk Poetry]. St. Petersburg, 1910, iss. 1, 37 p. (in Russ.)
- Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami [Buryat Legends Recorded by Different Collectors]. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society], 1890, vol. 1, iss. 2, 160 p. (in Russ.)
- Skazki buryat Mongolii [Tales of the Buryats of Mongolia]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 1997, 122 p. (in Russ.)
- Vinokurova I. Yu.** Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii) [Animals in the Traditional Worldview of the Veps (Experience of Reconstruction)]. Dr. Hist. Sci. Syn. Diss. St. Petersburg, 2007, 46 p. (in Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh.** Putevye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel Diaries 1903–1907]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 2001, 382 p. (in Russ.)

Author's Field Materials

Rygzynova V. N., born in 1947, Gusinoozersk (Republic of Buryatia). Recorded Date – August 2018.

Материал поступил в редколлегию
Received
12.01.2020

Сведения об авторе

Бадмаев Андрей Андреевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
badmaevaa@ngs.ru
ORCID 0000-0002-9525-4366

Information about the Author

Andrew A. Badmaev, Doctor of History, Senior Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
badmaevaa@ngs.ru
ORCID 0000-0002-9525-4366

Номинации жилищ и некоторые вопросы их генезиса в традиционной культуре хакасов

Е. В. Прищепа

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории
Абакан, Россия*

Аннотация

Одной из малоисследованных сфер в истории хакасов является их жилищное строительство. Существует проблема соотнесения малоизвестных номинаций жилых построек с существующими в конструктивном отношении типами. В связи с этим изучается жилище *чарга иб* в его соотношении с объектом *тос иб*. Рассматривается понятие *ўбе*, которое, по мнению автора, в конструктивном отношении является одним из типов жилищ алтайцев, а его номинация – диалектным вариантом, образованным от слова *иб* и получившим бытование в хакасско-шорской зоне культурных контактов. Вопросы генезиса отдельных типов жилищ рассматриваются для традиционных жилищ каркасно-столбовой и срубной конструкций. Для каркасно-столбовой конструкции это рассмотрено на примере *ат иб* и *отак / одаг*. На древность постоянного жилища *ат иб* указывает архаичность его конструкции и неперебиваемость номинации в настоящее время. Показан генезис сезонного жилища *отак / одаг*. Жилище срубной конструкции *тура* рассматривается как автохтонное для населения Саяно-Алтая, а его бытование и конструктивные видоизменения обуславливались влиянием русской строительной культуры.

Ключевые слова

Хакасия, хакасы, традиционная культура, жилище, номинация, генезис

Для цитирования

Прищепа Е. В. Номинации жилищ и некоторые вопросы их генезиса в традиционной культуре хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 119–133. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-119-133

Names for Houses and Some Issues on Their Genesis in the Traditional Khakass Culture

E. V. Prishchepa

*Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Abakan, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article is devoted to the study of nominating the items of traditional Khakass housing in the Sayan-Altai region. We considered difficult issues of their genesis focusing on a number of poorly researched types of housings.

Results. The study analyzes the use of the names of traditional Khakass dwellings that are well-known in Ethnography, including their rare dialect nominations recorded by domestic ethnographers. It is noted that some nominations studied are used to determine a house as an object of material culture, whereas other nominations demonstrate a clarifying characteristic, which ultimately determines the differences in the nominations. We considered interpretations of the names of a number of nomad dwellings, such as the name of an archaic housing of taiga Khakass “*at ib*”. Genesis of the dwellings names is shown in relation to log housings (*tura*) and frame-pillar constructions (*at ib*, *otah* / *otag*) of the Khakass, which represents a modern trend of studying the Khakass’ material culture.

Conclusion. It is necessary to classify the names of Khakass dwellings known by describing their types. A number of issues relating to the genesis and origin of the types of dwellings studied in relation to *otah* / *otag* is still open and requires more additional data. In our opinion, the problem of the genesis of the Khakass dwelling *tura*, which features a log wooden construction, has been solved and shows its autochthonous character.

Keywords

Khakassia, Khakass, traditional culture, housing, nominations, genesis

For citation

Prishchepa E. V. Names for Houses and some Issues on their Genesis in the Traditional Khakass Culture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 119–133. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-119-133

Введение

Последние десятилетия в Республике Хакасия характеризуются всплеском интереса к традиционной культуре хакасов, в том числе в материальной сфере. Наиболее существенным ее элементом является жилище. Его изучению отводится важное место в этнографической науке, поскольку дом в тюркском мире, будучи культурным феноменом адаптации людей к природно-географическим условиям и роду хозяйственных занятий, продолжает играть важную роль в системе традиционного жизнеобеспечения. Однако постепенное отмирание традиционной культуры влечет трансформацию и даже исчезновение традиционного жилища, т. е. потерю вместе с этим у хакасов целого мировоззренческого комплекса. Важно отметить, что к числу проблем, связанных с изучением исторического развития традиционного жилища хакасов, относятся также различия в использовании соответствующих номинаций для обозначения их известных типов. Эти обстоятельства определяют актуальность темы предпринимаемого исследования. Целью работы является характеристика таких номинаций для обозначения жилых построек в истории их генезиса. Задачи исследования – выявление достоверных номинаций для различных видов традиционных жилищ хакасов; рассмотрение ряда спорных вопросов их генезиса. Работа основана на комплексном и системно-историческом подходе к изучению прошлого. Хронологические рамки охватывают XVII–XX вв. и определяются как особенностями бытования традиционных жилищ хакасов, так и наличием соответствующих источников, уже опубликованных и полученных в ходе изучения архивных фондов. Рассматривая их состав, следует отметить, что абсолютное большинство таких материалов относится к сфере этнографии. К сожалению, сведения археологического характера немногочисленны, например, таковые имеются для одного из типов жилищ – *чарга иб*; остатки такой сгоревшей деревянной постройки типа юрты конической формы были обнаружены под слоем русского времени в ходе раскопок площади Саянского острога 1718 г. (личное сообщение С. Г. Скобелева). Возможно, в будущем остатки построек удастся выделить и на материалах иных памятников археологии.

Результаты исследований и обсуждение

В этнографическое время жилые постройки у хакасского этноса отличались разнообразием конструкций и типов, что было связано прежде всего с природно-географическими условиями региона и родом хозяйственных занятий населения, этими обстоятельствами определяемых [Прищепа, 2018a].

Для обозначения жилища в тюркском мире обычно используется общераспространенная номинация *юрта* – термин, суть которого до сих пор является объектом научных исследований разных специалистов. В вопросе генезиса юрты как одного из важнейших достижений материальной культуры степных кочевников, особое место занимает классификация жилища сибирских народов, предложенная А. А. Поповым. Юрта, по его мнению (на примере ко-

шемной юрты), – это цилиндрический шалаш¹, имеющий решетчатый складной каркас стен [Попов, 1961. С. 149]. Сложные вопросы генезиса жилища номадов решались также в широко известной в этнографической науке основополагающей работе С. И. Вайнштейна [1976]. В связи с этим в дальнейшем мы будем исходить из данной (принятой в этнографии) номинации юрты как жилища с исключительно цилиндрическим складным решетчатым каркасом стен.

Исходя из сведений имеющихся источников, отметим, что наиболее распространенным типом жилища у хакасов в XVII – первой половине XIX в. была покрытая войлоком или берестой переносная юрта *иб*², конструкция которой могла варьироваться в зависимости от сезона и материального благополучия хозяев. В таежной зоне региона бытовали стационарные жилища: каркасно-столбовой конструкции – *ат иб*, и срубные – *чир иб*, *агас иб*, *тура*. Жилища степной части населения (в основном *иб*) имели, в сравнении с таежными, некоторые конструктивные отличия и особенности своего развития.

Упоминания о таких видах жилищ в разное время у хакасов весьма обширны (см. [Паллас, 1788; Георги, 1799; Миллер, 1937; Ярилов, 1899; Костров, 1853; 1859а; 1859б; Степанов, 1997; Катанов, 1897; 2004; Чихачёв, 1974] и др.). Детальные характеристики конструкций *иб* встречаются в работах публицистов и исследователей хакасской традиционной культуры [Степанов, 1997. С. 135; Кузнецова, 1898. С. 112; Яковлев, 1900. С. 29–41; Попов, 1961. С. 149–150; Патачаков, 1982. С. 5–33; Бутанаев, 1996. С. 47–68]. К. М. Патачаков под названием *иб* у хакасов упоминал четыре типа жилищ: *киис иб* (войлочная юрта), *тос иб* (берестяная юрта) (рис. 1)³, *тирмеліг иб* (решетчатая юрта) и *хараачылыг иб* (название верхнего обруча юрты) [1982. С. 9].

В целом слово *иб* (юрта) в хакасском языке используется достаточно широко для обозначения общего понятия – дом, жилище разных конструкций, как каркасной, так и срубной [ХРС, 2006. С. 112]. Наиболее известные из номинаций – это *агас иб* (бревенчатая юрта), *чир иб* (земляной дом) (рис. 2)⁴, *тадар иб* (хакасский дом), *кирткен иб* (досл.: срубная юрта), *тос иб* (берестяная юрта), *киис иб* (войлочная юрта), *тирмеліг иб* (решетчатая юрта), *хахпас иб* (корьевая юрта), *ат иб* (досл.: *ат* – конь. – Е. П.), *чарга иб*.

Как можно видеть, номинация *иб* используется в основном для обозначения жилища в виде объекта материальной культуры. Второй же термин несет в себе важные уточняющие характеристики. Он указывает на материал изготовления (*тос иб*, *киис иб*, *агас иб*, *хахпас иб*), сохраняет второе название, некогда закрепленное за данным типом строений, которое в настоящее время непереводимо дословно (*ат иб*), характеризует объект по критерию его расположения по отношению к поверхности земли (*чир иб*), имеет указание на конструктивные характеристики (*тирмеліг иб*) или этническую принадлежность (*тадар иб*).

Особое внимание следует обратить на номинацию *чарга иб*, которую приводит в своей типологии жилищ народов Сибири З. П. Соколова для обозначения нерешетчатой юрты хакасов [1998. С. 123]. Этот термин встречался ранее только в описаниях традиционных жилищ сагайцев, предложенных Л. П. Потаповым в академическом издании 1956 г., посвященном этнографии народов Сибири. Под той же номинацией мы находим берестяную *иб* с остовом

¹ З. П. Соколова, автор более современной классификации и типологии жилищ народов Сибири, рассматривая форму юрты, относит ее к цилиндрическим постройкам [1998. С. 152].

² *Иб* – дом, жилище, юрта, *агас иб* – деревянный дом, бревенчатая юрта, *чир иб* – землянка, *тадар иб* – юрта [ХРС, 2006. С. 112–113].

³ По: Патачаков К. М. Быт и культура хакасов в иллюстрациях (XIX – начало XX в.) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1994. Д. 924.

⁴ По: Шибалева Ю. А. Чертежи по жилищам хакасов (55 чертежей) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Фонд 352 (приложение). Элементами конструкции (реконструкции. – Е. П.) данного типа жилища были дерн или земля, использовавшиеся в качестве кровли. *Очаг* (очаг) расположен в юго-западной угловой части жилища. Его интерьер отличался скромностью, включал *тасхах* (деревянную полку), закрепленную на стене, *орган* (деревянную кровать), стол.

Рис. 1 (фото). Тос иб (берестяная юрта)
Fig. 1 (photo). Tos ib (birch bark yurt)

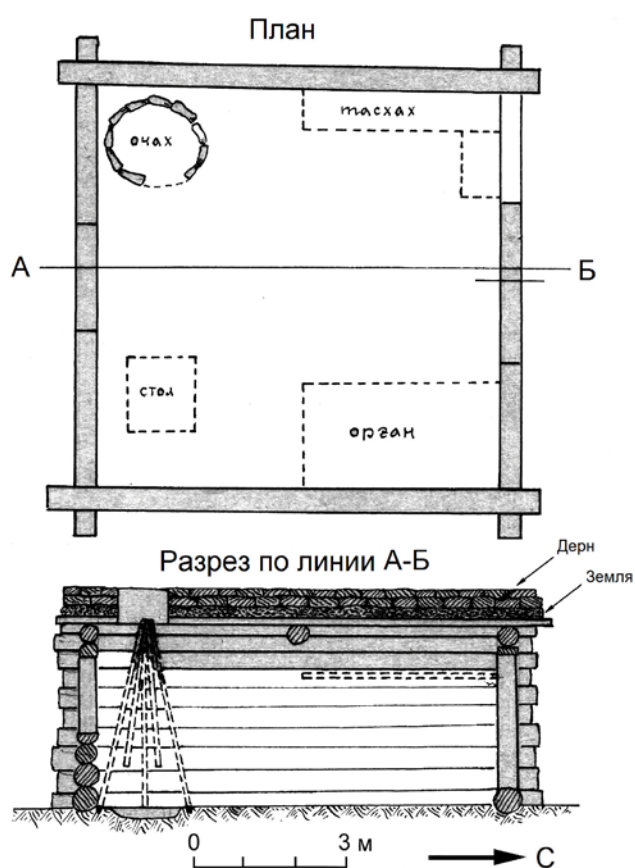

Рис. 2 Жилище чир иб (реконструкция)
Fig. 2 Chir ib housing (reconstruction)

Рис. 3 (фото). Двенадцатиугольная деревянная юрта
Fig. 3 (photo). Twelve-angled wooden yurt

из кольев, вбитых в землю по кругу. Основу крыши составляли 4 жерди, сведенные конусом и укрепленные в верхней части, и тонкие палки, вставленные одним концом в обруч дымового отверстия, а другим прикрепленные к остову. Покрытие состояло из двойных полос вываренной бересты, прошитой конским волосом. Покрышка привязывалась обручами из ветвей березы и черемухи или арканами и веревками [Народы Сибири, 1956. С. 396]. В связи с описаниями жилища *чарга иб* напрашивается его этнографическая аналогия, характерная для жилища *тос иб*. Возможно, использование войлока в качестве укрывного материала жилища было также закономерно, как и бересты, когда использовался один и тот же деревянный остов жилища. Кроме того, в материальной культуре хакасов известно одеяло из бараньих шкур – *чорган* [ХРС, 2006. С. 991]. Это слово может восходить к слову *yogurka:n* – одеяло, имевшему хождение в языке домонгольского периода [Glauson, 1972. P. 907].

Срубная юрта (*кирткен иб*) стала самым распространенным жилищем хакасов в конце XIX – начале XX в. [Патачаков, 1982. С. 19]. Их делали в виде сруба, имеющего 4, 5, 6, 8, 10, 12 и 14 углов с куполообразной крышей (с использованием войлока, бересты или коры лиственницы) [Кузнецова, 1898. С. 112]. Жилище в хакасской культуре есть отражение социального статуса человека. Поэтому многоугольные (рис. 3)⁵ – двенадцати- и четырнадцатиугольные *иб*, т. е. почти круглые, отличавшиеся своей величиной, в XIX – начале XX в. должны были показывать высокий социальный статус хозяина, являться выражением его материального достатка. Такие *иб* могли себе позволить лишь состоятельные люди. Стоимость деревянных *иб* была различной и колебалась от 10 до 100 руб., а срок их службы составлял 20, 30 и более лет [Яковлев, 1900. С. 32].

Одним из архаичных типов жилища хакасов был *ат-иб*. Постройка состояла из четырех вкопанных в землю столбов (т. е. была стационарной), верхние концы которых соединялись рамой; крыша была сложена из жердей в клетку, а сверху все покрывалось корой лиственницы и придавливалось жердями. Дымовое отверстие располагалось посередине крыши [Прищепа, 2018б. С. 160].

В конце XIX в. краткие сведения о жилище каркасно-столбовой конструкции оставила А. А. Кузнецова [1998]. Она отмечала, что особенностями *ат иб* были простота изготовления

⁵ По: Патачаков К. М. Быт и культура хакасов в иллюстрациях....

(его мог поставить один человек за три дня) и, соответственно, низкая стоимость (3–5 руб.). По мнению Е. К. Яковлева, *ат иб* представлял собой пример перехода от *алачыха* к постоянному жилью [1900. С. 32].

Номинация *ат иб* неперевода, как полагает В. Я. Бутанаев [1996. С. 57]. К. М. Патачаков считал, что такое жилище по своему виду напоминало коня: *ат* – конь, *иб* – юрта. Бытовало и другое ее название – *хахпас иб* [1982. С. 17]. Л. П. Потапов *ат-иб* с покрытием из коры лиственницы у сагайцев, койбалов и бельтыров считал видоизмененным типом шорского *одаг* [1957. С. 275]. Такое жилище имело широкое распространение на подтаежных территориях Хакасии, в летниках, зимниках, заимках и таборах Абаканской и Аскизской управ [Кузнецова, 1898. С. 112]. В этнографических экспедициях 1946, 1947 и 1948 гг. Ю. А. Шибаевой *ат иб* были обнаружены у сагайцев и бельтыров в Аскизском и Таштыпском районах в количестве 19 объектов⁶.

Ассоциации с *иб* имеет номинация *ўбе* или *тербе ўбе* (*тербе ибе*), приводимая Ю. А. Шибаевой [1950. С. 42–43]. Она же разместила и чертеж одного из таких жилищ (*ўбе*) южных хакасов (рис. 4)⁷. Оно почти квадратное, стены из лиственницы рублены в угол и поставлены прямо на землю. Крыша конусообразная⁸ из коры (*хахпаш*), на манер срубных жилищ, изображенных на Боярских писаницах, с перекрещивающимися сверху жердями. Решетка крыши *ўбе* состояла из 8 балок (*суран*) (4 по углам и 4 в центре каждой стены) сходящихся в центре крыши и перекрещивавшихся друг с другом. На высоте 30 см от места перекрещивания балок в них врублены продольные балки, образующие верхнюю раму (*иших*). На них лежат сосновые неочищенные жерди (*саяи*), по 12–13 на каждой стороне. Концы их сверху продолжают за раму, а некоторые торчат сверху выше балок. На жерди постлана лиственничная кора, но самый центр крыши не закрыт – он заслоняется переплетающимися балками и жердями и образует дымовое отверстие *туннүк*. Кора придерживается снаружи параллельными стенам гнетами – *пастырь*⁹. Внутри жилища расположены *салдем* (лавка), *тасхах* (деревянная полка), *образ* (икона), кадки, кровать. Отдельно внутри выделено место для кур (курятник), представлявшее небольшую пристройку. Пол в жилище земляной, очаг – открытый, выложенный из камней. Над ним спускалась цепь (*тахан*), на конце которой имелся крючок. Сверху цепь надвизывалась веревкой, прикрепленной к балке крыши, идущей от северо-восточного угла. Вход в жилище осуществлялся с восточной стороны. Юрта была построена еще до революции. На момент обследования (в середине XX в.) она являлась уже нежилой и использовалась для стряпни, стирки, трапезы и т. п.¹⁰. Сама конструкция жилища, видимо, более типична для алтайцев, а *ўбе* есть вариант диалектного произношения слова *иб* [Соколова, 1998. С. 258. Таб. XI. Рис. 3], являясь вариантом его бытования в шорско-хакасской культурной зоне Таштыпского района Хакасии.

Другим архаичным жилищем, известным также угорским, самодийским, тюркским, тунгусо-маньчжурским народам, северным кетам и юкагирам, был шалаш конической формы [Попов, 1961. С. 154]. У хакасов он назывался *алачых*¹¹. Его устройство было простым: в качестве остова использовались деревянные жерди, которые, хотя и перекрещивались сверху, образовывали отверстие для выхода дыма от очага. Основание жилища было округлым. Сверху его покрывали берестой, которую предварительно варили в соленой воде, кроме того

⁶ Шибаева Ю. А. Хакасское жилище. ХакНИИЯЛИ, Рукописный фонд. № 352. Табл. 2.

⁷ По: Шибаева Ю. А. Чертежи по жилищу хакасов (55 чертежей) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Фонд 352 (приложение).

⁸ У А. А. Попова подобная крыша в срубах у алтайцев, в основании прямоугольная, послужила возникновению номинации «коническая» [1961. С. 152].

⁹ *Пастырь*х – шест, гнёт [ХРС, 2006. С. 351].

¹⁰ Шибаева Ю. А. Описание жилищных построек хакасов. Ф. И-3. Оп. 2. Д. 459. Л. 35.; Шибаева Ю. А. Хакасское жилище. ХакНИИЯЛИ. Рукописный фонд. № 352. С. 27–28.

¹¹ В работе Н. Харузина есть упоминание о жилище *алатчикь* [1896. С. 7]. У качинцев *алачых* – это еще название березовых качелей [ХРС, 2006. С. 51], которые имеют, видимо, определенную конструктивную схожесть.

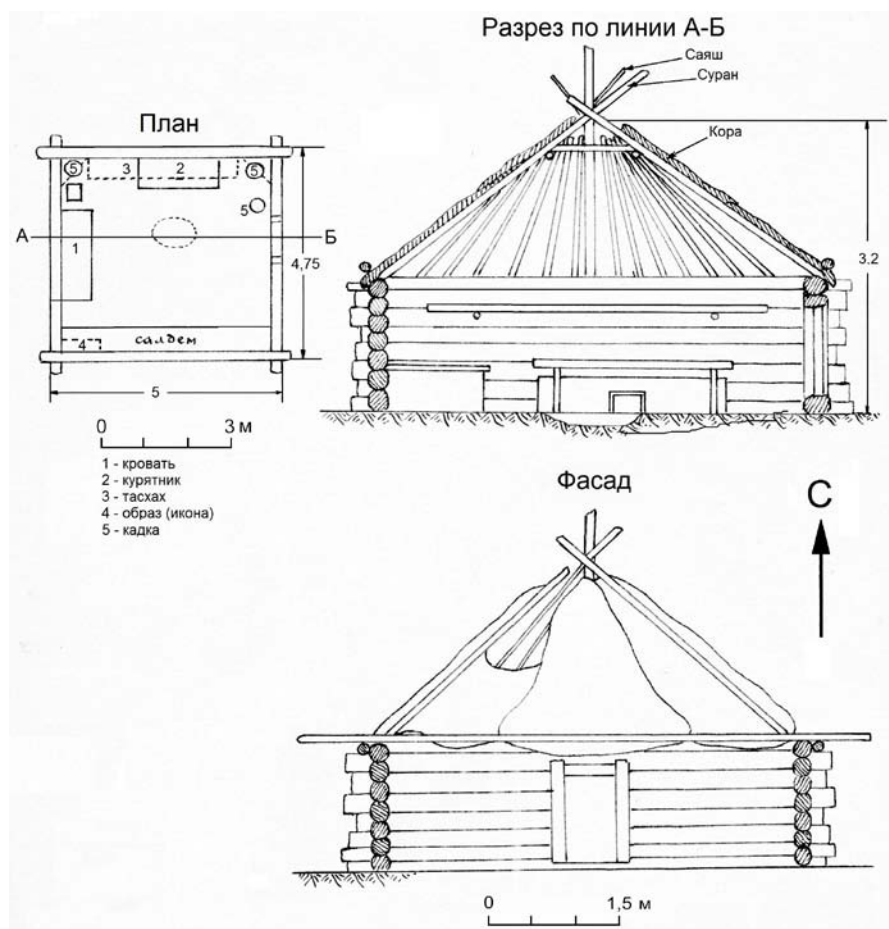

Рис. 4. Жилище ўбе
Fig. 4. Ўбе housing

укрывным материалом служили кора лиственницы или войлок. В конце XIX в. в качестве укрывного материала использовалась только кора лиственницы.

С этого же времени *алачых* стал стационарным жилищем [Кузнецова, 1898. С. 147]. По результатам упомянутых выше этнографических экспедиций Ю. А. Шибаевой, в Таштыпском районе Хакасии сохранился только один *алачых*¹². К концу XIX в. как постоянное жилище *алачых* использовался наиболее бедными людьми, но чаще он являлся жилой постройкой у пастухов на летниках. Служил 4–5 лет при стоимости от 2 до 3 руб. [Яковлев, 1900. С. 29]. По мнению Ю. А. Шибаевой, *алачых* типологически связан с *одах* (*ат иб*) и *тербе ибе*, которые являлись исключительно временными жилищами. Однако данное мнение трудно назвать обоснованным, ввиду того что *ат иб*, на наш взгляд, конструктивно и функционально представляет иной вариант развития жилища каркасно-столбовой конструкции переносного типа. *Алачых* же изначально, что зафиксировано для XVIII – начала XIX в., развивался как переносной тип жилища. Непереносное жилище *тербе ибе* в части устройства крыши в большей степени сходно с *алачых*, и оно не является юртой в научном понимании этого слова, так как не имеет *тирме* – решеток. Кроме того, такой тип жилища не может быть назван *тербе ибе* (от хакасского *тирмеліг иб* – решетчатая юрта), что было отмечено еще К. М. Патачаковым [1982. С. 19] применительно к описываемой Ю. А. Шибаевой конст-

¹² Шибаева Ю. А. Хакасское жилище. ХакНИИЯЛИ, Рукописный фонд. № 352. Табл. 2.

рукции жилища. Помимо этого, отмечено летнее исполнение такой постройки, что еще больше отличает его от всесезонного жилища *ат иб*. Прямым указанием на глубокую древность хакасского жилища типа *алачых* является использование его в XX в. качестве свадебного шалаша у сагайцев и бельтыров для молодоженов¹³. Во время свадьбы в нем должны были находиться молодые, что являлось частью свадебного ритуала.

Другим до сих пор малоисследованным жилищем хакасов (не рассматривались его генезис, типы, а изучение шло только в контексте общей тематики, посвященной традиционной культуре хакасов) является *отах* / *одаг*. В вопросах развития традиционных форм домостроения важное место занимает генезис этих каркасно-столбовых конструкций, которые имели достаточно широкое распространение в традиционной культуре вплоть до конца XX в.

Номинации *отах* / *одаг* являются производными от глагола *ота* – зажигать огонь, костер. Первоначально это слово обозначало место для костра, охотничий стан, временное место обитания [СИГТЯ, 2001. С. 496]. *Одаг* (сагайский диалект) – это шалаш [ХРС, 2006. С. 293]. *От отах* – шалаш, крытый травой, *хахпас отах* – шалаш, крытый корой [Там же. С. 317]. По классификации А. А. Попова, *одах* – это шестиугольный шалаш сагайцев [1961. С. 150].

Впервые упомянул *одаг* (*оодаг*) у хакасов Н. М. Ядринцев. Изучая культуру и быт коренных жителей Сибири, он отметил, что жилища таяжского населения «состоят из шалашей, покрытых ветвями, корою, наконец, берестой (финские кота)», они еще существуют у «горных и лесных жителей Алтая (*аланчик*, *оодаг*)» [1891. С. 115].

В XX – начале XXI в. сведения о хакасском *одаг* встречались в трудах Л. П. Потапова [1957; 2001], К. М. Патачакова [1982], Ю. А. Шибяевой [1950. С. 46–53], В. Я. Бутанаева [1987; 1996] и А. А. Кыржинакова [2005].

Так, К. М. Патачаков связывал бытование *одаг* с таяжскими промыслами и земледелием. Хакасы-земледельцы и охотники в тайге строили шалаш, который называли *отах*. Стены его, как у корьевого юрты, делались из круглых жердей, горбылей или широких досок. Каркас крыши сооружали из жердей в форме решетки. Посередине, над очагом, оставлялось дымовое отверстие. *Отах* для тепла снаружи обкладывался дерном или до середины засыпался землей. Такие *отах* существовали в 20–30-х гг. XX в. в Каройских степях, на пашнях и покосах жителей Теи Аскизского района. Кроме того, *ат иб* (второе название *хахпас иб*) (рис. 5)¹⁴ и *отах*, как отмечал К. М. Патачаков, имели совершенно одинаковую конструкцию, а различие заключалось только в назначении: *отах* был временным жилищем, *ат иб* – постоянным [1982. С. 18].

Исследователи проблем развития южносибирского лесного культурного комплекса А. Г. Селезнев, И. А. Селезнева, Е. А. Бельгибаев приводят сведения об *одаг* таяжских хакасов: «В хакасской тайге охотничьи временные жилые сооружения на стоянках представляли собой прямоугольные в плане каркасные постройки с двускатной крышей, покрытые пихтовым лапником или плахами, – балаганы (*отах*, *тору очах*), и каркасные полуподземные жилища, покрытые сверху дерном, – *чер тура*... Его крыша (*отах*. – Е. П.) была двускатной и состояла из плотно установленных друг к другу жердей (*сырх*). В основе каркаса были два столба и поперечная матица. Сверху укладывали берестяные тиски, а на них листы папоротника (*палых оотэ*). И бересту, и папоротник клали внахлест, чтобы не протекала вода. Все сооружение покрывалось пихтовым лапником (*шупе агаши*). Внутри постройки устанавливали железную печь (*тибер печка*) и нары из досок – *нартах*» [Селезнев и др., 2006. С. 95].

¹³ Женившийся сын ставил юрту на север от юрты отца, на месте свадебного *алачых* новобрачных; младший сын всегда оставался в юрте отца [Шибяева, 1950. С. 46]. У юго-западных соседей хакасов – шорцев (мрасских шорцев), подобный шалаш (*одаг*) сохранился в качестве свадебного до наших дней [Кимеев, Копытов, 2018. С. 346]. По конструкции этот *одаг* соответствовал хакасскому *алачых*.

¹⁴ Сагайцы. Улус Базинская Бая. Фото С. Д. Майнагашева, 1914 г. (по: Патачаков К. М. Быт и культура хакасов в иллюстрациях...).

Рис. 5 (фото). Ам иб, или хахпас иб
Fig. 5 (photo). At ib or hahpas ib

Использование этого жилища было ограничено временем кедрового и охотничьего промыслов. Для жилища *одаг* применимы универсальные характеристики: простота конструкции, доступность материалов для изготовления, быстрота возводимости и невысокие трудозатраты. Это и служило главными причинами длительного его бытования.

Широкое распространение срубной техники при строительстве жилищ в Хакасии в конце XIX – XX в. нашло отражение в изменении типологии традиционных форм домостроения и последующем полном исчезновении *иб* каркасно-столбовых конструкций. В связи с этим в вопросах эволюции традиционных жилищ народов Саяно-Алтая особое место занимает проблема автохтонности и архаичности происхождения срубных деревянных конструкций типа *тура* (рис. 6) ¹⁵.

Выявление фактов бытования основных типов жилых построек как наиболее устойчивой сферы материальной культуры в сопоставлении со схожестью хозяйственной деятельности независимо от хронологии представляется для нас методически возможным и вполне закономерно обусловленным. Поэтому позволительно сравнивать долговременные жилые постройки срубного типа IV–III вв. до н. э. тагарской культуры (например, изображений на Боярских писаницах) с аналогичными жилищами коренных народов Саяно-Алтая. Ареал распространения этнографических аналогий построек типа *тура* у народов Саяно-Алтая и специфика срубных конструкций в археологических культурах раннего железного века (пазырыкской на Горном Алтае, уюкской в Тувинской котловине и Северо-Западной Монголии, тагарской в Хакаско-Минусинской котловине) совпадают, что свидетельствует о необходимости изучения генезиса жилища *тура* в системе традиционного жизнеобеспечения.

У хакасов существование и развитие жилищ типа *тура* имели место в основном в таежной местности. Но по причине отсутствия прямых упоминаний в источниках их конструктивные особенности не были известны. Жилища срубных конструкций типа многоугольных однокамерных *иб* или *тура*, как у русского населения, но без чердака и с земляным полом, следует

¹⁵ По: Шибаева Ю. А. Чертежи по жилищу хакасов (55 чертежей) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Фонд 352 (приложение). Цифрами на рисунке обозначены: 1 – лавка; 2 – сундук; 3 – стол; 4 – кровать; 5 – угловая полка; 6 – вход в подполье.

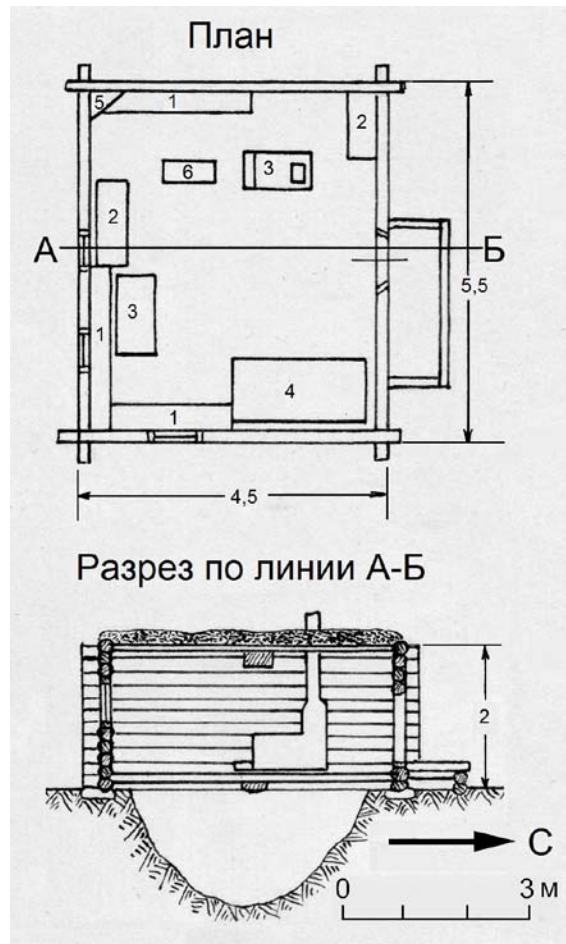

Рис. 6. Жилище *тура*
Fig. 6 Tura housing

считать автохтонным для хакасов. Начало влияния русского деревянного зодчества на дальнейшее развитие хакасского жилища типа *тура* относилось к XVIII в. и заключалось в изменении его архитектурных форм. В процессе исторического развития это привело к переменам в планировке, устройстве крыши, полов, систем освещения и отопления и в итоге – к широкому распространению домов русского типа. Вопрос генезиса этого типа жилища можно считать закрытым, чему послужили исследования последних лет, прежде всего И. Л. Кызласова и ряда иных авторов, доказавших его автохтонность [Кызласов, 2005; Прищепа, 2019].

Заключение

Все известные для обозначения традиционных жилищ хакасов номинации или были связаны с характеристиками материала, из которого они изготавливались (*тос иб*, *киис иб*, *агас иб*, *хахпас иб*), или имели архаичные непередаваемые дословно названия (*ат иб*, *алачых*). Жилища характеризовались по критерию их расположения относительно поверхности земли (*чир иб*), указывались их конструктивные характеристики, которые были закреплены в номинации (*тирмеліг иб*), или этническая принадлежность (*тадар иб*). Отдельным случаем следует считать жилище сагайцев *чарга иб*, которое, на наш взгляд, в конструктивном плане соотносится с жилищем *тос иб*, являясь его вариацией, имеющей локальную номинацию.

Номинацию жилища *ўбе*, имевшего определенное распространение в Таштыпском районе Хакасии в середине XX в., также следует рассматривать как вариант диалектного произношения слова *иб*, а саму эту конструкцию считать заимствованной у соседних народов.

Применительно к малоисследованному сезонному жилищу хакасов *отах* / *одаг*, которое, тем не менее, имело достаточно широкое распространение в материальной культуре вплоть до конца XX в., необходимо уточнить его генезис, подробно рассмотреть и описать имеющиеся вариации, что предполагается осуществить в дальнейшем.

Изучение сложных вопросов автохтонности и архаичности происхождения жилища срубной деревянной конструкции *тура* показало, что существование и развитие такого типа построек у хакасов имело место в таежной местности, но по причине отсутствия прямых упоминаний в исторических источниках они не были известны в научной литературе. Начало влияния русского деревянного зодчества на развитие хакасского жилища этого типа хронологически соответствует XVIII в. и заключается в изменениях архитектурных форм таких построек.

Главной же линией развития домостроительства у хакасов, по свидетельствам источников конца XIX – XX в., стало применение и распространение срубной технологии, что связывалось с успешным хозяйственным развитием этноса, приводившим к исчезновению зимников и летников, росту числа постоянных поселений – аалов.

Список литературы

- Бутанаев В. Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.). Абакан: Краснояр. кн. изд-во, 1987. 175 с.
- Бутанаев В. Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. 224 с.
- Вайнштейн С. И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // СЭ. № 4. 1976. С. 42–62.
- Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб.: Императорская АН, 1799. Ч. 2: О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. 246 с.
- Катанов Н. Ф. Отчет о поездке совершенной с 15 мая по 1 сентября 1896 года в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-литография Имп. Казан. ун-та, 1897. 104 с.
- Катанов Н. Ф. Отчет о поездке в Минусинский уезд Енисейской губернии, совершенной по поручению Историко-филологического факультета Императорского Казанского университета летом 1898 года // Катанов Н. Ф. Избранные труды о Хакасии и сопредельных территориях. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2004. С. 199–241.
- Кимеев В. М., Копытов А. И. Горная Шория: история и современность. Историко-этнографические очерки. Кемерово: Примула, 2018. 600 с.
- Костров Н. Кизильские татары. Казань: [б. и.], 1853. 36 с.
- Костров Н. Заметки о минусинских инородцах и обитаемой ими местности // Енисейские губернские ведомости. 1859а. № 26. 154 с.; 1859б. № 27. 159 с.
- Кузнецова А. А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск: Тип. Енисейского губернского управления, 1898. 213 с.
- Кызласов И. Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.; Самара: Офорт, 2005. 96 с.
- Кыржинаков А. А. Таежные промыслы хакасов в XIX–XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Абакан: [б. и.], 2005. 229 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. Т. 2. 644 с.
- Народы Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1114 с.
- Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб.: ИАН, 1788. Ч. 3. 624 с.

- Патачаков К. М.** Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Красноярск. кн. изд-во, 1982. 88 с.
- Попов А. А.** Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 131–225.
- Потапов Л. П.** Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 308 с.
- Потапов Л. П.** Охотничий промысел алтайцев (отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев). СПб.: МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера), 2001. 166 с.
- Прищепа Е. В.** Жилища населения Хакасско-Минусинского края в традиционной системе жизнеобеспечения XVIII–XX вв. (на примере хакасов и русских старожилов). Абакан: Бригантина, 2018а. 180 с.
- Прищепа Е. В.** Проблемы реконструкции жилищ тагарской культуры Хакасско-Минусинской котловины // Вестник Том. гос. ун-та. 2018б. № 427. С. 153–163. DOI 10.17223/15617793/427/21
- Прищепа Е. В.** Проблемы генезиса жилища тура в неопубликованных работах Ю. А. Шибайевой в свете современных этнографических исследований // Вестник БНЦ СО РАН. 2019. № 1 (33). С. 116–125. DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-116-125
- Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Бельгибаев Е. А.** Мир таежных культур (Традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). Омск: Наука, 2006. 260 с.
- Соколова З. П.** Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: ТриЛ, 1998. 284 с.
- СИГТЯ** – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Степанов А. П.** Енисейская губерния. Красноярск: Горница, 1997. 224 с.
- ХРС** – Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- Харузин Н.** История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народов России. М.: Тов-во скоропечати А. А. Левенсон, 1896. 132 с.
- Чихачёв П. А.** Путешествие в Восточный Алтай. М.: Наука, 1974. 360 с.
- Шибайева Ю. А.** Из истории хакасского жилища // Краткие сообщения АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Вып. 10. С. 46–53.
- Ядринцев Н. М.** Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1891. 308 с.
- Яковлев Е. К.** Русское население Минусинского округа // Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1899 год. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. 197 с.
- Ярилов А. А.** Мелецкие инородцы. Юрьев: Тип. К. Маттисона, 1899. 150 с.
- Glauson G.** An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, Clarendon Press, 1972, 1032 p.

Список источников

- Патачаков К. М.** Быт и культура хакасов в иллюстрациях (XIX – начало XX в.) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Абакан, 1994. Д. 924.
- Шибайева Ю. А.** Описание жилищных построек хакасов. Фонд И-3. Оп. 2. Д. 459. 80 л.
- Шибайева Ю. А.** Хакасское жилище // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Фонд. 352. 140 с.
- Шибайева Ю. А.** Чертежи по жилищу хакасов (55 чертежей) // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ, № 352 (приложение).

References

- Butanaev V. Ya.** Sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya khakasskogo aala (konets XIX – nachalo XX v.) [Socio-Economic History of Khakass aal (late 19th – early 20th century)]. Abakan, Khakass Branch of the Krasnoyarsk Book Publ., 1987, 175 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Traditsionnaya kul'tura i byt khakasov [Traditional Culture and Life of the Khakass]. Abakan, Khakass branch of the Krasnoyarsk book Publ., 1996, 224 p. (in Russ.)
- Chikhachev P. A.** Puteshestvie v Vostochnyi Altai [A Journey to Eastern Altai]. Moscow, Nauka, 1974, 360 p. (in Russ.)
- Georgi J. G.** Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitayushchikh narodov, takzhe ikh zhi-teiskikh obryadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostei [A De-scription of Peoples Inhabiting the State of Russia, as well as their Everyday Rites, Faiths, Cus-toms, Dwellings, Clothes and other Attractions]. St. Petersburg, Imperial Academy of Science Publ., 1799, part 2, 246 p. (in Russ.)
- Glauson G.** An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, Clarendon Press, 1972, 1032 p.
- Katanov N. F.** Otchet o poezdke v Minusinskii uezd Eniseiskoi gubernii, sovershennoi po poru-cheniyu Istoriko-Filologicheskogo Fakul'teta Imperatorskogo Kazanskogo Universiteta letom 1898 goda [Report on a Trip to the Minusinsk District of the Yenisei Province, Commissioned by the Department of History and Philology of the Imperial Kazan University in the Summer of 1898]. In: Katanov N. F. Izbrannye trudy o Khakasii i sopredel'nykh territoriyakh [Selected Works on Khakassia and Neighboring Territories]. Abakan, Khakass State Uni. Publ., 2004, p. 199–241. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Otchet o poezdke, sovershennoi s 15 maya po 1 sentebrya 1896 g. v Minusinskii okrug Eniseiskoi gubernii [Report on the Trip Dated from May 15 to September 1, 1896 in the Minusinsk District of the Yenisei Province]. Kazan, Imperial Kazan Uni. Publ., 1897, 104 p. (in Russ.)
- Khakassko-russkii slovar'** [A Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1111 p. (in Russ.)
- Kharuzin N.** Istoriya razvitiya zhilishcha u kochevykh i polukochevykh tyurkskikh i mongol'skikh narodov Rossii [History of Dwelling Development among Nomadic and Semi-Nomadic Turkic and Mongolian Peoples of Russia]. Moscow, Tovarishestvo Skoropechati A. A. Levenson Publ., 1896, 132 p. (in Russ.)
- Kimeev V. M., Kopytov A. I.** Gornaya Shoriya: istoriya i sovremennost'. Istoriko-etnograficheskie ocherki [Mountain Shoria: History and Modern Times. Historical and Ethnographic Essays]. Kemerovo, Primula Publ., 2018, 600 p. (in Russ.)
- Kostrov N.** Kizil'skie tatory [The Kizilsky Tatars]. Kazan, 1853, 36 p. (in Russ.)
- Kostrov N.** Zametki o minusinskikh inorodtsakh i obitaemoi imi mestnosti [Notes on Minusinsk Outlanders and Areas where they Live]. *Eniseiskie gubernskie vedomosti* [Yenisei Provincial Notes], 1859, no. 26, 154 p.; no. 27, 159 p. (in Russ.)
- Kuznetsov A. A.** Zhilishcha, odezhda i pishcha minusinskikh i achinskikh inorodtsev [Dwellings, Clothes and Food of Minusinsk and Achinsk Non-Russian Inhabitants]. Krasnoyarsk, Eniseiskoe gubernskoe upravlenie Publ., 1898, 213 p. (in Russ.)
- Kyrzhinakov A. A.** Tazhnye promysly khakasov v XIX–XX vv. [Khakass Taiga Crafts in the 19th – 20th Centuries]. Cand. Hist. Sci. Diss. Abakan, 2005, 229 p. (in Russ.)
- Kyzlasov I. L.** Pratyurkskie zhilishcha. Obsledovanie sayano-altaiskikh drevnostei [Pra-Turkish Dwellings. Examination of the Sayan-Altai Antiquities]. Moscow, Samara, Ofort Publ., 2005, 96 p. (in Russ.)
- Miller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1937, vol. 2, 644 p. (in Russ.)
- Narody Sibiri** [Peoples of Siberia]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1956, 1114 p. (in Russ.)

- Pallas P. S.** Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva [A Journey to Various Provinces of the Russian State]. St. Petersburg, IAN Publ., 1788, part 3, 624 p. (in Russ.)
- Patachakov K. M.** Ocherki material'noi kul'tury khakasov [Essays on Material Culture of the Khakass]. Abakan, Krasnoyarsk Book Publ., 1982, 88 p. (in Russ.)
- Popov A. A.** Zhilishche [Housing]. In: Istoriko-etnograficheskii atlas Sibiri [Historical and Ethnographic Atlas of Siberia]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1961, p. 131–225. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Okhotnichii promysel altaitsev (otrazhenie drevnetyurkskoi kul'tury v traditsionnom okhotnich'em promysle altaitsev) [Altaians' Hunting (reflection of ancient Turkic culture in the traditional Altaians' hunting)]. St. Petersburg, MAE Peter the Great (Kunstkamera) RAS Publ., 2001, 166 p. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoi narodnosti [Origin and Formation of the Khakass Nation]. Abakan, Khakass Book Publ., 1957, 308 p. (in Russ.)
- Prishchepa E. V.** Problemy genezisa zhilishcha tura v neopublikovannykh rabotakh Yu. A. Shibaevoi v svete sovremennykh etnograficheskikh issledovaniy [Genesis of the Dwelling tura in Unpublished Works of Y. A. Shibaeva in the Light of Contemporary Ethnographic Research]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN [Bulletin of the Buryat Scientific Center of SB RAS]*, 2019, no. 1 (33), p. 116–125. DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-116-125 (in Russ.)
- Prishchepa E. V.** Problemy rekonstruktsii zhilishch tagarskoi kul'tury Khakassko-Minusinskoi kotloviny [Problems of Reconstruction of Dwellings of the Tagar Culture of the Khakass-Minusinsk Basin]. *Bulletin of Tomsk State University*, 2018, no. 427, p. 153–163. DOI 10.17223/15617793/427/21
- Prishchepa E. V.** Zhilishcha naseleniya Khakassko-Minusinskogo kraia v traditsionnoi sisteme zhizneobespecheniya XVIII–XX vv. (na primere khakasov i russkikh starozhilov) [Dwellings of the Population of Khakass-Minusinsk Region in the Traditional Lifestyle of the 18th – 19th Centuries: the cases of the Khakass and Russian “old-timers”]. Abakan, Brigantina Publ., 2018, 180 p. (in Russ.)
- Seleznev A. G., Selezneva I. A., Belgibaev E. A.** Mir taezhnykh kul'tur (Traditsionnoe khozyaistvo i soputstvuyushchie komponenty zhiznedeyatel'nosti) [The World of Taiga Cultures (Traditional Economy and Related Components of Life)]. Omsk, Nauka, 2006, 260 p. (in Russ.)
- Shibaeva Yu. A.** Iz istorii khakasskogo zhilishcha [From the History of Khakass Dwellings]. In: *Kratkie soobshcheniya AN SSSR [Brief Reports of the USSR Academy of Sciences]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, iss. 10, p. 46–53. (in Russ.)
- Sokolova Z. P.** Zhilishche narodov Sibiri (opyt tipologii) [Dwellings of the Peoples of Siberia (typology experience)]. Moscow, TriL Publ., 1998, 284 p. (in Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika** [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Vocabulary]. Moscow, Nauka, 2001, 822 p. (in Russ.)
- Stepanov A. P.** Eniseiskaya guberniya [The Yenisei Province]. Krasnoyarsk, Gornitsa Publ., 1997, 224 p. (in Russ.)
- Vainshtein S. I.** Problemy istorii zhilishcha stepnykh kochevnikov Evrazii [Issues of the History of Dwellings Built by Steppe Nomads of Eurasia]. *Sovetskaya etnografiya [Soviet Ethnography]*, 1976, no. 4, p. 42–62. (in Russ.)
- Yadrintsev N. M.** Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie: etnograficheskie i statisticheskie issledovaniya s prilozheniem statisticheskikh tablits [Siberian Outlanders, their Way of Life and Current Situation: ethnographic and statistical studies with the application of statistical tables]. St. Petersburg, I. M. Sibiryakov Publ., 1891, 308 p. (in Russ.)
- Yakovlev E. K.** Russkoe naselenie Minusinskogo okruga [Russian Population of the Minusinsk District]. In: *Otchet po Minusinskomu mestnomu muzeyu i obshchestvennoi biblioteke za 1899 god [A Report on the Minusinsk Local Museum and Public Library for 1899]*. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, 197 p. (in Russ.)
- Yarilov A. A.** Meletskie inorodtsy [Meletsk Outlanders]. Yuriev, Typography K. Mattison, 1899, 150 p. (in Russ.)

List of Sources

- Patachakov K. M.** Byt i kul'tura khakasov v illyustratsiyakh (XIX – nachalo XX v.) [Everyday Life and Culture of the Khakass People in Illustrations (19th – early 20th Centuries)]. Rukopisnyi fond Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazuka, literatury i istorii [The Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History]. Abakan, 1994, folder 924. (in Russ.)
- Shibaeva Yu. A.** Chertezhi po zhilishchu khakasov (55 chertezhei) [Drawings for the Dwellings of the Khakass People (55 drawings)]. Rukopisnyi fond Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazuka, literatury i istorii [The Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History], found no. 352 (prilozhenie) [application]. (in Russ.)
- Shibaeva Yu. A.** Khakasskoe zhilishche [Khakass Housing]. Rukopisnyi fond Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazuka, literatury i istorii [The Manuscript Fund of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History], found no. 352, 140 p. (in Russ.)
- Shibaeva Yu. A.** Opisanie zhilishchnykh postroek khakasov [Description of Housing Construction of the Khakass]. Fond I-3, inventory no. 2, folder 459, 80 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
18.09.2019

Сведения об авторе

Прищепа Евгений Валерьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ул. Щетинкина, 23, Абакан, 655017, Россия)
pri-evg@mail.ru
ORCID 0000-0002-0344-3179

Information about the Author

Evgeniy V. Prishchepa, PhD in History, Research Fellow of the Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute of Language, Literature and History (23 Shchetin-kin Str., Abakan, 655017, Russian Federation)
pri-evg@mail.ru
ORCID 0000-0002-0344-3179

УДК 39 (392)
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146

Представления о злых духах у тувинцев

А.-Х. О. Базырчап, А. А. Конгу

Тувинский научный центр
Кызыл, Россия

Аннотация

Статья посвящена классификации демонологических образов в представлениях тувинцев. Мифологические представления о злых духах подвержены трансформации. Публикация новых полевых материалов будет способствовать уточнению существующих мифологических представлений тувинского этноса и их эволюции. В работе анализируются общие сведения о злых духах и местах их обитания, а также функционально-семантические характеристики, которые отражаются в обрядовой практике и в народном знании. Для тувинцев большинство мест, где обитают злые духи, амбивалентны – священные и запретны одновременно, а также трансграничны. Результаты исследований показали, что отдельные природные места становятся сакральными для тувинцев благодаря представлениям о силе самой земли, а также поверьям о существовании духов-хозяев местности. Выявлены общие и специфические черты в антропологии пространства, его освоении с учетом ведения хозяйства и традиционного образа жизни тувинцев.

Ключевые слова

Тува, тувинцы, мифология, злые духи, обряд, *аза*, *четкер*, *албыс*, *шулбус*, *диирен*, *сунезин*

Для цитирования

Базырчап А.-Х. О., Конгу А. А. Представления о злых духах у тувинцев // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 134–146. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146

Evil Spirits as Viewed by the Tuvans

A.-Kh. O. Bazyrchap, A. A. Kongu

Tuvan Scientific Center
Kyzyl, Russian Federation

Abstract

Purpose. The article is devoted to the classification of demonological images in the views of the Tuvans based on the materials gathered during field studies. The mythology associated with evil spirits is subject to transformation. It is a dynamic, ever-changing process. Therefore, the publication of new field materials on this topic will help to clarify the existing ideas about the mythology of the Tuvan ethnos and its evolution.

Results. The work gives a general description of evil spirits and their habitats, as well as functional and semantic characteristics, which are reflected in ritual practices and popular knowledge. For the Tuvans, most places inhabited by evil spirits are ambivalent, that is, sacred and forbidden at the same time, as well as transboundary. The results of our studies show that certain places are considered by the Tuvans as sacred due to their ideas about the strength of the earth itself, as well as their beliefs about the existence of spirit masters of the area.

Conclusion. In general, the study revealed common and specific features in the anthropology of space, its development, taking into account the management of the economy and the traditional way of life of the Tuvans.

Keywords

Tuva, the Tuvans, mythology, evil spirits, rite, *aza*, *chetkher*, *albys*, *shulbus*, *diiren*, *sunesin*

For citation

Bazyrchap A.-Kh. O., Kongu A. A. Evil Spirits as Viewed by the Tuvans. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 134–146. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-134-146

© А.-Х. О. Базырчап, А. А. Конгу, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography

Введение

Известная у многих народов древняя традиция почитания духов, владычествующих над землей, водой, горами и другими природными объектами, поражает исключительным разнообразием как мифологических сюжетов, так и культовых атрибутов и обрядов. У народов Саяно-Алтая, включая тувинцев, они живы до сих пор. Природа почитается как источник пропитания и благополучия, богатства и плодovitости. Дух-хозяин местности (тув. *ээзи*, обычно в каждом конкретном месте свой) может, по поверьям, сделать любого человека богатым или бедным, что зависит от личных качеств индивида. Считается, что духи-хозяева природных объектов живут в той же сфере, что и люди [Бурнаков, 2006; Алексеев, 1980]. Но помимо хозяев мест, помогавших людям, в религиозно-мифологической системе тувинцев существовало и большое количество вредоносных духов, приносящих болезни, несчастья, смерть. Как показывает опыт их изучения, духи, злые или нейтральные, обладают заметными территориальными различиями. В связи с этим актуальной задачей становится попытка анализа различий в традиционном мировоззрении в разных районах Тувы, опирающегося как на теоретический, так и на полевой материал.

Целью статьи является характеристика представлений о злых духах у тувинцев. Для достижения данной цели нами ставятся следующие задачи: рассмотреть представления тувинцев о строении мира, Вселенной, которая делится на три сферы; определить, на каком уровне происходит взаимодействие людей и духов; выявить место и функции шамана и ламы в обозначенной модели мира; собрать полевой материал о злых духах; на основе собранных материалов выявить виды таких духов.

Методологической основой работы послужили результаты теоретических разработок ряда отечественных и зарубежных этнографов, изучавших традиционную культуру и ранние верования (см. труды Э. Б. Тэйлора [1989], Дж. Фрэзера [1980], С. А. Токарева [1976], Г. Н. Потанина [1881], А. М. Позднеева [1887], Е. К. Яковлева [1900], Ф. Я. Кона [1934], О. Manchen-Helfen [1992], Ch. Stepanoff [2004], K. Zorbas [2019] и др.)

Классификацию злых духов в представлениях тувинцев провели П. И. Каралькин [1960], Л. П. Потапов [1991], С. И. Вайнштейн [1991], М. Б. Кенин-Лопсан [2002], В. Я. Бутанаев, Ч. В. Монгуш [Бутанаев, Монгуш, 2005; Монгуш, 2005], К. Серенот [2009], Н. П. Дыренкова [2012] и др. О гендерных признаках злых духов и их географической локализации (по ландшафтам, в которых «предпочитали обитать» те или иные духи) писали В. П. Дьяконова [1976. С. 284] и С. И. Вайнштейн [1991. С. 242]. О. Диксон привел сведения о нескольких разных злых духах, которые в различной степени оказывали воздействие на человека и на окружающий мир, а также могли принимать зооморфный и антропоморфный образы [2018. С. 8]. По материалам Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1957–1960 гг. Л. П. Потаповым, впервые применившим метод комплексного изучения источников, был собран огромный этнографический материал, результатами анализа которого стали обобщения имевшихся на то время сведений о быте и духовной культуре тувинцев [1969]. Им же была уточнена классификация различных культов у тувинцев. В книге «Алтайский шаманизм» [1991] автор писал о социальной сущности шаманизма и пришел к выводу, что она сводилась к признанию полной и всесторонней зависимости человека от воли божеств и духов, к признанию за ними сакральной силы, при помощи которой они распоряжаются судьбой каждого человека или целого народа. Ценные сведения по шаманизму у тувинцев приведены в материалах, изданных М. Б. Кенин-Лопсаном [1987; 1995; 2002]. Важная роль в изучении духовной культуры тувинцев и хакасов принадлежит В. Я. Бутанаеву. На основе материалов, собранных во время этнографических экспедиций, ученым была разработана концептуальная база исследований по истории и культуре древних тюрок Саяно-Алтая, включая предков тувинцев, что нашло отражение в совместной монографии В. Я. Бутанаева и Ч. В. Монгуш, где представлен пантеон невидимых злых духов у тувинцев и хакасов [2005]. В результате исследования авторы пришли к выводу о том, что демонологические

представления тувинцев и хакасов имеют лишь локальные различия. К. В. Пименова [2007] проанализировала трансформацию представлений о причинах возникновения болезней и бед в жизни человека, а также некоторые шаманские практики борьбы с порчей и злыми духами. Интересные сведения о различных категориях злых духов, а также их иллюстрации привел С. К. Серенот [2009. С. 48]. Большой вклад в изучение злого духа албасты внесла Н. П. Дыренкова [2012]. Она отметила тенденцию превращения духов *албыс* и *алмыс* в категорию злых, а также описала образ и функции *албасты*.

Как можно видеть, демонологическим представлениям тувинцев посвящено значительное количество научных работ. Тем не менее, несмотря на длительную историю изучения, в связи с использованием весьма разнородных источников и материалов, в приведенных исследователями материалах обнаруживаются довольно ощутимые расхождения в деталях описаний «внешности», локусов, последствий воздействия разных злых духов. По мнению К. В. Пименовой [2007], это могло объясняться как субъективными точками зрения информаторов, так и различиями между локальными традициями тувинцев. Кроме того, научная практика показала, что народные представления, связанные со злыми духами у тувинцев, подвержены трансформациям – они являются динамичными, постоянно изменяющимися. В связи с этим публикация новых полевых материалов и их анализ позволят дополнить имеющиеся сведения по данной теме, будут способствовать созданию более объективного представления о мифологии народа и особенностях ее эволюции.

Результаты исследований и обсуждение

Злой дух в шаманизме конца XIX – начала XX в. в Саяно-Алтае представлялся как конкретная, материальная «сущность». Соответственно, одной из основных функций шаманов была ликвидация злых духов [Позднеев, 1887. С. 170; Дьяконова, 1979. С. 170–171]. Важно отметить такое относительно новое у тувинцев явление, как участие лам наравне с шаманами в борьбе со злыми духами. Адаптируясь к местным верованиям и культам, они выработали собственные методы борьбы с ними с использованием в своей практике как буддийских, так и шаманских ритуальных инструментов [Дьяконова, 1975; 1976; 1979].

Собственно вредоносные духи у тувинцев связаны с Верхним, Средним и Нижним мирами [Алексеев, 1980. С. 61; Дьяконова, 1981а. С. 152]. Нижний мир шаманы делят на несколько частей и называют местом для мертвых (*өлгөн кижилер ораны*), страной чертей (*аза ораны* – страна злых существ). Но в *аза ораны* обитали не все категории злых духов – там не было таких персонажей, как *албыс* и *шулбус*. По материалам полевых исследований Н. А. Алексеева, считается, что между *Эрлик ораны* – Миром подземного владыки Эрлика, и *Аза ораны* – Миром чертей, идет постоянная борьба. *Эрлик-хан*, по тувинским верованиям, был существом, постоянно причинявшим людям только вред [Дьяконова, 1981б. С. 135–163; Алексеев, 1975. С. 138–139]. Описанные В. П. Дьяконовой представления тувинцев об *Эрлик-хане* и восприятие его земли как отдельного мира, где обитают умершие, совпадают с общетюркскими представлениями о наличии под землей обитаемой территории [Катанов, 1907. С. 82; Алексеев, 1984. С. 61]. По отношению к духам существует своя терминология. Так, наиболее употребляемыми народными понятиями являются: *аза*, *четкер*, *пук* (*бук*), *албыс*, *шулбус* и др. По мнению Ф. Я. Кона, есть и черти «*кайбын-ку* (*кыйбын-куу*), причиняющие мучения во время болезни и вызывающие агонию» [1934. С. 23].

Невидимая сила, которая негативно влияет на людей и животных (нечистая сила, дух болезни) и может толкнуть человека на невозвратные действия (например, преступления, самоубийство и т. д.), носит собирательное название *аза* у тувинцев и *айна* у хакасов. *Аза* может проникнуть в человека через плохую, вредоносную воду, например, превратившись в пылинку (ПМА: Александра Дамчатовна Шөлүр). В «пантеоне» духов *аза* относился к особому народу, созданному *Эрлик-ханом* во времена сотворения земли. Поэтому *аза* обитает и в под-

земном, Нижнем, мире, и в Среднем мире. Тувинское *аза*, вероятно, связано с санскритским *азар* – класс демонических существ [БАМРС, 2001. С. 63].

Злой дух *четкер* появляется в различных образах. Хакасы называют его «сайдан», т. е. шайтан. Он насыляет болезни, забирает души (тув. *сунезин*. – А.-Х. Б., А. К.) у людей. Являясь помощниками *Эрлик-хана*, *четкеры* обитали на кладбищах, но иногда выходили и вредили людям различными способами. По представлениям тувинцев, *четкеры* любят жадных, различную еду, радуются, когда человек пьянеет, грустит, ленится, помогают передавать сплетни. В устной традиции тувинцев о них бытует следующее представление: «Когда человек, умирая, не цепляется за его любимые вещи, но думает о близких ему людях (родственниках, жене, детях и т. д.), то такой человек остается на кладбище или попадает в другие миры. А если он не думал, что умрет первым и, умирая, боится, все время думает о своих вещах, то может вернуться и остаться в доме, в вещах и все время мешать его близким» (ПМА: Кара-кыс Сергеевна Шөмбул).

По представлениям тувинцев, если человека хоронили в горах (до настоящего времени пожилых людей, в частности чабанов, хоронят там, где они кочевали или жили. – А.-Х. Б., А. К.), то жившие там *четкеры* вместе с духами-хозяевами местности издавали страшные, пугающие звуки, иногда изображали ворона или представляли иные образы. Они могли сделать участников похорон и иных людей сумасшедшими, психически больными или, играя с душой человека, довести его до самоубийства.

Злые силы также расселялись в пустынных местах (*ээн чер*), где отсутствовали духи-хозяева местности, т. е. в заброшенных домах и на территории бывших кочевий. По сообщению Ш. С. Кончук, во всех заброшенных домах обитают черти – *аза*: «Некоторые люди видят их, когда проходят ночью между этими домами, или же некоторые из них являются соседями. Вот рядом с моим домом тоже по соседству заброшенный дом. Однажды моя маленькая внучка, глядя туда, говорит мне: “Бабушка, вот смотри, там человек, зовет меня поиграть с ним”. Я смотрю, а там ничего нет. Я удивилась и на завтра пригласила нашего районного шамана, чтобы он провел обряд очищения» (ПМА: Шогжутмаа Салчаковна Кончук). Один из наших информаторов сообщил следующее: «Есть пустой сарай вблизи аржаана Дустуг-Хем (Бай-Тайгинский район). В народе называют Бор-оол Чадыры, потому что хозяина этого сарая звали Бор-оол. Он был охотником. В прошлом году Чечек (моя соседка) вместе с родственниками ходила в сарай своего дяди, потому в селе пошли разговоры о том, что якобы его друг по имени Тайпуу, который вместе ходил на охоту, устроил поджог. Сарай и до этого случая охотники не раз разбирали, потом заново по просьбе родственников строили. По разговорам охотников стало известно, что в сарае живет его хозяин (злой дух *аза*, или *ээзи*), и когда охотник ночует, то он с ним начинает играть, т. е. показывается ему на глаза, издает различные звуки, толкает человека на самоубийство».

Согласно тувинским поверьям, в покинутом жилище запрещалось ночевать, иначе погибнешь. Если туда случайно заходили, то три раза плевали и произносили «не я зашел, а другой человек». Детей не пускали играть на кострище, где когда-то стояла старая юрта, ибо там могли остаться злые силы. Даже сегодня чабаны, после того как установят новую юрту, ее место обязательно очищают от черных бесов. Для этого помещение внутри окропляют молоком или молочным чаем, окуривают можжевельником – *артыш* или *айдыс*, а потом обходят юрту по солнцу и брызгают молоком [Монгуш, 2005. С. 185]. Кроме того, люди верят, что нечистая сила боится режущих предметов (нож, ножницы, топор) и колючих кустарников (боярышник, караганник, золотарник, шиповник, крыжовник, облепиха). Они применялись при лечении болезней и для изгнания злых духов. Нечистую силу можно также поразить выстрелом из ружья.

Ветер издавна почитался у тувинцев как одна из сил природы, божество или дух (*jel tangri*). Такое представление о нем зафиксировано еще в древнетюркских памятниках рунической письменности. Но в виде вихря или ветра, по-тувински *казырга* (хак. *хуюн*), движется по своим путям и нечистая сила; умерший человек ходит по земле в образе вихря, ее не

касясь. Ветры похищали души встреченных по пути людей. К появлению вихря относились со страхом, поскольку нечистая сила, чтобы обмануть людей, могла являться в образе человека, лисицы или вихря. В виде вихря она способна даже попасть в юрту, в которой никогда не шаманили. Ветры могли приносить непогоду, а также нечистую силу *аза* и болезни. Поэтому тувинцы, когда встречали вихрь, три раза плевали в его сторону и произносили заговор: «Курай-Курай! Плешивая баба в тубетейке, отправляйся в Монголию! Ведьма в полусуконном халате, отправляйся за Саяны! Топор и нож!» [Курбатский, 2001. С. 150]. После этого бросали в середину вихря нож или топор. За овладение вихрем, или злым духом *аза*, боролись только шаманы, причем шаманы, ведущие свое происхождение от *азаларов* – чертей. Если камлал именно такой шаман, то больной быстро излечивался, поскольку эти духи являлись его помощниками. Но во время камлания *аза* мог и убить человека. Только шаману суждено видеть *аза*, когда он вступает с ним в бой, побеждает его в жестокой схватке и возвращает душу больному [Кенин-Лопсан, 2002. С. 54]. У алтайцев *jel* также не только ветер, но и злые духи, в частности переносящие инфекции; вихрь у них считался злым духом, если он крутился против часовой стрелки, а если вился в ином направлении, то принимался за летящего кама, точнее за его *юла* (невидимого двойника человека) [Потапов, 1978. С. 22].

Отметим, что в призываниях (*алгышах*) тувинского шамана *аза* пролетает «под хмурыми небесами, под тучами» [Кенин-Лопсан, 1987. С. 139]. Так, информатор, вспоминая свое участие в детские годы в общественных жертвоприношениях, сообщала: «В летний период, когда закончили совершать жертвоприношения божествам, то сразу после этого собрались черные тучи, и начал дуть сильный ветер. Мы радовались дождю, а ветру нет, потому что дождь – это ответ божеств, к которым мы обращались с просьбой о потомстве, благополучии» (ПМА: Кара-кыс Сергеевна Шөмбүл). Вымокнуть под дождем, который прошел после жертвоприношения, считалось хорошим знаком. Поэтому до настоящего времени тувинцы испрашивают дождь различными способами: помахивают тканью красного цвета со словами испрашивания или же брызгают водой в небо.

В связи с этим важно, что главным атрибутом во время камланий шаманов, которые вели свое происхождение от *азаларов*, раньше было опахало [ДТС, 1969. С. 255]. Само помахивание как ритуальное действие называлось у народов Саяно-Алтая *чельбен* (*чельбир*) и считалось камланием. Опахало шаманы использовали, главным образом, до изготовления своего первого бубна [Потапов, 1978. С. 22]. Оно состояло из 6–7 платков, называющихся у ламалистов *кадаками* – полосками ритуальной ткани.

Ламы проводили свои обряды изгнания злого духа (*хи-юм*), как и шаманы, ночью вблизи погребений людей и у шаманских деревьев. По представлениям южных тувинцев, *хи-юм* (в какой-то мере аналогичен *аза* у западных) – это люди, в силу тех или иных обстоятельств, оставшиеся после смерти на земле и превратившиеся в бестелесные существа. Они могли причинять большие неприятности живущим, насылая болезни, смерть, различного вида беспокойства и т. д. Во время проведения обряда лама встречался с *хи-юмом* и изгонял его в другое место при помощи *дамыра* (музыкальный инструмент) либо брал с него обет не причинять вреда людям [Дьяконова, 1979. С. 171].

Один из информаторов рассказал нам о том, как он заболел, после того как оказался в центре небольшого вихря, но потом был исцелен ламой: «...в один прекрасный день я вместе со своим другом пас скот возле горы Кара-Баштыг. Овцы и козы потихонечку поднимались вверх по этой горе, а я сидел у подножия. Чтобы они далеко не ушли, друг пошел за ними и направил их вниз, а сам пропал. Я был даже этому рад, потому что держался от него на расстоянии, так как он все время говорил страшные вещи, пугал меня. И вдруг услышав крик, я посмотрел в сторону горы, и увидел, что он бежит вниз по склону с большой скоростью и криком. Я удивился и внимательно начал наблюдать. Когда он приблизился, я увидел, что за ним гонятся четыре черепа мертвых людей – они катятся вниз по склону горы, а также небольшой вихрь. Мне стало очень страшно, и от испуга я впереди него побежал. Но он догнал меня, и мы на несколько секунд оказались в центре вихря, ничего не видели, закрыли

глаза. А потом через несколько минут, когда я открыл глаза, то увидел черепа и сразу убежал. Услышал крики друга: «Помогите мне, они бегут за мной, что мне делать». Услышав это, я закричал ему, чтобы он перехитрил их, и побежал в другую сторону. Но голоса нет, он пропал. Я пытался несколько раз, но не получилось. Прибежав в юрту, я ничего не сказал и сразу лег под кровать, чтобы меня никто не нашел, плакал там часа 3 или 4. Мое отсутствие заметила мама и сразу начала искать меня и нашла. Она мне что-то говорит, но я не смог ответить. Потом взял маму за руку, вышел из юрты и рукой показал на гору Кара-Баштыг. А моего друга все еще нет. Подумал, что его съели те четыре черепа мертвых людей. Потом, когда мой друг пришел вечером домой в юрту и мама спросила, что случилось, он ответил, что за нами на горе гнались четыре черепа мертвых людей. Услышав это, мама заплакала. Однажды вечером моя семья пригласила знаменитого в то время на всю округу лама. Он читал молитвы, что-то говорил, притрагивался к моей голове со своим инструментом *дамыра*. В конце он сказал нам, что я подвергся плохим силам, что душу забрал злой дух *аза*, в результате этого и пропал голос. Но лама с духом боролся, и потому через некоторое время со мной все будет хорошо. А на утро лама за свою работу забрал у нас быка. Однажды в жаркий день я решил искупаться и пошел один на речку. Там, сидя на берегу, плескался в воде руками. И вдруг я увидел отражения себя на воде: иногда моя голова становилась большой, иногда маленькой, иногда мое лицо становилось морщинистым, круглым, широким и т. д. Тогда мне стало очень смешно, и я начал смеяться очень громко. С этого момента ко мне вернулась моя речь, мой голос. До сих пор вспоминаю этот случай» (ПМА: Оюн-оол Осур-оолович Тумат). Из сказанного следует, что лама, как и шаман, путем ритуальных действий мог якобы вызвать *сунезин* (душа в христианском понимании, у алтайцев – *сюнэ* [Анохин, 1924. С. 21]) и вернуть его человеку.

В этом отношении весьма интересна приведенная М. В. Монгуш информация, полученная в интервью с Его Святейшеством Богдо-гэгэном IX. На вопрос, а может ли лама провести обряд призывания *сунезин*, он ответил, что буддийский монах не вступает в общение с *сунезин* умершего. Он может совершать только определенные обряды, предусмотренные для *бардо* (промежуточное состояние). К тому же информацию, которая передается от умершего к шаману, транслирует не *сунезин*, а дух-сопроводитель. По словам Богдо-гэгэна IX, у человека имеется 2 духа-сопроводителя: белый и черный. Данные две силы рождаются и уходят вместе с ним. В течение жизни они не вступают в конфликт между собой, а также в конфликт с человеком, реально существуя вместе с ним. Об этих духах говорится в буддийских текстах. В шаманской же традиции отсутствуют понятия белого и черного, хорошего и плохого. Когда шаман в *бардо* вступает в общение с этими двумя духами-сопроводителями умершего, он не разделяет их на белого и черного, для него они предстают в одном лице. Он их определяет для себя как *сунезин* [Монгуш, 2010].

Наряду с *аза*, в демонологии тувинцев существует и несколько иных видов духов, вызывающих несчастья. Один из них *пук* (*бук*). Известно несколько его разновидностей [Кон, 1934. С. 23]. По поверьям, в маленького *пук* превращались самоубийцы и жертвы трагических происшествий. Ими становились и животные, убитые на мясо [Вчерашняя, 1955. С. 16]. Они были невидимы и, одиноко блуждая по свету, жили среди людей. Могли кричать по-свиному, а также блеять, как ягненок. Их появление обнаруживалось, когда в вечерних сумерках без повода лаяли собаки, мяукали кошки (тув. *Кежээки кызыл хун*). Поэтому маленьким детям запрещалось ночью плакать, кричать, смотреть в окна, так как *пук* оттуда следил за ними, чтобы совершить злонамеренные действия. С наступлением сумерек люди в пустынные места (*пуктуг чер*) не ходили, потому что там бродил *пук*. Человек, его увидевший, страдал, все время что-то говорил, что-то видел, по ночам просыпался от криков, куда-то уходил и т. д.

В тувинском фольклоре содержатся также сведения о духе *албыс*, способном, по словам многих информаторов, принимать различные облики. Но есть и данные, что *албыс* имели конкретный образ – женщины с длинными волосами, у которой со спины нет тела и видны

внутренности, или страшного мужчины с длинным носом из меди, когтями, верхняя губа зачяья, а нижняя – в рубцах [Кенин-Лопсан, 2002. С. 233]. По представлениям некоторых старожилов Овюрского района, *албыс* – это женщина, у которой отсутствует нос. Живет она в ущельях. Кроме пещер, *албысы* обитали на высоких берегах, песчаных дюнах, галечных отмелях, однако непосредственного отношения к воде не имели. При встрече с людьми обычно тщательно закрывали свои лица. Тувинские шаманы часто в *алгышах* упоминают *албысов* как обладателей длинных светлых волос. Например: «хоор сарыг албыстарым, алдын сарыг албыстарым» (светло-желтые мои албысы, золотисто-желтые мои албысы) [Кенин-Лопсан, 1995. С. 364]. Путникам-мужчинам они показывались в образе красавицы с длинными волосами, а женщинам – в образе красивого мужчины. Могли свести с ума тех и других. Если им удавалось кого-то соблазнить, то человек забывал обо всем и не возвращался домой. Болезнь эта называлась *албыстаар*. Такого человека, по тувинским поверьям, можно было спасти, лишь отпугнув от него злого духа. *Албысы* любят слушать музыку и исполнение героических сказаний. За это они благодарили охотников удачной охотой. Существуют мифы о сожительстве охотников или аратов с *албысами* (*албыс* в облике женщины), которые их кормят из своих длинных, забрасываемых на плечи грудей. Людей с такими болезнями излечивали шаманы, ведущие свое происхождение от рода *албыс*: «...Албыс – высший род шаманов», – отмечал Г. Н. Потанин [1881. С. 289].

К демоническим существам тувинцы относили также нечистую силу под названием *шулбус* (у хакасов *чулгус*, у алтайцев *чулмусы*; употребляется и в значении «шустрый человек») [Яимова, 1990. С. 100]). Это подземные духи-оборотни мужского или женского пола, способные перевоплощаться. Тувинцы верили, что они живут в глубоких пещерах, в тайге, в горах. Появляются только ночью и, приняв облик людей, творят зло. Мужчине причиняет вред *шулбус* женского пола, а женщине – мужского [Катанов, 1907. С. 3]. *Шулбус* (*Кацей*) – существо, имеющее один глаз и небольшой медный нос, огромную грудь, которую оно перекидывает через плечи. Поверья о *шулбусе* и *албысе* в прошлом, как отметил С. И. Вайнштейн, «были распространены у всех монгольских народов и от них, вероятно, проникли и к тувинцам» [1961. С. 176].

Кроме *шулбус*, у тувинцев имелся и персонаж *дишрең*, также обладавший медным носом [Кенин-Лопсан, 2002. С. 405]. Он в виде оборотня, как и *албысы*, сожительствовал с охотниками, кормил их мясом со своего ребра, иногда в виде женщины забеливал чай молоком из своей груди. Если человек вовремя не распознавал *дишрең*, то он погибал [Монгуш, 2005]. По данным З. Б. Самдан, охотник мог избавиться от *дишрең*, только послав его за зеленым коном Всемогущего Бога. Подобный образ злого духа существовал в мифологии хакасов – это общие дети семи *эрликов*; сыновья носят название *моос* (у тувинцев в фольклоре часто употребляется *амырга-моос*) и относятся к богатырям, наделенным злой силой. Они выходили на поверхность земли из Нижнего мира. У алтайцев напротив, глава существ Нижнего мира *Эрлик-хан* при почтительном отношении к нему посылал своих сыновей (злых духов) к людям для их защиты от нападения врагов.

Заключение

В целом злых духов в демонологических представлениях тувинцев можно разделить на несколько групп по внешним данным, в том числе по доминирующим гендерным признакам, антропоморфным или зооморфным показателям, функциональной нагрузке (например, *аза* или *четкеры* вредят людям, насылая болезни, забирая души-*сунезин* и т. д.). Отличаются духи и локальным своеобразием (обитают в горах, пещерах, на кладбищах, на высоких берегах, песчаных дюнах, галечных отмелях). В большинстве ведут себя враждебно по отношению к людям, нанося вред в основном в ночное время. Общей для тувинцев и соседних народов (хакасов, алтайцев и др.) является вера в возможность превращения умерших людей в злых духов, которые подчиняются божеству подземного мира *Эрлик-хану*. Важной особенностью

представляется значительная распространенность сохраняющихся у тувинцев и их соседей на территории Саяно-Алтая еще с древнетюркского времени представлений о ветре и вихрях как выражении и форме существования злых духов и сил. Важно отметить и наличие такого оригинального явления, как участие ламаистских священнослужителей в борьбе со злыми духами, похищавшими *сүнезин*.

Список литературы

- Алексеев Н. А.** Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 199 с.
- Алексеев Н. А.** Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 317 с.
- Алексеев Н. А.** Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. 233 с.
- Анохин А. В.** Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Горно-Алтайск: Ак Чечек, 1924. 147 с.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. М.: Academia, 2001. Т. 1. 437 с.
- Бурнаков В. А.** Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 208 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.** Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан, Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2005. 196 с.
- Вайнштейн С. И.** Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографический очерк. М.: Вост. лит., 1961. 218 с.
- Вайнштейн С. И.** Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 294 с.
- Вчерашня И. А.** Тувинские народные сказки: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: [б. и.], 1955. 16 с.
- Диксон О.** Шаманские карты путешествия души и картография запредельных пространств. Народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока. Атлас-путеводитель. М.: Велигор, 2018. 416 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Дьяконова В. П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
- Дьяконова В. П.** Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л.: Наука, 1976. С. 268–291.
- Дьяконова В. П.** Ламаизм и его влияние на мировоззрение и религиозные культы тувинцев // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири: вторая половина XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1979. 227 с.
- Дьяконова В. П.** Предметы к лечебной функции шаманов Тувы и Алтая // Сб. МАЭ. Л.: Изд-во МАЭ РАН, 1981а. Т. 37. С. 138–152.
- Дьяконова В. П.** Тувинские шаманы и их социальная роль в обществе // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981б. С. 129–164.
- Дыренкова Н. П.** Албасты в религиозных представлениях и фольклоре турецких племен // Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2012. С. 230–244.
- Каралькин П. И.** Жилище в Западной Туве // Тр. ТКЭАН 1957–1958 гг. М.; Л.: 1960. Т. 1. С. 267–283.

- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым // Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым. СПб.: [б. и.], 1907. Ч. 9. 658 с.
- Кенин-Лопсан М. Б.** Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Новосибирск: Наука, 1987. 162 с.
- Кенин-Лопсан М. Б.** Алгыши тувинских шаманов. Кызыл: Новости Тувы, 1995. 528 с.
- Кенин-Лопсан М. Б.** Мифы тувинских шаманов. Тыва хаманарнын торулгалары. Кызыл: Новости Тувы, 2002. 543 с.
- Кон Ф. Я.** Путешествие в Сойотию. М.: Изд-во Всесоюз. Об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев 1932–1934, 1934. 293 с.
- Курбатский Г. Н.** Тувинцы в своем фольклоре. Историко-этнографические аспекты тувинского фольклора. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 462 с.
- Монгуш М. В.** Индийская мозаика (часть третья) // Новые исследования Тувы. 2010. № 3. URL: <https://www.tuva.asia/journal/issue/7/2147-mongush.html>
- Монгуш Ч. В.** Обряды как отражение традиционных верований тувинцев и хакасов в XIX–XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Абакан: [б. и.], 2005. 202 с.
- Пименова К. В.** Представления о злых духах, порче и обряды очищения у современных тувинских шаманов // ЭО. 2007. № 4. С. 86–100.
- Позднеев А. М.** Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. 492 с.
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. И. К. Безобразова, 1881. Вып. 4. 425 с.
- Потапов Л. П.** Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.
- Потапов Л. П.** К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. 226 с.
- Потапов Л. П.** Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
- Серенот С. К.** Демонология в тувинском народном целительстве. М.: Велигор, 2009. 69 с.
- Тэйлор Э. Б.** Первобытная культура. М.: Изд-во полит. лит., 1989. 576 с.
- Токарев С. А.** Проблемы периодизации истории религии // Вопросы научного атеизма. М.: Мысль, 1976. Вып. 20: Актуальные проблемы истории атеизма и религии. С. 62–87.
- Фрэзер Дж.** Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 407 с.
- Яимова Н. А.** Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск: [б. и.], 1990. 167 с.
- Яковлев Е. К.** Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 357 с.
- Manchen-Helfen O.** Journey to Tuva. An Eye – Witness Account of Tannu-Tuva in 1929. Translated and annotated by Alan Leighton. Los-Angeles, Ethnographic Press University of Southern California, 1992, iss. 24, 191 p.
- Stepanoff Ch.** Chamanisme et transformation sociale Touva. *Etudes Mongoles, Siberiennes, Centra-siatiques et Tibetaines*, 2004, vol. 35, p. 155–183.
- Zorbas K.** Healing interactions between shamans and clients (Kyzyl, Republic of Tuva). University of Cambridge, 2019. URL: <http://www.spri.cam.ac.uk/research/projects/shamanichealing/> (дата обращения 11.03.2019).

Полевые материалы автора

Кончук Шогжутмаа Салчаковна, 1941 г. р., место рождения – местность Чангыс-Терек. Дата и место записи: 2014 г., с. Шуй Бай Тайгинского района Республики Тува.

- Тумат Оюн-оол Осур-оолович**, 1945 г. р., место рождения – с. Дус-Даг Овюрского района Республики Тува. Дата и место записи: 2014 г., с. Дус-Даг Овюрского района Республики Тува.
- Шолур Александра Дамчатовна**, 1926 г. р., место рождения – с. Кара-Тал. Дата и место записи: 2014 г., с. Чаа-Холь Чаа-Хольского района Республики Тува.
- Шөмбүл Кара-кыс Сергеевна**, 1950 г. р., место рождения – с. Урбун Улуг-Хемского района Республики Тува. Дата и место записи: 2016, с. Чаа-Холь Чаа-Хольского района Республики Тува.

References

- Alekseev N. A.** Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX – nachale XX v. [Traditional Religious Beliefs of the Yakuts in the 19th – early 20th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1975, 199 p. (in Russ.)
- Alekseev N. A.** Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Early Forms of Religion of the Turkic-Speaking Peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 317 p. (in Russ.)
- Alekseev N. A.** Shamanizm tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Shamanism of the Turkic-Speaking Peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 233 p. (in Russ.)
- Anokhin A. V.** Materialy po shamanstvu u altaitsev, sobrannye vo vremya putesthestvii po Altayu v 1910–1912 gg. po porucheniiu Russkogo komiteta dlya izucheniya Srednei i Vostochnoi Azii [Materials on Shamanism among Altai People Collected during Travels in Altai in 1910–1912 on behalf of the Russian Committee for the Study of Central and East Asia]. Gorno-Altaysk, Ak Chechek Publ., 1924, 147 p. (in Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Grand Academic Mongolian – Russian Dictionary]. Moscow, Academia Publ., 200, vol. 1, 437 p. (in Russ.)
- Burnakov V. A.** Dukhi srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov [Spirits of the Middle World in the Traditional Worldview of the Khakass]. Novosibirsk, IAE SB RAS Publ., 2006, 208 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V.** Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov [Archaic Customs and Rites of the Sayan Turks]. Abakan, Khakass State Uni. named by N. F. Katanov Publ., 2005, 196 p. (in Russ.)
- Diakonova V. P.** Lamaizm i ego vliyanie na mirovozzrenie i religioznye kul'ty tuvintsev [Lamaism and its Influence on the Worldview and Religious Cults of the Tuvans]. In: Khristianstvo i lamaizm u korenного naseleniya Sibiri: vtoraya polovina XIX – nachalo XX v. [Christianity and Lamaism among the Indigenous Population of Siberia: the second half of the 19th – early 20th Centuries]. Leningrad, Nauka, 1979, 227 p. (in Russ.)
- Diakonova V. P.** Pogrebal'nyi obryad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskii istochnik [Tuvan Funeral Rite as a Historical and Ethnographic Source]. Leningrad, Nauka, 1975, 164 p. (in Russ.)
- Diakonova V. P.** Religioznye predstavleniya altaitsev i tuvintsev o prirode i cheloveke [Religious Views of the Altai People and the Tuvans about Nature and Man]. In: Priroda i chelovek v religioznykh predstavleniyakh narodov Sibiri i Severa [Nature and Man in Religious Beliefs of the Peoples of Siberia and the North]. Leningrad, Nauka, 1976, p. 268–291. (in Russ.)
- Diakonova V. P.** Predmety k lechebnoi funktsii shamanov Tuvy i Altaya [Items Used for the Healing Function of the Shamans of Tuva and Altai]. In: Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, MAE RAS Publ., 1981, vol. 37, p. 138–152. (in Russ.)
- Diakonova V. P.** Tuvinskie shamany i ikh sotsial'naya rol' v obshchestve [Tuvan Shamans and their Social Role in Society]. In: Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri. (Po materialam vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.) [Issues of the History of Social Consciousness of the Natives of Siberia. (Based on Materials from the second half of the 19th – beginning of the 20th Centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 129–164. (in Russ.)

- Dikson O.** Shamanskii karty puteshestviya dushi i kartografiya zapredel'nykh prostranstv. Narody Krainego Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Shaman Maps of Soul Travels and Mapping of Other-Worldly Spaces. Peoples of the Far North, Siberia and the Far East]. Collection of Maps. Moscow, Veligor Publ., 2018, 416 p. (in Russ.)
- Drevnetyurkskii slovar' [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (in Russ.)
- Dyrenkova N. P.** Albasty v religioznykh predstavleniyakh i fol'klore turetskikh plemen [Albasts in Religious Beliefs and Folklore of Turkish Tribes]. In: Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy [Turks of Sayano-Altai. Articles and Ethnographic Materials]. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2012, p. 230–244. (in Russ.)
- Frezer J. G.** Zolotaya vetv'. Issledovanie magii i religii [Golden Branch. A Study of Magic and Religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1980, 407 p. (in Russ.)
- Karalkin P. I.** Zhilishche v Zapadnoi Tuve [Housing in Western Tuva]. In: Trudy TKEAN [Proceedings of the TKEAN]. Moscow, Leningrad, 1960, vol. 1, p. 267–283. (in Russ.)
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov. Teksty sobrannye i perevedennye N. F. Katanovym [Dialects of the Uryankhayts (Soyots), Abakan Tatars and Karagas. Texts Collected and Translated by N. F. Katanov]. In: Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym [Samples of Folk Literature of Turkic Tribes Published by V. Radlov]. St. Petersburg, 1907, part 9, 658 p. (in Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B.** Algyshi tuvinskikh shamanov [Algys of Tuvan Shamans]. Kyzyl, Tuva News Publ., 1995, 528 p. (in Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B.** Mify tuvinskikh shamanov. Tyva khamanarnyn torulgalary [Myths of Tuvan Shamans. Tuva Hamanarnyn Torulgalar]. Kyzyl, Tuva News Publ., 2002, 543 p. (in Russ.)
- Kenin-Lopsan M. B.** Obryadovaya praktika i fol'klor tuvinskogo shamanstva [Ritual Practices and Folklore of Tuvan Shamanism]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 162 p. (in Russ.)
- Kon F. Ya.** Puteshestvie v Soiotiyu [Travel to Soyotia]. Moscow, All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers 1932–1934 Publ., 1934, 293 p. (in Russ.)
- Kurbatskii G. N.** Tuvinty v svoem fol'klore. Istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora [The Tuvans in their Folklore. Historical-Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore]. Kyzyl, Tuva Book Publ., 2001, 462 p. (in Russ.)
- Manchen-Helfen O.** Journey to Tuva. An Eye – Witness Account of Tannu-Tuva in 1929. Translated and annotated by Alan Leighton. Los-Angeles, Ethnographic Press University of Southern California, 1992, iss. 24, 191 p.
- Mongush Ch. V.** Obryady kak otrazhenie traditsionnykh verovaniy tuvintsev i khakasov v XIX–XX vv. [Rites as a Reflection of the Traditional Beliefs of Tuvans and Khakasses in the 19th – 20th Centuries]. Dr. Hist. Sci. Diss. Abakan, 2005, 202 p. (in Russ.)
- Mongush M. V.** Indiiskaya mozaika (chast tret'ya) [Indian Mosaic (part 3)]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New Studies of Tuva], 2010, no. 3. (in Russ.) URL: <https://www.tuva.asia/journal/issue/7/2147-mongush.html> (accessed: 20.10.2019).
- Pimenova K. V.** Predstavleniya o zlykh dukhakh, porche i obryady ochishcheniya u sovremennykh tuvinskikh shamanov [Views on Evil Spirits, Bewitchment and Purification Rites among Modern Tuvan Shamans]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2007, no. 4, p. 86–100. (in Russ.)
- Potanin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays on Northwest Mongolia]. St. Petersburg, I. K. Bezobrazov Publ., 1881, 425 p. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Altaiskii shamanizm [Altai Shamanism]. Leningrad, Nauka, 1991, 332 p. (in Russ.)
- Potapov L. P.** K voprosu o drevnetyurkskoi osnove i datirovke altaiskogo shamanstva [On the Issue of Ancient Turkic Basis and Dating of Altai Shamanism]. In: *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoi Sibiri* [Ethnography of the Peoples of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1978, 226 p. (in Russ.)
- Potapov L. P.** Ocherki narodnogo byta tuvintsev [Essays on the Life of the Tuvans]. Moscow, Nauka, 1969, 402 p. (in Russ.)

- Pozdneev A. M.** Ocherki byta buddiiskikh monastyrei i buddiiskogo dukhovenstva v svyazi s ot-nosheniem sego poslednego k narodu [Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Bud-dhist Clergy in Connection with the Attitude of Latter to the People]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1887, 492 p. (in Russ.)
- Serenot S. K.** Demonologiya v tuvinskom narodnom tselitel'stve [Demonology in Tuvan Healing]. Moscow, Veligor Publ., 2009, 69 p. (in Russ.)
- Stepanoff Ch.** Chamanisme et transformation sociale Touva. *Etudes Mongoles, Siberiennes, Centrasiatiques et Tibetaines*, 2004, vol. 35, p. 155–183.
- Taylor E. B.** Pervobytnaya kul'tura [Primitive Culture]. Moscow, Politicheskaya literatura Publ., 1989, 576 p. (in Russ.)
- Tokarev S. A.** Problemy periodizatsii istorii religii [Issues of Periodization of the History of Reli-gion]. In: Voprosy nauchnogo ateizma [Aspects of Scientific Atheism]. Moscow, Mysl' Publ., 1976, iss. 20: Actual Issues of the History of Atheism and Religion, p. 62–87. (in Russ.)
- Vainshtein S. I.** Mir kochevnikov tsentra Azii [Nomad World of Central Asia]. Moscow, Nauka, 1991, 294 p. (in Russ.)
- Vainshtein S. I.** Tuvinty-todzhinty: istoriko-etnograficheskii ocherk [The Tuvans-Todgins: A His-torical-Ethnographic Essay]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1961, 218 p. (in Russ.)
- Vcherashnyaya I. A.** Tuvinskie narodnye skazki [Tuvan Folk Tales]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Moscow, 1955, 16 p. (in Russ.)
- Yaimova N. A.** Tabuirovannaya leksika i evfemizmy v altaiskom yazyke [Taboo Vocabulary and Euphemisms in the Altai Language]. Gorno-Altaysk, 1990, 167 p. (in Russ.)
- Yakovlev E. K.** Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i Ob'yasnitel'nyi katalog Etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya [Ethnographic Overview of the Native Population of the South Yenisei Valley and the Explan-atory Catalogue of the Ethnographic Department of the Minusinsk Museum. Description of the Minusinsk Museum]. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, iss. 4, 357 p. (in Russ.)
- Zorbas K.** Healing interactions between shamans and clients (Kyzyl, Republic of Tuva). University of Cambridge, 2019. URL: <http://www.spri.cam.ac.uk/research/projects/shamanichealing/> (ac-cessed: 11.03.2019).

Author's Field Materials

- Konchuk Shogzhutmaa Salchakovna**, born in 1941, from Changys-Terek Area. Data and place of recording: 2014, the Shui Bai village in Taiginsky District of Tuva Republic.
- Shambul Kara-kys Sergeevna**, born in 1950, from Urbun village in Ulug-Khemsy District of Tyva Republic. Place of recording: Chaa-Khol village in Chaa-Kholsky District of Tuva Re-public.
- Sholyr Alexandra Damchatovna**, born in 1926, from Kara-Tal. Data and place of recording: 2014, Chaa-Khol village Chaa-Kholsky District of Tuva Republic.
- Tumat Oyun-ool Osur-oolovich**, born in 1945, from Dus-Dag village. Date and place of record-ing: 2014, the Dus-Dag village in Ovure District of Tuva Republic.

Материал поступил в редколлегию

Received

20.01.2020

Сведения об авторах

Базырчап Анай-Хаак Орлан-ооловна, научный сотрудник Тувинского научного центра (ул. Интернациональная, 117А, Кызыл, 667007, Россия)
anaihaak1990@mail.ru
ORCID 0000-0002-6262-261X

Конгу Аржаана Алексеевна, научный сотрудник Тувинского научного центра (ул. Интернациональная, 117А, Кызыл, 667007, Россия)
konguarzhaana@mail.ru
ORCID 0000-0001-7825-659X

Information about the Authors

Anay-Khaak O. Bazyrchap, Researcher at the Tuvinian Scientific Center (117A International Str., Kyzyl, 667007, Russian Federation)
anaihaak1990@mail.ru
ORCID 0000-0002-6262-261X

Arzhaana A. Kongu, Researcher at the Tuvinian Scientific Center (117A International Str., Kyzyl, 667007, Russian Federation)
konguarzhaana@mail.ru
ORCID 0000-0001-7825-659X

УДК 39 + 617.7
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-147-159

Глазные недуги в традиционных представлениях тюрко-монгольских народов Внутренней Азии в XIX – начале XX века: природа заболеваний, профилактика и лечение

М. М. Содномпилова, Б. З. Нанзатов

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия*

Аннотация

Изучаются восприятие и понимание значения и функций органов зрения человека через призму глазных заболеваний. Исследования комплекса традиционных представлений и обрядовых действий тюрко-монгольских народов Сибири, выявляющих характерные признаки глазных заболеваний и направленных на исцеление, позволяют предположить, что наиболее распространенным заболеванием была катаракта. Ее в определенной мере можно считать медико-географической спецификой территорий Центральной и Внутренней Азии, подверженных интенсивному солнечному излучению. Некоторые инфекционные заболевания глаз, в частности трахома, были привнесены в Сибирь достаточно поздно, поэтому в мифологическом осмыслении и ритуальной сфере ее отражение не обнаруживается. Практически отсутствуют воззрения о глаукоме и близорукости. Полагаем, что эти заболевания не были частыми спутниками кочевников-степняков, поскольку такие виды хозяйственной деятельности, как, например, вышивка, шитье бисером и т. п., не входили в число их традиционных занятий.

Ключевые слова

Сибирь, тюрко-монгольские народы, этнография, медицинская антропология, луна, катаракта, лечебные приемы

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00120

Для цитирования

Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З. Глазные недуги в традиционных представлениях тюрко-монгольских народов Внутренней Азии в XIX – начале XX века: природа заболеваний, профилактика и лечение // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 147–159. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-147-159

Eye Diseases in Traditional Views of the Turk-Mongolian Peoples of Siberia: Their Nature, Prevention and Treatment of the Diseases

M. M. Sodnompilova, B. Z. Nanzatov

*Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS
Ulan-Ude, Russian Federation*

Abstract

Purpose. In the traditional picture of the world of the Turk-Mongolian peoples of Siberia, an important place is occupied by ideas about the structure of the human body and its organs. Interest in this topic is justified by the poor previous study of the information that the Turk-Mongols of Siberia had about the structure and functioning of the human

© М. М. Содномпилова, Б. З. Нанзатов, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography

body. This article sets the task of studying the perception and understanding of the meaning and functions of human organs through eye diseases.

Results. Folk medical knowledge, which was accumulated over centuries by the Turk-Mongolian peoples, is a valuable source that can reveal how representatives of the nomadic culture perceived and understood the structure and functions of the human body. The study of eye diseases, interpretations of the nature of the diseases, and ways of treating them allow us to conclude that the most common diseases of the Turk-Mongolian peoples were cataract, trachoma, and conjunctivitis. A number of diseases, such as conjunctivitis, glaucoma and cataract, are connected with heavenly bodies – the stars and the moon, which led to the specificity of “medical” drugs and therapeutic techniques used. In particular, this is the use of nacre, the external data of which caused associations with the moon. A gradual replacement of expensive “medical” mixtures with more affordable ones, such as sugar, is specified.

Conclusion. In traditional views, human eyes are represented as a source of light. With the extinction of the light source, vision is lost. There is a connection between the ability of a person to see and heavenly night lights. It also manifests itself through the prism of “medical” means and therapeutic techniques used in the treatment of eye diseases. Cataract is a characteristic disease of the population of Central and Inner Asia, the areas which are exposed to intense solar radiation. Trachoma is a disease of an infectious nature in the absence of hygiene, and it rapidly spread among the indigenous peoples of Siberia. There is little evidence of myopia and glaucoma. The notions of myopia known in the Turk-Mongolian are associated with poor eyesight in domestic animals – horses and cattle, and therefore prohibitions to eat these animals’ eyes for food were common.

Keywords

Siberia, Turk-Mongolian peoples, Ethnography, Medical Anthropology, moon, cataract, healing techniques

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number 19-09-00120

For citation

Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. Eye Diseases in Traditional Views of the Turk-Mongolian Peoples of Siberia: Their Nature, Prevention and Treatment of the Diseases. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 147–159. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-147-159

Введение

Народные медицинские знания, аккумулируемые веками, являются важной частью традиционной культуры этносов, выступают ценным источником, раскрывающим народное понимание и восприятие строения и функций человеческого организма. В картине мира тюрко-монгольских народов Внутренней Азии эти представления также занимают важное место. Научный интерес к данной теме обусловлен слабой изученностью той части эмпирического опыта (представлений о строении и функционировании организма человека), народных верований и обрядов, которые связаны с сохранением здоровья и лечением заболеваний.

В мировой исторической науке тело как объект исследования широко представлено в трудах зарубежных специалистов, выработавших ряд подходов и направлений его изучения. Среди них особый интерес представляют работы французских авторов – М. Фуко [Foucault, 1978], Ж. Ле Гоффа и Н. Труонга [Le Goff, 1988; Le Goff, Truong, 2003], анализировавших историю изучения тела в Средние века. В отечественной исторической науке тело человека рассматривается преимущественно в рамках работ, исследующих место и функции человека в системе социокультурных связей традиционных обществ. Это работы по соматической этнографии русского [Мазалова, 2001; Щепанская, 2003] и кавказских народов [Карпов, 2003], а также кинесике [Чеснов, 1989].

Данные наработки востребованы в интересах фундаментальной и прикладной науки и могут быть полезными в изучении этнической истории Внутренней Азии. Исследования также позволяют лучше понять структуру социума и особенности социальных взаимодействий, в том числе и в кочевом обществе. Их результаты будут необходимы для понимания логики толкований приемов врачевания и лечебных средств, выработанных народной медициной.

Цель настоящей статьи – характеристика восприятия и понимания значения и функций органов зрения человека применительно к традиционным представлениям тюрко-монгольских народов Внутренней Азии о природе заболеваний, их профилактике и лечении. Исследование опирается преимущественно на этнографические, исторические, фольклорные материалы тюрков Южной Сибири, бурят, монголов, ойратов, а также якутов. Поскольку тра-

диционное мировоззрение и культура тюрко-монгольских народов формировались не в изоляции, следует выявить возможную общность представлений и религиозных традиций относительно болезней глаз также для финно-угорских и тунгусо-маньчжурских народов, расселившихся по соседству с тюрко-монголами. Тесное взаимодействие «степной» и «лесной» культур подтверждается результатами археологических изысканий [Головнев, 1995], этнографическими, лингвистическими данными [Janhunen, 1998; Сагалаев, 1991]. Относительно фольклорных материалов, следует подчеркнуть, что границы распространения мифологических сюжетов могут охватывать огромные ареалы, как это было показано исследованиями Ю. Е. Березкина [2005; 2018].

Материалы и обсуждение

Изучение религиозных практик и традиционных представлений тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, включая и северные районы Сибири, где проживают якуты, показывает, что глазные болезни входили в число наиболее распространенных недугов. Масштабы этих заболеваний у коренных народов Сибири в XIX в. точно не известны. Мы располагаем лишь косвенными сведениями русских чиновников и исследователей, дающих общее представление о состоянии здоровья органов зрения некоторых народов Сибири, в частности бурят и якутов, – чиновника МВД А. И. Термена [1912], дипломата, монголоведа и общественного деятеля И. М. Майского [1921], члена Троицкосавско-Кяхтинского Приамурского отдела Русского географического общества, кяхтинского исследователя Г. М. Осокина [1906. С. 210]). Согласно этим сведениям, страдающих глазными недугами было немало. Широкое распространение глазных заболеваний отмечалось и в соседней Монголии. И. М. Майский писал, что его во время поездок по Монголии «осаждали монголы, просившие каких-нибудь лекарств “от глаз” – поскольку мог заметить, довольно часто встречалась трахома» [1921. С. 31]. О том, что монголы особенно часто жаловались на глазные болезни, в начале XX в. сообщал Р. Ч. Эндрюс [Andrews, 1932. Р. 351]. Исследования Дж. Бойда представляют более точную информацию: глазными недугами в дореволюционный период в Монголии болело 28 % монгольского населения [Boyd, 2010. Р. 193].

Различные заболевания глаз в монгольских языках, как правило, объединяются общим названием *нюдэнэй убишэн*. В этой же форме они фиксируются в документах бурятского ведомства (Баргузинской Степной думы) XIX в. – «Глазные болезни» [История Баргузинской Степной думы..., 2012. С. 120]. Но такое заболевание, как трахома, приводившее к нарастанию тканей на веках глаз, что было очень заметно, легко выделяли по внешним признакам. Заболевание не имело в монгольских языках собственного названия и было известно как *трахом* [БРС, 2010. С. 252; РМС, 1982. С. 729]. В бурятском языке встречалось еще одно обозначение трахомы – *нулсаран убишэн / улсар убишэн* [БРС, 2010. С. 253].

Трахома – классическое антропонозное заболевание, известное человеку с древности, – первые его описания фиксируются в Египте (XVII–XVIII в. до н. э.). Распространение этого заболевания в Европе связывают с периодом наполеоновских войн. В XVIII в. вместе с русскими войсками инфекция распространилась и в Сибири [Ляшенко и др., 2014]. В дореволюционной России трахома занимала первую позицию в структуре слепоты населения – 21,4 % (7 млн человек) [Алексеева, 2010. С. 33]. Высокими были ее показатели и среди коренных народов Сибири. В XIX в. трахома упоминается среди бурят, а в начале XX в. становится самым распространенным заболеванием органов зрения. О том, что трахома «свила себе прочное гнездо» в бурятских улусах писал А. И. Термен [1912. С. 144]. Основной причиной массовой заболеваемости было неудовлетворительное санитарное состояние быта [Алексеева, 2010. С. 33]. Однако в Бурятии решению этой проблемы не уделялось достаточного внимания вплоть до 1935 г., и только деятельность специальных офтальмологических отрядов в 1935 г. показала реальные масштабы распространения трахомы по разным районам

автономии [Цыретарова, 2016. С. 31]. Аналогичная динамика роста этого заболевания отмечалась в Якутии с конца XIX до середины XX в. [Алексеева, 2010. С. 33].

Другое распространенное в Центрально-Азиатском регионе с его большими дозами солнечного излучения заболевание – катаракта (в обыденной речи – бельмо), имело в монгольских языках название *нудний уул*, *цагаа*, в хакасском – *харах салы* [Бутанаев, 1999. С. 105]. Помутнение хрусталика (катаракта) и помутнение роговицы (бельмо) рассматривались как одно заболевание.

В перечень «глазных болезней» входил также конъюнктивит – воспаление наружной оболочки глаза, называемый *нюдэнэй уйдэг*, *нудний халдвар* [БРС, 2006. С. 630], *сылбых харах* [Бутанаев, 1999. С. 180].

Предположительно, в группе заболеваний органов зрения находилась и глаукома, о которой в прежние времена люди имели слабое представление и соответственно никак не обозначали. Источниками, содержащими сведения о признаках такого заболевания, выступают обрядовые тексты, адресованные его духу-хозяину. Наиболее красочно образ духа и локализация боли, причиняемой больному, представлены в обрядовых текстах качинцев, записанных Н. А. Алексеевым: «Не причиняй боли правым бровям!... Не причиняй вреда пегим глазам, не производи боли в смотрящих глазах! Ты царь земли и сын неба, украшаемый красными лентами!» [1984. С. 75]. Известно, что приступы боли в глазу, головная боль в области поражения глаза, в том числе и в области бровей, – частые симптомы глаукомы. На наш взгляд, это позволяет соотнести болезнь именно с глаукомой, а не с другими глазными заболеваниями.

Такой недуг, как близорукость, встречался нечасто. Во всяком случае в наблюдениях участников многочисленных этнографических экспедиций, исследовавших регион, отмечалось хорошее зрение людей, регулярно тренировавших свои глаза в наблюдениях за стадами животных, пасущихся вдаль, за дикими животными на охоте. Так, по замечанию В. Л. Серошевского, все якуты, с которыми он был знаком, были дальнотзорными. Якуты прекрасно различали семь крупных звезд в созвездии Плеяд, но плохо видели вблизи узоры на украшениях, чертежи и рисунки в книгах [Серошевский, 1993. С. 243]. Упоминания о близорукости практически нигде не встречаются, за исключением одного запрета, известного якутам: «Женщине нельзя есть коровьи глаза: дети будут рождаться большеглазыми и близорукими» [Алексеев, 1980. С. 45]. Очевидно, якуты предполагали, что крупный рогатый скот обладает слабым зрением. Сходное представление, но только в отношении лошадей, бытовало у бурят: о близоруком человеке говорили – *морин нюдэтэй* (с конскими глазами).

В представлениях тюрко-монгольских народов были распространены образы небесных светил как подателей душ людей и животных. Но при этом у бурят обнаруживаются представления о луне, обрывающей жизнь человека: луна может «забрать» жизнь детей у нерадивых родителей, ругающих и наказывающих их. Это тесно соотносилось с известным преданием о девушке-сироте, обижаемой мачехой, которую забрал месяц [Галданова, 1987. С. 17]. Аналогичные воззрения, отражающие функции луны как божества, дарующего жизнь и лишаящего ее, встречаются у самодийцев. В их представлениях связь между небесными светилами и способностью человека видеть передается более подробно: нганасаны думали, что глаза человеку дает луна. После того как девушка выходила замуж, луна-мать сразу же начинала считать месяцы и через некоторое время давала будущему ребенку глаза еще в чреве матери. Луна же забирает жизнь человека, и тогда глаза, сердце, мозг, тень уходят в землю мертвых [Грачева, 1983. С. 58, 59, 63]. У других соседей тюрко-монголов – нанайцев, в лечебной магии ключевая роль отводилась идолам природных стихий; глазные болезни могли излечить две антропоморфные фигурки, изображавшие солнце и луну [История и культура нанайцев..., 2003. С. 190].

С образом луны, наделяющей живые существа зрением, перекликаются и некоторые запреты. Так, тувинцы полагали, что в полнолуние беременной женщине нельзя находиться в зоне лунного света. Свет полной луны может навредить ребенку в чреве матери, вызвав

уродства, недоразвитость плода. А. П. Потапов, в частности, писал, что ребенок мог родиться косым [1969. С. 290]. Эти представления также находят аналогии в мировоззрении самодийских народов. У ненцев женщины избегали смотреть сквозь дымовое отверстие чума на луну «чтобы не окосеть» [Головнев, 1995. С. 304]. Связь луны с косоглазием в данных запретах не ясна. Вполне возможно, что она вообще отсутствует, а запрет может быть связан с ограничением видимости объекта через небольшое светодымовое отверстие. Так, более понятной причина возможного косоглазия ребенка видится в комплексе запретов, предъявляемых к беременной в культуре нанайцев: «нельзя подглядывать одним глазом в окно – ребенок родится косоглазым» [История и культура нанайцев..., 2003. С. 199].

Характерной особенностью глаз в лексике и мировоззрении тюрко-монгольских народов является свет, огонь. Одной из черт старения человека у бурят, сопровождающегося ухудшением зрения, является утрата «огня глаз» (о старом человеке говорят: «свет глаз его погас»). Согласно воззрениям хакасов, душа *чула* находится в зрачках глаз [Бутанаев, 1999. С. 223]. В разных вариантах преданий и сказок народов Сибири глаза, ассоциируясь с душой человека, представляются источниками света (звездочками или искорками), которые во время сна способны покидать тело и посещать окрестные места. Однако, по поверью бурят, такой способностью обладают души редких людей [Хангалов, 1960. С. 50]. В хакасском предании зафиксирована связь души и зрения человека: «Ночью душа “чула”, может покинуть спящего человека и, приняв его облик, способна путешествовать по округе. Иногда во время сна душа может выйти из своего месторасположения в виде двух звездочек, искорок или даже мыши. По преданию, два охотника отдыхали в лесу. Один из них заснул, а другой бодрствовал. Вдруг из глаз спящего охотника появились два огонька. Через некоторое время они вернулись обратно. В этот момент наблюдавший компаньон набросил шубу на спящего товарища. Два огонька долго кружили над закрытым лицом первого охотника и затем улетели. Когда спящий товарищ проснулся, то потерял зрение. С тех пор по хонгорскому обычаю лицо спящего человека никогда не закрывают. В этих же целях запрещалось засыпать с грязным лицом. Гуляющая душа могла испугаться немывтого лица и в страхе покинуть хозяина. Отсюда происходит потеря зрения и здоровья» [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 132].

Глаза животных также ассоциировались с источником света. Например, бурятские охотники очень бережно относились к глазам убитого медведя, называя их *хоёродон* «две звезды». «Когда убьют медведя, тогда по старинному бурятскому обычаю оба глаза осторожно, чтобы не повредить, вынимают, обертывают травой и кладут на дерево» [Хангалов, 1959. С. 54].

Связь с небесными светилами обнаруживают и некоторые глазные заболевания. По мнению тюрков Южной Сибири, они насылались хозяевами *ызыхов*, живущих на звездах [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 110–111]. Хакасы называли бельмо «белый подкидыш» или «гость» [Там же]. Они считали это заболевание заночевавшим мифическим гостем, спустившимся со звезд. Его лечили знахари, которые обязательно должны иметь черные глаза и черные волосы (признак сильного лекаря). Для выполнения обряда лекарь брал серебряную монету, данную больным и, сложив ладони рупором, дышал особым способом на глаз. Горячим дыханием грел глаз три раза и произносил заклинания, обращаясь сначала к богине огня *Отине*, прося ее «очистить усевшегося гостя... очистить разлившуюся белую мутность» [Там же]. Затем больного выводили на улицу, где он кланялся звездам и луне, а лекарь читал заклинания, обращенные к небесным светилам. Лекарь серебряной монетой обводил три раза по часовой стрелке больной глаз и призывал болезнь войти в металл, превратиться в серебро или золото [Там же].

Наряду с этими представлениями были известны идеи, о том, что разнообразные глазные болезни исходят от многочисленных духов Нижнего, Среднего и Верхнего миров. Они упоминаются чаще иных недугов в описании обрядов и фольклоре тюрко-монгольских народов Внутренней Азии.

Так, в якутской мифологии, где трахому связывают с женским персонажем (в одних преданиях дух глазных болезней – дочь одного из предков якутского народа Омогой-бая [Становление дочери..., 2004. С. 291], в других – дочь якутского богача Ирина-госпожа, у которой по вине родителей, не давших ей приданого, не сложился брак с божеством – внуком Улуутойона). Духи разгневались, ослепили и изгнали ее бродяжничать между небом и землей, превратив в злого духа. «Ирина-госпожа стала злым духом трахомы, дикого мяса, нарастающего на веках. До ее превращения, говорят, у людей глаза не болели» [Ставшая злым духом..., 2004]. Возможно, в преданиях упоминается то время, когда люди еще не были знакомы с этим заболеванием.

В среде тюркских народов Южной Сибири такое заболевание глаз, как конъюнктивит («ячмень»¹), связывалось с образом духа-покровителя злаковых растений (латинское название заболевания *Hordeolum* обозначает «ячмень»). Подобное наименование, вероятно, возникло в среде земледельцев. При этом такой образ для населения был все же чужеродным – качинцы считали его прибывшим из китайской земли. Когда дух гневался, то причинял болезнь глазам [Алексеев, 1975. С. 75]. У хакасов лекари в заговоре просили болезнь (конъюнктивит) «спуститься» в ячмень [Бутанаев, Монгуш, 2005. С. 110–111]. Сходные представления бытовали у желтых уйгуров Китая [Малов, 1967. С. 25–27].

Во избежание недуга духам посвящали лошадей и овец. Так, *койбалы* для защиты семьи от головных и глазных болезней определяли духам рыжего коня [Алексеев, 1975. С. 75]. Обычай посвящать животных духам и божествам, вызывавшим болезни, был широко распространен и среди западных монголов.

При лечении заболеваний глаз применялись радикальные способы, зачастую усугубляющие ситуацию либо приводящие к полной утрате зрения.

Так, буряты при воспалении глаз или бельме прикладывали к глазам сырое мясо, мыли глаза детской мочой [Потанин, 1883. С. 131]. Применяли горячие внутренности животных при лечении глазных болезней и алтайцы [Вербицкий, 1893. С. 87].

Среди приемов народной медицины в Саяно-Алтайском регионе привлекает внимание использование для лечения глазных болезней порошка из перламутра, который, по представлениям тувинцев и алтайцев, обладал лечебными свойствами. Украшения *тана* в виде перламутрового диска и пуговиц были широко распространены в Южной Сибири с древнетюркской эпохи [Михайлова, 2005. С. 104]. Для лечения некоторых глазных болезней (*каракка чува тужер*) тувинцы соскребали верхний слой с поверхности этих перламутровых предметов [Клюева, Михайлова, 1988. С. 198]. Алтайцы для этих же целей использовали порошок из перламутра с красным отливом (*тынду-тана*) [Вербицкий, 1893. С. 86].

А. И. Манжигеев описывал способ лечения бельма, при котором бельмо пытались соскабливать острым ножом и после этого смесью сахарного порошка с порошком посыпать больное место [1960. С. 180]. Сходным способом пытались избавляться от бельма башкиры. Для лечения они использовали белый перламутровый сердолик (*акык*). Обычно, соскоблив немного порошка с пуговиц и перстней, сыпали его в больной глаз. При отсутствии сердолика использовали порошок комкового сахара [Минибаева, 2009. С. 42].

В целом наиболее распространенными способами лечения глазных болезней стало использование пороха, сахарного или табачного порошка. Подобные «лечебные» рецепты не раз упоминались в трудах исследователей Сибири. В частности, Ц. Жамцарано писал: «Наш общий знакомый Сэндэн поранил себе глаза и лежал в горячке. Лечил он свои глаза листовым табаком, козьими легкими, усиленным трением больных глаз пальцем и табачным порошком, и от таких лечений перестал видеть и близок был к беспамятству. К сожалению, со мной не было полной аптечки, но все-таки я велел принести чистой ключевой воды, обмыл хорошенько лицо, потом сделал промывку с калием и, наконец, предложил делать холодный чистый компресс, дав нужные советы и материалы. Больной скоро оправился и был беско-

¹ «Ячмень (*hordeolum*) – острое гнойное воспаление волосяного мешочка ресницы или сальной железы века» [Попова, 1988. С. 541].

нечно рад, что мы так случайно наехали на них» [Жамцарано, 2001. С. 287]. Как видим, больной применил весь спектр известных ему «лечебных» средств в надежде вылечить глаза.

Полагаем, что исходным образцом порошковой «лекарственной» смеси первоначально служил перламутр, поскольку его внешние данные вызывали ассоциации с ночным небесным светилом. В Забайкалье, в зоне влияния тибетской и монгольской народной медицины, образцом лекарственного средства могла служить целебная смесь, которая составлялась из 33 веществ растительного, животного и минерального происхождения (цветы герани, рога оленя, соль магния, медвежья желчь, змеиное мясо, мрамор, порошок железа, сплав цинка и др.) и имела вид порошка. Его использовали наружно – присыпали больной глаз, и употребляли вовнутрь при слезотечении, миопии, помутнении роговицы, чувстве жжения и острой режущей боли в глазах, различных язвенных и воспалительных процессах [Хайдав и др., 1985. С. 181].

Буряты-буддисты использовали при лечении заболеваний глаз и магические предметы. Так, Л. Линховоин писал, что при образовании бельма агинские буряты клали в пораженный глаз *пэлдэн*. Согласно описанию, это белый, с желтоватым оттенком, кружочек диаметром около 0,5 см². Одна его сторона выпуклая, вторая – плоская. По форме он напоминает дольку бобового семени. Люди, лечившиеся им, утверждали, что нахождение в глазу такого крупного тела совершенно не ощущается [2012. С. 310]. В действительности назначение такого предмета в буддийской традиции несколько иное: *пэлдэн* – это волшебные пилюли, обладающие магической силой очищения грехов тела, сознания, речи, способствующие благополучному перерождению в мире людей [Нацов, 1995. С. 135]. Обычно эти пилюли давали проглотить умирающему человеку, чтобы обеспечить его лучшее перерождение.

Заключение

Традиционные представления о глазах и зрении в целом, зафиксированные у разных народов Внутренней Азии, выявляют общий пласт воззрений, согласно которым способность видеть даруется всем живым существам, и в частности человеку, небесными светилами – источниками света. В этом сложном мировоззренческом комплексе переплетаются представления о связи зрения с луной, солнцем, звездами, об ассоциации глаз с душой, воззрения о смерти с запретом спать под светом небесных светил.

Исследование комплекса традиционных представлений, выявляющих характерные признаки глазных заболеваний и обрядовых действий, направленных на исцеление, позволяют предположить, что наиболее распространенными заболеваниями у тюрко-монгольских народов Сибири были катаракта и конъюнктивит. Катаракту в определенной степени можно считать медико-географической спецификой Центральной и Внутренней Азии, подверженным интенсивному солнечному излучению. Некоторые инфекционные заболевания глаз, в частности трахома, явно были привнесены в регион достаточно поздно, поэтому в мифологическом осмыслении и ритуальной сфере монгольских народов ее отражение не обнаруживается. Практически отсутствуют воззрения о глаукоме и близорукости. Полагаем, что эти глазные недуги не были частыми спутниками кочевников-степняков, в отличие от северных народов – хантов, манси, ненцев, эвенков, селькупов, среди которых близорукость и слепота, по наблюдениям этнографов, встречались чаще. Причиной распространения близорукости, страдали которой главным образом женщины, очевидно, являлись традиционные занятия северянок. Они круглый год были заняты шитьем меховых одежд, меховых пологов для чума, украшением бисером одежд и меховых атрибутов жилища. Такая кропотливая работа осуществлялась долгими зимними вечерами преимущественно при тусклом свете лучины, следствием чего и становилась утрата зрения. У степняков, в традиции которых круг жен-

² К сожалению, Л. Линховоин не упоминал, из какого материала изготавливался *пэлдэн*.

ских занятий был значительно шире, на выполнение такой кропотливой работы, как вышивка и шитье бисером, не оставалось времени.

Список литературы

- Алексеев Н. А.** Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, 1975. 198 с.
- Алексеев Н. А.** Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 315 с.
- Алексеев Н. А.** Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1984. 233 с.
- Алексеева Л. Л.** Эволюция глазных заболеваний и слепоты в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2010. Т. 7, № 4. С. 32–37.
- Березкин Ю. Е.** Мифы глубокой древности // Природа. 2005. № 4 (1076). С. 55–62.
- Березкин Ю. Е.** Отражение картины мира в традиционных нарративах: реконструкция глобальных тенденций распространения и хронологической последовательности появления мотивов мифологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46, № 2. С. 149–157.
- БРС – Буряад-ород толи.** Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. Т. 1: А–Н. 636 с.; 2010. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Бутанаев В. Я.** Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.** Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2005. 196 с.
- Вербицкий В. И.** Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований алтайского миссионера протоиерея Вербицкого В. И. М.: Тов-во скоропечати А. А. Левенсон, 1893. 221 с.
- Грачева Г. Н.** Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л.: Наука, 1983. 172 с.
- Галданова Г. Р.** Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 115 с.
- Головнев А. В.** Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. 606 с.
- Жамцарано Ц.** Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 380 с.
- История Баргузинской Степной думы в документах Государственного архива Республики Бурятия (1824–1903 гг.) / Сост. Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас.** Иркутск: Оттиск, 2012. 351 с.
- История и культура нанайцев.** Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 2003. 325 с.
- Карпов Ю. Ю.** Женский лик Кавказа // Россия и Кавказ: история, религия, культура. СПб.: Довлатовский фонд, 2003. С. 44–63.
- Клюева Н. И., Михайлова Е. А.** Каталог съемных украшений народов Сибири (по материалам МАЭ) // Сборник МАЭ. М.; Л., 1988. Т. 42: Материальная и духовная культура народов Сибири. С. 195–208.
- Линховоин Л.** Лодон багшын дэбтэрхээ. Материалы на бурятском и русском языках. Улан-Удэ: Буряад-монгол ном, 2012. 382 с.
- Ляшенко И. Э., Елизарова М. А., Желтова В. И.** Исторические аспекты борьбы с трахомой на территории Оренбургской области (конец XIX – начало XX в.) // Вестник ОГУ. 2014. № 12. С. 201–204.
- Мазалова Н. Е.** Состав человеческий. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петерб. востоковедение, 2001. 192 с.

- Майский И. М.** Современная Монголия: Отчет Монгольской экспедиции, снаряженной Иркутской конторой Всероссийского Союза потребителей Товариществ «Центросоюз». Иркутск: [б. и.], 1921. 332 с.
- Малов С. Е.** Язык желтых уйгуров. Тексты и переводы. М.: Наука, 1967. 220 с.
- Манжигеев И. М.** Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1960. 230 с.
- Минибаева З. И.** Народная медицина башкир Южного Урала и тюркских народов Сибири: общее и особенное // Вестник Челяб. гос. ун-та. 2009. № 37 (175). История (вып. 36). С. 37–46.
- Михайлова Е. А.** Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12–120.
- Нацов Г.-Д.** Материалы по истории и культуре бурят / Пер. и примеч. Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. Ч. 1. 156 с.
- Осокин Г. М.** На границе с Монголией. Очерки и материалы к этнографии юго-западного Забайкалья. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906. 304 с.
- Попова З. С.** Ячмень // Большая медицинская энциклопедия: В 30 т. М.: Сов. энциклопедия, 1988. Т. 28. С. 541.
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. Вып. 4: Материалы этнографические. 1029 с.
- Потапов А. П.** Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 401 с.
- РМС – Орос-монгол толь. Русско-монгольский словарь. Улан-Батор: Госиздат, 1982. 840 с.
- Сагалаев А. М.** Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 155 с.
- Серошевский В. Л.** Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Московская типография № 2, 1993. 736 с.
- Становление дочери Омогой-бая злым духом юёр // Якутские мифы. Новосибирск: Наука, 2004. С. 291–292.
- Ставшая злым духом, причиняющим глазные болезни // Якутские мифы. Новосибирск: Наука, 2004. С. 275.
- Термен А. И.** Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальского края. Очерки и впечатления. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1912. 144 с.
- Хайдав Ц., Алтанчимэг Б., Варламова Т. С.** Лекарственные растения в монгольской медицине. Улан-Батор: Госиздат, 1985. 389 с.
- Хангалов М. Н.** Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. Т. 2. 443 с.; 1960. Т. 3. 420 с.
- Цыретарова Б. Б.** Борьба с социальными болезнями в Бурятии (1920–1940-е гг.) // Вестник Бурят. гос. ун-та. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. № 1. С. 29–35.
- Чеснов Я. В.** Шаг Майтрейи: некоторые вопросы изучения кинесики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л.: Наука, 1989. С. 122–139.
- Щепанская Т. Б.** Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
- Andrews R. Ch.** The new conquest of Central Asia. A narrative of the explorations of the Central Asiatic expeditions in Mongolia and China, 1921–1930. New York, American Museum of Natural History, 1932, 678 p.
- Boyd J.** Japanese-Mongolian relations, 1873–1945: faith, race and strategy. Folkstone, Kent, Global Oriental, 2010, 264 p.
- Foucault M.** The History of Sexuality. An Introduction. New York, Pantheon Books, 1978, vol. 1, 169 p.
- Le Goff J.** The Medieval Imagination, translated by Arthur Goldhammer. Chicago & London, University of Chicago Press, 1988, 302 p.
- Le Goff J., Truong N.** Une Histoire du corps au Moyen-Age. Paris, Editions Liana Levi, 2003, 197 p.

Janhunen J. “Samoyedic”. In: Daniel Abondolo (ed). *The Uralic languages*. London, New York, Routledge, 1998, p. 457–479.

References

- Alekseev N. A.** Rannie formy religii tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Early Forms of Religion of the Turkic-Speaking Peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 315 p. (in Russ.)
- Alekseev N. A.** Shamanizm tyurkoyazychnykh narodov Sibiri [Shamanism of the Turkic-Speaking Peoples of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1984, 233 p. (in Russ.)
- Alekseev N. A.** Traditsionnye religioznye verovaniya yakutov v XIX – nachale XX v. [Traditional Religious Beliefs of the Yakuts in the 19th – early 20th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1975, 198 p. (in Russ.)
- Alekseeva L. L.** Evolyutsiya glaznykh zabolevanii i slepoty v respublike Sakha (Yakutiya) [Evolution of Eye Diseases and Blindness in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Bulletin of the North-Eastern Federal University named by M. K. Ammosov], 2010, vol. 7, no. 4, p. 32–37. (in Russ.)
- Andrews R. Ch.** The new conquest of Central Asia. A narrative of the explorations of the Central Asiatic expeditions in Mongolia and China, 1921–1930. New York, American Museum of Natural History, 1932, 678 p.
- Berezkin Yu. E.** Mify glubokoi drevnosti [Myths of Antiquity]. *Priroda* [Nature], 2005, no. 4 (1076), p. 55–62. (in Russ.)
- Berezkin Yu. E.** Otrazhenie kartiny mira v traditsionnykh narrativakh: rekonstruktsiya global'nykh tendentsii rasprostraneniya i khronologicheskoi posledovatel'nosti poyavleniya motivov mifologii [Reflection of the World View in Traditional Narratives: reconstruction of global trends of distribution and the chronological sequence of the emergence of mythology motifs]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2018, vol. 46, no. 2, p. 149–157. (in Russ.)
- Boyd J.** Japanese-Mongolian relations, 1873–1945: faith, race and strategy. Folkstone, Kent, Global Oriental, 2010, 264 p.
- Buryaad-orod toli.** Buryatsko-russkii slovar' [Buryaad-Orod Toli. Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, Republics Typography Publ., 2006, vol. 1: A–N, 636 p.; 2010, vol. 2: O–Ya, 636 p. (in Buryat and Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar' [Khakassian-Russian Historical and Ethnographic Dictionary]. Abakan, Khakasia Publ., 1999, 240 p. (in Russ.)
- Butanayev V. Ya., Mongush Ch. V.** Arkhaicheskie obychai i obryady sayanskikh tyurkov [Archaic Customs and Rites of the Sayan Turks]. Abakan, Khakass State Uni. Publ., 2005, 196 p. (in Russ.)
- Chesnov Ya. V.** Shag Maitreii: nekotorye voprosy izucheniya kinesiki [Maitreya's Shag: Some Issues of Studying Kinesics]. In: *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic Study of Sign Culture Means]. Leningrad, Nauka, 1989, p. 122–139. (in Russ.)
- Foucault M.** The History of Sexuality. An Introduction. New York, Pantheon Books, 1978, vol. 1, 169 p.
- Galdanova G. R.** Dolamaistskie verovaniya buryat [Pre-lamaist Beliefs of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 115 p. (in Russ.)
- Golovnev A. V.** Govoryashchie kul'tury. Traditsii samoditsev i ugrov [Talking Cultures. Traditions of the Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg, UB RAS Publ., 1995, 606 p. (in Russ.)
- Gracheva G. N.** Traditsionnoe mirovozzrenie okhotnikov Taimyra [Traditional Worldview of Taimyr Hunters]. Leningrad, Nauka, 1983, 172 p. (in Russ.)
- Istoriya Barguzinskoi Stepnoi dumy v dokumentakh Gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Buryatiya (1824–1903 gg.)** [The History of the Barguzin Steppe Duma in the Documents of the

- State Archive of the Republic of Buryatia (1824–1903)]. Comp. by B. Ts. Zhalsanova, L. V. Kuras. Irkutsk, Ottisk Publ., 2012, 351 p. (in Russ.)
- Istoriya i kul'tura nanaitsev. Istoriko-etnograficheskiye ocherki [History and Culture of the Nanai. Historical and Ethnographic Essays]. St. Petersburg, Nauka, 2003, 325 p. (in Russ.)
- Janhunen J.** “Samoyedic”. In: Daniel Abondolo (ed). The Uralic languages. London, New York, Routledge, 1998, p. 457–479.
- Karpov Yu. Yu.** Zhenskii lik Kavkaza [The Female Face of the Caucasus]. In: Rossiya i Kavkaz: istoriya, religiya, kul'tura [Russia and Caucasus: history, religion, culture]. St. Petersburg, Dovlatovskii fond Publ., 2003, p. 44–63. (in Russ.)
- Khaidav Ts., Altanchimeg B., Varlamova T. S.** Lekarstvennye rasteniya v mongol'skoi meditsine [Medicinal Plants in Mongolian Medicine]. Ulan-Bator, State Publ. House, 1985, 389 p. (in Russ.)
- Khangalov M. N.** Sobranie sochinenii [Collected Works]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1959, vol. 2, 443 p.; 1960, vol. 3, 420 p. (in Russ.)
- Klyueva N. I., Mikhailova E. A.** Katalog s'emnykh ukrashenii narodov Sibiri (po materialam MAE) [A Catalogue of Removable Jewelry of the Peoples of Siberia (Based on Materials of the Museum of Anthropology and Ethnography)]. In: Sbornik MAE [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Moscow, Leningrad, MAE Publ., 1988, vol. 42: Material and Spiritual Culture of the Peoples of Siberia, p. 195–208. (in Russ.)
- Le Goff J.** The Medieval Imagination, translated by Arthur Goldhammer. Chicago & London, University of Chicago Press, 1988, 302 p.
- Le Goff J., Truong N.** Une Histoire du corps au Moyen-Age. Paris, Editions Liana Levi, 2003, 197 p.
- Linkhovoin L.** Lodon bagshyn debterkhhee. Materialy na buryatskom i russkom yazykakh [From the Notebooks of Lodonbagsha. Materials in the Buryat and Russian Languages]. Ulan-Ude, Buryaad-mongol nom Publ., 2012, 382 p. (in Buryat and Russ.)
- Lyashenko I. E., Yelizarova M. A., Zheltova V. I.** Istoricheskie aspekty bor'by s trakhomoi na territorii Orenburgskoi oblasti (konets XIX – nachalo XX v.) [Historical Aspects of the Fight against Trachoma in the Orenburg region (late 19th – early 20th Centuries)]. *Vestnik OGU [Bulletin of the Orenburg State University]*, 2014, no. 12, p. 201–204. (in Russ.)
- Malov S. E.** Yazyk zheltykh uigurov. Teksty i perevody [The Language of the Yellow Uighurs. Texts and Translations]. Moscow, Nauka, 1967, 220 p. (in Russ.)
- Manzhigeev I. M.** Yangutskii buryatskii rod (opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya) [The Yangutsky Buryat Clan (an experience of historical and ethnographic study)]. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1960, 230 p. (in Russ.)
- Mayskiy I. M.** Sovremennaya Mongoliya: Otchet Mongol'skoi ekspeditsii, snaryazhennoi Irkutskoi kontoroi Vserossiiskogo Soyuza potrebitel'nykh Tovarishchestv “Tsentosoyuz” [Report of the Mongol Expedition Equipped by the Irkutsk Office of the All-Russian Union of Consumer Partnerships “Centrosoyuz”]. Irkutsk, 1921, 332 p. (in Russ.)
- Mazalova N. E.** Sostav chelovecheskii. Chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniyakh russkikh [The Composition of a Human. Man in the Traditional Somatic Representations of the Russians]. St. Petersburg, Petersburgskoe vostokovedenie Publ., 2001, 192 p. (in Russ.)
- Mikhailova E. A.** S'emnye ukrasheniya narodov Sibiri [Removable Jewelry of the Peoples of Siberia]. In: Ukrasheniya narodov Sibiri [Jewelry of the Peoples of Siberia]. St. Petersburg, MAE RAS Publ., 2005, p. 12–120. (in Russ.)
- Minibayeva Z. I.** Narodnaya meditsina Bashkir Yuzhnogo Urala i tyurkskikh narodov Sibiri: obshchee i osobennoe [Traditional Medicine of the Bashkirs of the Southern Urals and the Turkic peoples of Siberia: the general and the particular]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Chelyabinsk State University]*, 2009, no. 37 (175), History (iss. 36), p. 37–46. (in Russ.)

- Natsov G.-D.** Materialy po istorii i kul'ture buryat [Materials on the History and Culture of the Buryats]. Trans. and notes by G. R. Galdanova. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center SB RAS Publ., 1995, part 1, 156 p. (in Russ.)
- Oros-mongol tol'. Russko-mongol'skii slovar' [Russian-Mongolian Dictionary]. Ulaanbaatar, State Publ. House, 1982, 840 p. (in Russ. and Mong.)
- Osokin G. M.** Na granitse s Mongoliei. Ocherki i materialy k etnografii yugo-zapadnogo Zabaykal'ya [On the Border with Mongolia. Essays and Ethnographic Materials from the Southwestern Transbaikal Region]. St. Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1906, 304 p. (in Russ.)
- Popova Z. S.** Yachmen' [Stye]. In: Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya [A Big Medical Encyclopedia]. In 30 vols. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1988, vol. 28, p. 541 (in Russ.)
- Potantin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays on North-Western Mongolia]. St. Petersburg, V. Kirshbaum Publ., 1883, iss. 4: Ethnographic Materials, 1029 p. (in Russ.)
- Potapov A. P.** Ocherki narodnogo byta tuvintsev [Essays on the Folk Life of the Tuvans]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 401 p. (in Russ.)
- Sagalaev A. M.** Uralo-altaiskaya mifologiya. Simvol i arkhetip [Ural-Altai Mythology. Symbolism and Archetypes]. Novosibirsk, Nauka, 1991, 155 p. (in Russ.)
- Seroshevsky V. L.** Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya [Yakuts. Ethnographic research experience]. 2nd ed. Moscow, Moscow printing house no. 2 Publ., 1993, 736 p. (in Russ.)
- Shchepanskaya T. B.** Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX–XX vv. [Culture of the Road in the Russian Myth and ritual tradition of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2003, 528 p. (in Russ.)
- Stanovlenie docheri Omogoi-baya zlym dukhom yuer [Formation of the Daughter Omogoy-bai Evil Spirit Yuyor]. In: Yakutskie mify [Yakut myths]. Novosibirsk, Nauka, 2004, p. 291–292. (in Russ.)
- Stavshaya zlym dukhom, prichinyayushchim glaznye bolezni [An Evil Spirit Causing Eye Diseases]. In: Yakutskie mify [Yakut myths]. Novosibirsk, Nauka, 2004, p. 275. (in Russ.)
- Termen A. I.** Sredi buryat Irkutskoi gubernii i Zabaykal'skogo kraia. Ocherki i vpechatleniya [Among the Buryats of the Irkutsk province and Transbaikalia. Essays and Impressions]. St. Petersburg, Ministry of Internal Affairs Publ., 1912, 144 p. (in Russ.)
- Tsyretarova B. B.** Bor'ba s sotsial'nymi boleznyami v Buryatii (1920–1940-e gg.) [Fight against Social Diseases in Buryatia (1920–1940)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya Vnutrennei Azii* [Bulletin of Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia], 2016, no. 1, p. 29–35. (in Russ.)
- Verbitskiy V. I.** Altaiskie inorodtsy. Sbornik etnograficheskikh statei i issledovaniy altaiskogo missionera protoiereya Verbitskogo V. I. [Altai Indigenous People. Collection of Ethnographic Articles and Studies of the Altai Missionary Archpriest Verbitsky V. I.]. Moscow, Fraternity Association A. A. Levenson Publ., 1893, 221 p. (in Russ.)
- Zhamtsarano Ts.** Putevye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel Diaries of 1903–1907]. Ulan-Ude, Buryat Scientific Center SB RAS Publ., 2001, 380 p. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
14.03.2019

Сведения об авторах

Содномпилова Марина Михайловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия)
sodnompilova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0741-0494

Нанзатов Баир Зориктеевич, PhD, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия)
nanzatov@yandex.ru
ORCID 0000-0001-8012-2515

Information about Authors

Marina M. Sodnompilova, Doctor of History, Leading researcher at the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS (6 Sakh'yanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation)
sodnompilova@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0741-0494

Bair Z. Nanzatov, PhD in History, Senior researcher at the Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS (6 Sakh'yanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation)
nanzatov@yandex.ru
ORCID 0000-0001-8012-2515

УДК 902.2

DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-160-164

**Методический семинар «Сохранение объектов
археологического наследия Российской Азии:
результаты и тенденции»
(Новосибирск, 4–5 марта 2019 года)**

Д. А. Бычков, К. К. Павленок, А. В. Выборнов

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Сохранение археологического наследия требует постоянного внимания и квалифицированного (т. е. подготовленного) обсуждения проблем в изменяющихся условиях социального, политического и экономического окружения. С целью поиска решений возникающих задач Институтом археологии и этнографии СО РАН был организован методический семинар «Сохранение объектов археологического наследия Российской Азии: результаты и тенденции», который проходил 4–5 марта 2019 г. Участие в работе семинара приняли представители ведущих археологических учреждений РАН – Института археологии РАН, Института истории материальной культуры РАН, сотрудники государственных органов охраны объектов культурного наследия Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов и другие представители научного археологического сообщества.

Ключевые слова

Северная Азия, Россия, наследие, археология, законодательство, семинар, резолюция

Для цитирования

Бычков Д. А., Павленок К. К., Выборнов А. В. Методический семинар «Сохранение объектов археологического наследия Российской Азии: результаты и тенденции» (Новосибирск, 4–5 марта 2019 года) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 160–164. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-160-164

**A Methodological Seminar “Preservation of the Objects
of Archaeological Heritage of Russian Asia: Results and Trends”
(Novosibirsk, March, 4–5, 2019)**

D. A. Bychkov, K. K. Pavlenok, A. V. Vybornov

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. In modern society, issues of preserving cultural heritage are of constant relevance. This is due to the ongoing struggle for the realization of the interests of a large number of agents. The participants in this process are executive authorities, academic institutions, commercial organizations and economic entities. The interests of each agent are in their own plane whose extreme points intersect with the planes of other agents. Consequently, all parties involved in preserving cultural heritage have points of convergence of their interests. In order to arrange preservation of cultural

© Д. А. Бычков, К. К. Павленок, А. В. Выборнов, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography

heritage as a common project, it is necessary to develop communication at the points of convergence of the interests. For this purpose, the Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS conducted a methodological seminar on March 4–5, 2019, that brought together archaeologists from Western and Eastern Siberia and the Far East. The workshop was attended by representatives of institutions of the Russian Academy of Sciences and executive authorities, as well as practicing archaeologists and experts. The extensive geography of the participants and the opportunity to communicate “at the same table” allowed us to openly discuss topical issues.

Results. The main topics of discussion were changes in the federal legislation related to the preservation of cultural heritage. The main issue here is enormous complexity of its adequate and full application at the local level. However, in some cases, efforts of regional executive bodies help to solve these problems quite effectively. The other side of the issue is preparation of proposals for a change in the regulatory documents governing such areas of the economy as forestry and subsoil use. The issue of systematizing information on cultural heritage sites, which is currently accumulated in various institutions, has acquired particular relevance. This is due to its colossal scale and increased interest in the results of analytical studies of the laws addressing spatial location of archaeological sites.

Conclusion. The outcome of the seminar was its resolution presented in this paper. The paragraphs of the resolution reflect the main conclusions and proposed solutions that were agreed by various specialists during the general discussion. This event, as a platform for communication, is extremely important for establishing a common position of the scientific archaeological community.

Keywords

North Asia, Russia, heritage, archaeology, legislation, workshop, resolution

For citation

Bychkov D. A., Pavlenok K. K., Vybornov A. V. A Methodological Seminar “Preservation of the Objects of Archaeological Heritage of Russian Asia: Results and Trends” (Novosibirsk, March, 4–5, 2019). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 160–164. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-160-164

Методический семинар «Сохранение объектов археологического наследия Российской Азии: результаты и тенденции», организованный ИАЭТ СО РАН при участии ИА РАН, ИИМК РАН, прошел в Новосибирске 4–5 марта 2019 г. Обсуждались существующие методические проблемы и формулировались предложения по их решению в конкретных условиях. Участники семинара выразили обеспокоенность отсутствием решения задачи по организации специализированных археологических фондохранилищ, предусмотренных поручением Президента Российской Федерации, данного по итогам заседания Совета по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации, состоявшегося в декабре 2017 г. Другой проблемой, затронутой в обсуждении, является продолжающаяся практика отказов в приеме на постоянное хранение в Музейный фонд Российской Федерации археологических коллекций, включающих массовый археологический материал. Вместе с этим на семинаре было отмечено, что реализация положений Федерального закона от 03.08.2018 № 342-ФЗ, предусматривающего разработку критериев определения территорий, в пределах которых у органов охраны объектов культурного наследия имеются основания предполагать наличие объектов археологического наследия, и утверждение Министерством культуры Российской Федерации границ указанных территорий, требует проведения масштабных научно-исследовательских работ, обеспеченных необходимым финансированием, что при отсутствии на федеральном уровне и в субъектах Российской Федерации соответствующих целевых программ делает задачу определения таких территорий нереализуемой.

Итогом двухдневной работы семинара стала его резолюция, сформулированная из выводов, к которым пришли участники в результате совместного обсуждения. Данные выводы получили форму рекомендаций, адресованных органам власти и научным учреждениям.

1. Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: рассмотреть вопрос о подготовке и внесении на рассмотрение в первом чтении проекта федерального закона о внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» и Федеральный закон «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», обеспечивающих учет, организацию хранения, сохранность и неделимость археологических кол-

лекций, в том числе массового археологического материала в составе хранилищ государственных музеев и специализированных археологических фондохранилищ; поддержать проект федерального закона «О внесении дополнений и изменений в Федеральный закон “Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части обеспечения сохранности объектов культурного наследия, находящихся под водой)» при его поступлении на рассмотрение в Государственную Думу; ускорить рассмотрение вопроса о внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации в части включения археологических полевых работ в состав работ по использованию лесов.

2. Министерству культуры Российской Федерации: интенсифицировать деятельность по выполнению поручения Президента Российской Федерации о создании специализированных археологических хранилищ; проработать вопрос о механизмах финансирования работ по определению территорий, в пределах которых у органов охраны объектов культурного наследия имеются основания предполагать наличие объектов археологического наследия, из средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации либо о подготовке обеспечивающих сохранность объектов археологического наследия изменений в положения Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в редакции Федерального закона от 03.08.2018 № 342-ФЗ), связанных с организацией государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению; проработать вопрос о внесении в п. 3 ст. 31 Федерального закона от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» положения о том, что требования к определению физических и юридических лиц, которые могут привлекаться в качестве экспертов при проведении государственной историко-культурной экспертизы земельных участков, подлежащих воздействию земляных, строительных и иных хозяйственных работ, путем археологической разведки определяются в соответствии со статьей 45.1 данного федерального закона, с внесением в нее соответствующих изменений и дополнений. Рассмотреть вопрос о возможности утверждения и направления в органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации разработанных с участием РАН и обязательных к применению методических рекомендаций по разработке проектной документации, по обеспечению сохранности объектов археологического наследия при проведении хозяйственных работ. Рассмотреть вопрос о подготовке проекта нормативно-правового акта о включении в показатели оценки эффективности деятельности высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации пункта об исполнении обязательных мероприятий в части сохранения объектов археологического наследия, в том числе утверждения их границ; рассмотреть вопрос о внесении изменений в законодательство об объектах культурного наследия в части упрощения процедуры по исключению из перечня выявленных объектов культурного наследия объектов археологического наследия, полностью исследованных в ходе археологических раскопок.

3. Министерству природных ресурсов Российской Федерации: рассмотреть вопрос о дополнении Федерального закона «О недрах» положениями, предусматривающими обязательный учет в составе выдаваемых лицензий информации о наличии объектов археологического наследия; поддержать предложение о внесении в Лесной кодекс Российской Федерации изменений, предусматривающих включение археологических полевых работ в состав работ по использованию лесов.

4. Российской академии наук, Министерству культуры России, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации: рассмотреть вопрос о создании с участием РАН информационных систем «Археологическая карта» в субъектах Российской Федерации и ее интегрирование с информационными системами обеспечения градостроительной деятельности и информационной системой ведения Единого государственного реестра недвижимости, с подготовкой, при необходимости, соответствующих изменений и дополнений в законода-

тельные и нормативные акты Российской Федерации. Предусмотреть формирование рабочей группы под руководством РАН по выработке информационного стандарта (шаблонов) описания археологических данных (унификация информации и принципов ее систематизации) с целью создания геоинформационных ресурсов для государственных органов, научных и производственных организаций, деятельность которых связана с исследованием и сохранением объектов археологического наследия.

5. ИАЭТ СО РАН продолжать организацию открытых методических семинаров для обсуждения методической и нормативно-правовой базы археологических исследований на базе ИАЭТ СО РАН с учетом региональной специфики территорий и объектов Российской Азии.

Представленные положения резолюции данного методического семинара полноценно отражают проблемы, с которыми сталкивается археологическое сообщество в своей научно-исследовательской практике. Их открытое обсуждение позволяет наладить диалог между специалистами из разных учреждений и организаций, без которого невозможно выстроить непротиворечивую, органичную и гибкую систему охраны культурного наследия Российской Федерации. Данное мероприятие является продолжением обсуждения вопросов, обозначенных на предшествующих семинарах.

Материал поступил в редколлегию

*Received
16.01.2020*

Сведения об авторах

Бычков Дмитрий Александрович, инженер-исследователь Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
bda.nsk@yandex.ru
ORCID 0000-0002-7646-9740

Павленок Константин Константинович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
pavlenok-k@yandex.ru
ORCID 0000-0003-0205-2077

Выборнов Антон Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
vybornov@archaeology.nsc.ru
ORCID 0000-0002-9063-5223

Information about Authors

Dmitry A. Bychkov, research engineer, Department of Rescue Archaeological Works at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090 Russian Federation)
bda.nsk@yandex.ru
ORCID 0000-0002-7646-9740

Konstantin K. Pavlenok, PhD in History, Deputy director at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090 Russian Federation)

pavlenok-k@yandex.ru

ORCID 0000-0003-0205-2077

Anton V. Vybornov, PhD in History, senior scientist researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090 Russian Federation)

vybornov@archaeology.nsc.ru

ORCID 0000-0002-9063-5223

Список сокращений

АВПРИ	–	Архив внешней политики Российской империи, Москва
АлтГУ	–	Алтайский государственный университет, Барнаул
БНЦ	–	Байкальский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
БНЦ СО РАН	–	Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
ВКП(б)	–	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВСОИРГО	–	Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества
ГИМ	–	Государственный исторический музей, Москва
ГЭ	–	Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
ДВО РАН	–	Дальневосточное отделение Российской академии наук
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук
ИАЭТ СО РАН	–	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры, Санкт-Петербург
ИИФиФ СО РАН	–	Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, Новосибирск
КОПОИРГО	–	Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛИАЭ	–	Ленская историко-археологическая экспедиция
ЛССФ	–	ленточный свайно-столбчатый фундамент
МАЭ РАН	–	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
ММК	–	Музеи Московского Кремля
НГУ	–	Новосибирский государственный университет
НИИЯиК	–	Научно-исследовательский институт языка и культуры
ОГУ	–	Оренбургский государственный университет
ОРПГФ ММК	–	Отдел рукописных, печатных и графических фондов Музеев Московского Кремля
ПМА	–	полевые материалы автора
РА	–	Российская археология
РГАДА	–	Российский Государственный архив древних актов, Москва
РТГЭУ	–	Российский государственный торгово-экономический университет
РК	–	районный комитет
РФФИ	–	Российский фонд фундаментальных исследований
СА	–	Советская археология
СНК	–	Совет народных комиссаров
СО РАН	–	Сибирское отделение Российской Академии наук
СССР	–	Союз советских социалистических республик
СЭ	–	Советская этнография
ТКЭАН	–	Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция Академии наук
ТюмГУ	–	Тюменский государственный университет
УрГУ	–	Уральский государственный университет, Свердловск

УрО РАН	–	Уральское отделение Российской академии наук
ФЗ	–	Федеральный закон
ХакНИИЯЛИ	–	Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ХГУ им. Н. Ф. Катанова	–	Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан
ЭО	–	Этнографическое обозрение
ЯАССР	–	Якутская Автономная Советская Социалистическая республика
ЯНИЦ	–	Якутский научный центр
ИНМС	–	Institute for the History of Material Culture, St. Petersburg
IAE SB RAS	–	Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk
SB RAS	–	Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Информация для авторов

Автор (соавторы), направляя статью в редакцию журнала, на безвозмездной основе передает (ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных договоров Российской Федерации являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, на распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (и исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на предоставление всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Авторы представляют статьи на русском или английском языке. Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм равняется 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков); объем сообщений, рецензий и других подобных материалов – до 8 тыс. знаков. В случае превышения указанных объемов такая публикация может быть принята к печати лишь по отдельному решению редколлегии. Публикация источников – по согласованию с редколлегией.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

Подробно ознакомиться с правилами оформления статей, а также проследить за ходом работы с Вашей статьей в редколлегии выпуска можно по адресу:

vestnik.nsu.ru/historyphilology – оперативная страница.

Адрес редакционной коллегии выпуска «Археология и этнография»: к. 1262, ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия. Тел. +7 (383) 363 42 62